
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ БЕССМЕРТНЫХ

Annotation

Лишь оказавшись на неведомой планете, галакткапитан Иван Таманцев понял, что его успешный побег из плена оказался кем-то подстроен. Загадочные изменения в собственном организме вызвали у бесстрашного воина ужас. Но для него это было только начало эпопеи… А подлинная история планеты с многозначительным названием Рок насчитывала уже несколько миллионов лет. Именно здесь голубокожие хараммины создали биологическое оружие для борьбы с разумными насекомыми, мигрирующими под натиском Предтеч по всей Вселенной. И когда за тысячу лет до аварии истребителя Ивана Таманцева здесь высадились колонисты с Земли, они сразу же подверглись мутации. Теперь подобная участь грозила уже всем обитателям Вселенной…

Авторское название книги – «Ответный удар».

Андрей Ливадный Последний из Бессмертных

Пролог

Медленный танец теней наполнял помещение.

Под сводами величественного зала на фоне имитации клубящихся облаков лазерные лучи чертили бледные, обладающие объемом, но все же призрачные фигуры людей и машин.

Девушки, скользившие в грациозных движениях танца, то исчезали, то появлялись вновь, под стать тем эфемерным фигурам, что медленно брели по заросшей мхом древней дороге.

Музыка звучала грозно и величественно, но в ее глухие раскаты резкими нотами врывались пронзительные звуки, заставляющие сжиматься сердца.

Страх и надежда.

Страх и надежда…

Два слова, из которых складывалась жизнь.

Флора стояла у стены и смотрела то на танец подруг-теней, то на исторически достоверные картины, появляющиеся под сводами.

Обычно сцены из прошлого, просмотренные уже сотни раз, переставали вызывать ответные чувства, но сегодня что-то произошло в ее душе, и Флора вновь, как в детстве, сопереживала им – призракам, многие из которых еще живы.

Вот под сводами зала проявился фрагмент чернильной бездны, брызнули яркими, немигающими точками россыпи звезд, и, затмевая узор созвездий, вдруг появилась громада космического корабля: сфера, скупо обозначенная навигационными огнями, с шестью утолщениями, обнимающими ее, как руки, и с хорошо читаемой надписью на борту:

Земля. Колониальный транспорт «Надежда».

Щемило сердце, и Флора не понимала – почему.

Вроде все как обычно, и не девочка уже давно, чтобы в тысячный раз сопереживать лазерному шоу, но что-то все же происходило, вот только понять, что именно, не удавалось, она лишь чувствовала, как звездная бездна вновь приобретает осмысленное значение, превращаясь в путь…

Но кто же мог прийти оттуда, из коварного пространства, таящего лишь холод и смерть?

Никто из присутствующих в зале уже очень давно не питал иллюзий относительно далекой, почти позабытой, недостижимой прародины. Земля

осталась там, за чужими узорами созвездий, и более не давала о себе знать.

«Что же со мной сегодня?»

Не хватало еще расплакаться, увидев иные картины, – их обязательно нарисуют лазеры, после того как объятый пламенем посадочных двигателей колониальный транспорт «Надежда» коснется опорами новой родины, которую выжившие назовут – Рок.

«Нет, не могу».

Не хотелось, чтобы кто-то из эмгланов (а их полно в зале) почувствовал ее состояние.

«Лучше выйду, прогуляюсь по свежему воздуху. Розы в самом цвету – любимое время года, не время для тоски».

– Уже уходишь? – настиг ее знакомый, чуть насмешливый голос.

Она обернулась уже на пороге зала.

Танец теней завершился, под сводами угасали последние величественные аккорды, а к ней, рассекая толпу, шел метаморф.

– Привет, Райбен. – Флора все же заставила себя улыбнуться – мило и беспечно.

– Прекрасно владеешь собой. Мне казалось минуту назад, что ты готова расплакаться.

– Верно. А как на душе у тебя?

Райбен задумался.

– Ты считаешь, Шодан, у метаморфов есть душа?

– Ты неисправим, – упрекнула Флора. – Душа есть у каждого.

– Только у некоторых она замерзла, будто заготовленная впрок рыба, – фыркнул Райбен и предложил Флоре руку. – Пойдем, прогуляемся. Мне тоже почему-то душно сегодня.

Они вышли под настоящие звезды, не такие яркие, чуть помаргивающие на небосводе.

– Как ты думаешь, мы можем ощущать что-то вне Рока?

– Вне? Это как?

– Ну, там, в космосе?

– Не понимаю тебя, – нахмурился Райбен. – Космос холоден и далек, в нем нет жизни, значит, нечего и ощущать, верно? Впрочем, спроси у эмгланов, они, наверное, лучше растолкуют тебе границы возможного восприятия.

– Мне почему-то сегодня кажется, что космос на самом деле не так пуст и враждебен, как принято считать.

– Ну, даже если и так? Нам-то что?

– Мне кажется, что-то грядет, – загадочно произнесла Флора. – И от

предчувствий нет покоя.

– Ты просто сегодня не в духе. А может, ты влюбилась? – Райбен изобразил на лице участливое беспокойство. – Ну, скажи, кто твой избранник?

– Прекрати смеяться надо мной. – Флора внезапно помрачнела. – У меня такое чувство, как будто там, в бездне, погибает человек. А я… Я ничего не могу поделать. Не могу помочь ему.

– Ты просто хандришь. Слушай, а давай поедем кататься? Наперегонки. По городу!

– С ума сошел? Час сервов вот-вот наступит.

– Ну и что? Подумаешь – сервы. Мы же, в конце концов, оперативники. Можно хоть раз использовать служебное положение в личных целях?

– Ладно, – нехотя согласилась Флора.

Удар аварийно-спасательной катапульты, мгновенная перегрузка, почти до потери сознания, потом – медленно проступающие на фоне космоса яркие россыпи звезд.

Сейчас, после изматывающего боя, хотелось закрыть глаза и больше ничего не видеть.

Он сделал все, что в человеческих силах, но…

Конвой уходил в гиперсферу, а рисунок звезд внезапно затмили стремительные контуры каперских истребителей.

Один из них вдруг засиял, как солнце, врубив двигатели торможения, и через несколько секунд электромагниты удержания подхватили капсулу с катапультировавшимся пилотом.

Он ничего не мог поделать, хотя понимал, что плен может оказаться худшим исходом, чем смерть в бою.

Часть первая «Слепой Рывок»

Глава 1

Планета Ганио.

3870 год галактического календаря

Узкая лестница с истершимися от прикосновения тысяч ног каменными ступенями вела от второго уровня мегаполиса к скалам, а затем, огибая сглаженные временем выступы горных пород, карабкалась ввысь, навстречу беспощадному сиянию звезды Халиф.

Туристы не замечают контрастов, на которых построена цивилизация «Колыбели Раздоров». Здесь современный город соседствует с древними укреплениями, миллионы искателей приключений, наемников, авантюристов, беглых преступников, сумасшедших, исследователей, непризнанных гениев и просто потерявших себя, утративших смысл жизни людей живут рядом, бок о бок, тут, кажется, дозволено все, но… только с одобрения Кланов.

Чтобы получить реальное представление о Ганио, мало набраться смелости (или безрассудства), совершить межзвездный перелет и, сойдя с борта комфортабельного челнока, вдруг оказаться посреди… пустыни. Мало увидеть утопающий в песках космический порт и возвышающийся среди движущихся барханов мегаполис, нужно остаться тут, утонуть в коловращении миллионов непохожих и ярких судеб, а затем найти в себе силы вынырнуть.

Редко кто прилетал сюда по зову сердца.

В основном у каждого из эмигрировавших на Ганио людей за плечами оставалась трудная жизнь, незавершенные дела и нелады с законом.

Длинная, вырезанная в камне лестница еще раз повернула, огибая скалу, и оборвалась темным зевом входа в пещеру.

На небольшой площадке между острыми гранитными глыбами, в тени, пристроились два ганианца. Рядом на треножном станке стоял крупнокалиберный импульсный пулемет с разбитым экраном целевого монитора и обрывками разлохмаченных оптических кабелей в том месте, где изначально крепился блок кибернетической системы, позволявшей оружию исполнять охранные функции без участия человека, в автоматическом режиме.

Все же дикий народ… – невольно подумалось Ивану.

Патологическое недоверие ганианцев к любым приборам сложнее

ударно-спускового механизма уже давно стало притчей во языцех, однако у галакткапитана Таманцева, не очень-то доверявшего слухам, была возможность убедиться – все так и есть. Правда, это утверждение касалось рядовых воинов, с клановой знатью он еще не успел познакомиться и потому не торопился делать окончательные выводы.

Двое охранников лениво покосились в его сторону, затем один из них нехотя встал и, сделав угрожающий жест – *стой, где стоишь*, – исчез в темноте тоннеля, ведущего в глубь скалы.

Через минуту он вновь появился на площадке, подошел к Ивану, грубо обыскал его и молча подтолкнул к входу.

Внутри было темно. После яркого света, источаемого полуденным Халифом, глазам требовалось время на адаптацию.

Никто не встретил пленника, и галакткапитан спокойно дождался, пока зрение свыкнется с сумраком. Наконец он стал различать стены: никакой отделки, видимых датчиков или протянутых вдоль тоннеля коммуникаций, хотя тусклые пятна желтоватого света указывали на энергопотребляющие источники неяркого освещения.

Медлить дальше показалось бессмысленным, и он пошел вперед. Через десяток метров тоннель вывел его в просторную, но не очень большую пещеру. На полу лежали ковры, стены скрывали драпировки, из предметов мебели присутствовал стол на гнутых ножках, пара аскетического вида скамей и нечто, напоминавшее резное противоперегрузочное кресло, в котором восседал хозяин представшего взгляду галакткапитана неброского великолепия.

Несмотря на невыносимую жару снаружи, в пещере царила прохлада. Иван невольно поискал взглядом устройство кондиционирования, но датчики импланта не лгали, прохлада пещеры оказалась явлением естественным.

– Садись, – раздался хрипловатый, усиленный эхом голос ганианца.

Иван не торопился подчиняться распоряжению.

– Не ломайся, как туристка, джелави, – вновь с легкой хрипотцой заговорил ганианец. – Мы воины, и нет смысла враждовать взглядами. Ты храбро сражался и заслужил уважение. – Он жестом указал на скамью. – Меня зовут Файзулло. Я старший в совете клана Джавгет.

Иван присел на жесткую скамью. Начало аудиенции ему не понравилось. В словах ганианца уважение звучало наигранно, а вот угроза в тоне казалась откровенной.

Он продолжал молчать, придерживаясь избранной тактики поведения. Терять ему все одно нечего. Если Файзулло так приспичило – пусть

говорит.

Тот не заставил себя ждать. Поерзав в старинном кресле, вырезанном умельцами из огромного корневища какого-то дерева, ганианец продолжил:

– Ты молчишь. Спрашиваешь себя, что с тобой сделает клан в отместку за четыре уничтоженных истребителя?

– Я молчу, потому что мне нет нужды говорить, – решил расставить правильные акценты Таманцев. – Твои люди напали на гражданский конвой. Совершили преступление. Я же исполнял свой долг. Мне жаль тех, кого твоя алчность послала на смерть.

– Заблуждаешься. – Интеранглийский ганианца был очень даже неплох. Странное складывалось впечатление. Древняя пещера, отсутствие бросающихся в глаза кибернетических устройств, кажущийся аскетизм интерьеров, два туповатых охранника у входа, словно сошедших со страниц учебника древнейшей истории… и холодный, лживый, жестокий взгляд Файзулло, его насмешка, прячущаяся в уголках упрямо поджатых губ, правильное произношение, невольно указывающее, что образование ганианец получил на одном из центральных миров, скорее всего на Кьюиге…

Иван, до того как стать пилотом аэрокосмического истребителя, окончил общевойсковую академию ВКС и пять лет прослужил в спецподразделении космического десанта. О специфике персональной подготовки офицеров сил быстрого реагирования знали лишь сами абитуриенты да их преподаватели, поэтому Файзулло зря расслабился, изображая недалекого, но и не кровожадного шейха средней руки. Таманцев многое подмечал по едва уловимым теням, что пробегали по лицу ганианца, по его манере говорить, держать себя…

– Заблуждаешься, джелави. Из моих людей не пострадал никто, сбитые тобой истребители действовали под управлением модулей «Одиночка». А теперь… – Файзулло подался вперед, почти привстав с кресла, облокотившись о разделяющий их стол, – теперь подумай, сколько стоит один модуль системы искусственного интеллекта?

Таманцев пожал плечами. На риторические вопросы он отвечать не собирался. Модули «Одиночка» ценились очень высоко, потому что были запрещены к производству, продаже и эксплуатации частными лицами. Системами искусственного интеллекта оснащались только боевые единицы флота, подчиненные непосредственно Совету Безопасности Миров.

– Правильно, много, – по-своему расценил его невозмутимость ганианец. – Поэтому мои люди и не бросили тебя подыхать в капсуле пилот-ложемента после катапультирования. Что мне толку в смерти такого

искусного и отважного пилота, как ты? Кто вернет клану стоимость уничтоженных машин?

Таманцев лишь пожал плечами в ответ.

– Ты вернешь, – прошипел Файзулло, на секунду выпуская на волю свою истинную сущность. – Можешь и дальше молчать, но не думай, что я позволю тебе умереть легко. Нет. – Он вновь откинулся на спинку старинного кресла, напуская на лицо маску невозмутимости. – Знай, что конвой все же не смог уйти в гиперпрыжок. Торговцы – люди сговорчивые. Они пожертвуют всем ради спасения собственной шкуры. Я даже соглашусь отпустить некоторых из них… не безвозмездно, конечно, а в обмен на маленькую услугу. Они дадут интервью ведущим каналам галактических новостей, где расскажут, как галакткапитан Таманцев предал их, вступив в сговор с ганианскими пиратами. Я дам им запись, сделанную в тот момент, когда мои люди подбирали в космосе твою капсулу с пилот-ложементом и почтительно сопровождали тебя в медицинский отсек корабля. – Файзулло усмехнулся, довольный своей изобретательностью. – Обломки твоего истребителя превращены в излучение и космическую пыль. Не сохранилось ни «черных ящиков», ни других источников информации, свидетельствующих о том, что капитан Таманцев дрался и уничтожил четыре ганианских корабля. И твой ведомый никогда никому ничего не расскажет. Его машину сожгло ударами плазмы. Но торговцы обязательно упомянут, как ты сначала расстрелял своего ведомого и лишь потом катапультировался, позволив пиратам беспрепятственно догнать и захватить конвой.

Таманцев молчал.

– Спрашиваешь себя: что дальше? – Ганианец зловеще усмехнулся. – Если ты скажешь мне «нет», я выпущу тебя отсюда живым, клянусь Шиистом. Сам понимаешь, отмыться ты уже не сможешь. Мне нет смысла пачкать руки в крови – выброшенный на улицу, ты станешь нищим на паперти Ганиопорта, вот самый лучший вариант, а могут быть и худшие. Например, рабство: не все люди моего народа живут в мегаполисе. Многие, как и встарь, кочуют по пустыням. Они совсем дикие, – хохотнул Файзулло. – Им постоянно нужны рабы, чтобы ухаживать за верблюдами. Медленная смерть в пустыне растянется на годы…

Иван уже минуту мысленно уговаривал себя не сворачивать шею этому ублюдку немедленно.

Пусть выговорится наконец. Надо узнать, что он хочет. К чему такие предисловия?

– Если ты правильно меня понял, капитан, клану необходим опытный

пилот. Нам некем заменить уничтоженные тобой модули искусственного интеллекта. Пока некем, – уточнил Файзулло. – Приобретение новых – дело времени. А время нам сейчас очень дорого. Есть грузы, которые нужно сопровождать, и доставлены они должны быть вовремя. Тебе предстоит совершить четыре рейса. По одному за каждый уничтоженный истребитель. Миссии конвоя, если тебя волнуют детали.

Таманцев продолжал молчать.

Сказки Файзулло его не интересовали. *Совершишь четыре рейса, и мы тебя отпустим.* Подобным обещаниям не поверит даже стажер-первогодка.

Таманцев оценивал свои шансы. Информационная западня, которую ганианец, видимо, считал вершиной искусства шантажа, выглядела смешно. Ему не придется доказывать собственную невиновность. Прежде чем вступить в бой с превосходящими силами противника, он отстрелил капсулу с нанопылью, которая тут же раскрылась, позволив своему содержимому рассеяться в пространстве. Высокотехнологичные микрочастицы фиксировали все, начиная от переговоров между кораблями конвоя и заканчивая подробными сигнатурами боя, видеоизображением и прочими деталями, вплоть до автоматически посылаемого системой спасательной капсулы отчета, свидетельствующего о том, что на момент катапультирования галакткапитан Таманцев израсходовал весь бортовой боекомплект, а его истребитель получил критические повреждения.

Рассудок работал быстро, но не лихорадочно.

Допустим, я сейчас придушу Файзулло. Два его охранника не в счет, с ними тоже справлюсь, но что дальше? Оперативных связей на Ганио у меня нет. Мстительность кланов известна всем, так что попасть на борт челнока или грузового корабля, стартующего из Ганиопорта, мне не светит. Подыхать в пустыне? Много чести этим отморозкам.

Уйти во время выполнения предложенного задания мне также не дадут. Значит, остается один выход – действовать немедленно, но осмотрительно.

– Где гарантии? – медленно осведомился Таманцев, заставив Файзулло поперхнуться очередной фразой.

– Ты о чем?

– Какие у меня гарантии, что, совершив эти рейсы, я получу свободу, а не отправлюсь ухаживать за верблюдами?

Ганианец прищурился.

– Ты все понял правильно, да? Тебе некуда деваться. – Файзулло вдруг спохватился, осознав, что начинает болтать лишнее. – Можешь не

беспокоиться. Мое слово как скала.

Скорее, как лживый песок, меняющий очертания барханов… – мысленно уточнил Таманцев, но вслух эту тему развивать не стал.

Изобразив глубокую задумчивость и сомнения, что было совсем несложно в его положении, Иван нехотя, через силу стал задавать уточняющие вопросы:

– Тип истребителя, на котором мне предстоит лететь?

Файзулло брезгливо поморщился. Непонятно что означала его мимика: презрение к внезапно сломавшемуся офицеру ВКС Конфедерации или пренебрежение той техникой, которая находилась сейчас в его распоряжении.

– Старый, – коротко ответил он. – «Фантом».

– Насколько старый? В каком состоянии бортовые системы? Когда осуществлялся полный технический осмотр? – Теперь вопросы сыпались на ганианца, как твердые горошины.

– Совсем старый, – нехотя признался тот.

– Вылет когда? – продолжал напирать Иван, не давая опомниться своему «работодателю».

– Завтра. С восходом.

– Когда машина поднималась в воздух в последний раз?

– Что ты меня допрашиваешь?! – не выдержав, взъярился Файзулло. – Ты говоришь «да» или «нет». Все остальное – не твое дело. К утру машина будет готова к вылету.

– Ты, наверное, не понял, уважаемый, – взгляд Таманцева стал холодным, пустым, не выражающим ничего, кроме угрюмой решимости идти до конца в некоторых жизненно важных вопросах. – Я не хочу иметь дела ни с кочевниками, ни с верблюдами, ни с истребителем, которому прорва лет, – то есть не собираюсь умирать, если говорить прямо. Короче, лететь не отказываюсь, но меня не устраивает ни один из предложенных тобой способов свести счеты с жизнью.

– Шаранг! – выругался Файзулло. – Чего же ты хочешь?!

– Вылет утром. Раз наш разговор состоялся, значит, кому-то обязательно нужно, чтобы истребитель поднялся в космос. Если твои люди выволокли его из какого-нибудь заброшенного ангара, стряхнули песок и подключили стационарное питание, – это еще не значит, что машина готова к старту. Тебя лично устроит, если этот «Фантом» развалится на взлетно-посадочной полосе?

– Нет. – До ганианца, похоже, начал доходить смысл обеспокоенности пленного пилота. – Ты хочешь сам взглянуть на истребитель?

– Не взглянуть, а протестировать все системы, подготовить «Фантом» к старту, иначе ни завтра утром, ни в обозримом будущем машина не оторвется от земли.

– Много говоришь… У меня хорошие техники. Я плачу им деньги!

– Тогда я лучше отправлюсь в пустыню. С верблюдами протяну дольше, – отрезал Таманцев.

Файзулло насупился, размышляя над сложившейся проблемой.

– Ладно… – наконец шумно выдохнул он. – Бежать ты все равно не сможешь. Иди. Тамриз проводит тебя. Справишься хорошо – получишь деньги. Может быть, тебе и не захочется покидать Ганио.

– Посмотрим, – мрачно ответил Таманцев, стараясь не выходить за рамки выбранной для себя роли.

* * *

Космопорт планеты Ганио имеет гораздо более древнюю историю, чем предполагает официальная версия его возникновения.

Эксплуатирующиеся в современности взлетно-посадочные поля, грузовые терминалы, само здание космического порта действительно построены четыре столетия назад в период экономического расцвета первой Конфедерации Солнц. Несмотря на то что система звезды Халиф никогда не входила в Конфедеративное содружество, исторически являясь независимой, гуманитарная миссия Совета Безопасности Миров вложила немалые деньги в попытку приобщить «Колыбель Раздоров» к плеяде цивилизованных миров.

Таманцев понятия не имел, как в кулуарах большой политики рождаются подобные идеи. Планета Ганио уже тогда печально прославилась как надежное прибежище пиратов, контрабандистов и наемников, причем коренные жители колонии, прошедшие через века регресса, представляли наименьшую опасность, – настоящие проблемы исходили от изгоев, нашедших приют на Ганио. Именно они организовывали тайные стартовые площадки, содержали ремонтные доки и перевалочные базы для различных нелегально ввозимых на планеты содружества грузов. Кланы Ганио лишь получали определенную мзду с теневого оборота, да еще редкие смельчаки из числа ганианцев решались ступить на борт космических кораблей, пополняя разномастные экипажи пиратских судов.

В Совете Безопасности бытовало иное мнение: там было принято считать, что именно кланы стоят у истоков всех проблем, связанных с базирующимися на планете вооруженными формированиями.

Кто-то заработал себе политические имя, возможно, тут оказались замешаны финансовые аферы. Иван, конечно, не знал истины, он видел лишь результат сомнительной «гуманитарной акции»: не входящая в содружество планета получила современный космический порт. По официальной версии, появление космопорта должно было придать новый качественный импульс межзвездной торговле, проникновение благ цивилизации – изменить образ мышления ганианцев, а на поверку все произошло ровно наоборот. В течение полувека кланы Ганио подмяли под себя все остальные группировки, обложили данью свободных торговцев, пиратство на гиперсферных трассах расцвело с новой силой, а все попытки жестко контролировать космический порт планеты и прилегающую к нему «свободную экономическую зону» с треском провалились.

Таманцев знал о давней истории, но наблюдать последствия захвата Ганиопорта кланами и выдворения отсюда всех специалистов Конфедерации ему представилось впервые.

Сопровождавший его воин по имени Тамриз равнодушно взирал на поваленные секции защитных ограждений, открывшие доступ пескам пустыни на территорию стартопосадочных полей. Для ганианца изменчивый рельеф перемещающихся по воле ветра барханов являлся привычным, заурядным пейзажем. Молчаливого конвоира совершенно не волновали остатки древних сооружений или участки пожелтевшего стеклобетона, которые стали попадаться на глаза километров за десять до современного (также частично разрушенного) периметра космопорта.

Иван же, напротив, обращал пристальное внимание на обнажившиеся из-под песка руины, тем более что ганианец вел его, постоянно забирая вправо, словно конечная цель лежала вне площади выстроенного несколько веков назад комплекса.

По долгу службы Таманцев знал, что планета Ганио была вторично открыта военно-космическими силами Земного Альянса. В период Галактической войны тут располагались ремонтные площадки технических космодромов. Отдавая дань исторической справедливости, нужно отметить, что ганианцы, которых во время войны привлекали для охраны объектов, а некоторых даже обучали управлению ремонтными механизмами, сыграли в послевоенный период значительную роль в разгроме так называемого Космического Халифата.[1]

Таманцев еще во время «аудиенции» у Файзулло заподозрил, что «Фантом», которым ему предстоит управлять, сохранился с той далекой поры.

Похоже, он не ошибся.

Пески ганианской пустыни хранят множество тайн. Находясь в постоянном движении, они то приоткрывают вуаль столетий, то вновь погребают под барханами свидетельства былых событий.

Однако этой ночью на помощь силам природы вышла тяжелая техника. Таманцев и Тамриз постепенно приближались к месту настоящих раскопок. Звезды, ярко сияющие на черном, безоблачном небе, начали тускнеть, их серебристый свет вытесняло желтоватое зарево от фар и прожекторов.

Иван попытался заговорить с конвоиром, но ответа не удостоился.

Впрочем, многое было ясно и без комментариев. Пользуясь ночной прохладой и относительным затишьем, ганианцы вывели в пустыню десяток старых, так и оставшихся не у дел почвоукладчиков. Используя бульдозерные ножи, они расчищали фрагмент древней инфраструктуры одной из ремонтных площадок, сохранившейся под песками еще со времен бытности на Ганио сил Земного Альянса. Ступив на желтоватый стеклобетон, Таманцев остановился, окидывая взглядом панораму раскопок. Очевидно, люди кланов знали о существовании древней базы и точном месте ее расположения: расчищенная взлетно-посадочная полоса вела к наклонным створам подземного ангара. Два тягача, преодолевая сопротивление утративших функциональность механизмов, раздвигали бронированные ворота, над пустыней стыл скрежет ломаемого металла, гнусаво завывали двигатели, слышалась бессвязная брань.

На появление Тамриза и Таманцева никто не отреагировал. Охранники, выставленные по периметру расчищенной от песка площади, лишь покосились в их сторону, но, узнав конвоира, почтительно расступились.

– Туда, – на ломаном интеранглийском произнес Тамриз, указывая на сдвинутые по направляющим створы модульных ворот.

Таманцев молча кивнул, продолжая цепко фиксировать взглядом обстановку.

На взлетно-посадочной полосе, перегораживая ее, застыли два почвоукладчика. Оценив дистанцию до ворот подземного ангара, Иван мысленно порадовался бесхитростной предусмотрительности ганианцев. Они заблокировали взлетную полосу, а значит, не станут проявлять излишнего беспокойства, когда он поднимется на борт аэрокосмического истребителя. Пока он и Тамриз шли к пологому, уводящему под пески пандусу, мимо медленно прополз заправщик, доставивший топливо для планетарных и маневровых двигателей.

В ангаре было светло. Сюда загнали два вездехода, осветив древнее помещение при помощи установленных на треногах прожекторов.

«Фантом» застыл в центре разметочного круга. На полу ангара Иван не заметил следов песка, что порадовало пилота. Помещение бункерной зоны на протяжении полутора тысяч лет сохраняло герметичность. По всей видимости, ганианцы не так давно обнаружили место консервационной стоянки истребителя.

– Мне нужно поговорить с техниками, – обратился Таманцев к своему молчаливому спутнику. – Файзулло заверял, что тут работают специалисты.

Тот лишь кивнул в ответ, жестом подозвав двух наемников.

– Что скажете? – без длинных вступлений обратился к ним Таманцев.

Двое техников явно не принадлежали к числу пленников, они работали здесь добровольно, об этом свидетельствовала их одежда, манера держаться, – на Ивана оба смотрели свысока, едва ли не с презрением.

– Ты пилот? – спросил один из них, беззастенчиво оценивая взглядом Таманцева.

Иван кивнул. Сдерживать себя приходилось постоянно.

– Ну, и где тебя откопал Файзулло? – спросил второй.

– Не твое дело, – огрызнулся Иван. – Машину расконсервировали?

Оба техника поначалу опешили, потом в их глазах проявилась ярость. Очевидно, они привыкли к своему привилегированному положению, не гнушаясь пользоваться им. Таманцев наверняка являлся не первым пленником, с которым они сталкивались, и тон капитана совершенно не понравился наемникам.

Чтобы избежать ненужной сейчас конфронтации, Иван тихо шепнул на ухо одному из них:

– Где меня «откопали», не важно. Будем тратить время на препирательства, Файзулло на рассвете зароет вас обоих под ближайшим барханом. Или я не прав?

Техник отшатнулся, словно его ужалила змея, затем, обуздав вспышку ярости, все же ответил:

– Внутрь мы не поднимались. Запустили командные последовательности через порт внешнего доступа. Реактор вроде «дышит». Остальное проверяй сам. Мы не самоубийцы. Машине полторы тысячи лет.

– Доступ в рубку разблокирован?

– Да. Мы ввели технический код. Киберсистема сейчас на полуавтомате, как положено при плановом обслуживании.

– Начинайте подачу топлива для планетарных двигателей. – Иван повернулся, нашел взглядом лесенку из легкого металлокерамического

сплава, приставил ее к борту машины и, не размениваясь на дальнейшие словопрения, начал подниматься к люку. – Людей из ангара уберите. И вездеходы. Лишний свет мне не нужен.

– Ты что задумал?

– Тестовую продувку сопел, – не оборачиваясь, ответил Иван. – Кому надоело жить, пусть остаются.

Последние слова потонули в шипении пневматики – люк, расположенный в борту «Фантома», начал открываться.

* * *

Оказавшись в рубке аэрокосмического истребителя времен Галактической войны, Таманцев испытал двоякое чувство. С одной стороны, его взгляд безошибочно угадывал предназначение многочисленных приборов, с другой – каждый сантиметр панелей управления, окружающих пилот-ложемент, казался лишь смутно знакомым. Неимоверная древность машины – родоначальницы многих модификаций современных АКИ класса «Фантом» – заставляла действовать с особой осторожностью.

План Таманцева, сильный своей дерзостью и слабый множеством «если», начал воплощаться в конкретных действиях, как только он, надев скафандр, занял противоперегрузочное кресло.

Тест бортовых систем помог ему окончательно разобраться с приборами. При включенном полуавтоматическом режиме он, как и любой техник, мог отрабатывать лишь определенный набор действий, проверяющих системы, но не ведущих к инициализации стартовых последовательностей.

Код для полного доступа мне, конечно, передадут. Но утром, непосредственно перед началом операции, – подумал он. Скафандр, извлеченный из специальной ниши, казался неудобным и слишком громоздким. Обнадеживало лишь то, что все системы гермоэкипировки включились без задержек и сбоев.

Последние несколько часов Иван действовал холодно, расчетливо, обуздывая чувства, опираясь только на силу воли. Вырваться из плена – вот единственный мотив, руководивший его действиями.

Не будь за плечами Таманцева суровой школы службы в десантных подразделениях и многолетнего опыта пилотирования аэрокосмических истребителей, Файзулло мог бы торжествовать.

Нет, такого удовольствия я ему не доставлю. – Решимость Ивана не имела ничего общего с отчаянием или бравадой, он шел на осознанный

риск, потому что любой иной исход, кроме обретения свободы, был для него хуже смерти.

Как любой нормальный человек, он испытывал всю гамму противоречивых чувств, но они не руководили галакткапитаном. Иван никогда не заигрывал со смертью – слишком часто приходилось смотреть в ее пустые глаза, чувствуя на губах холодное прикосновение неизбежности. У каждого свой способ борьбы с липким страхом, Таманцев научился давить его, загонять в глубины подсознания, позволяя своему рассудку в минуты предельной опасности пить ощущения рассчитанного риска, когда каждое действие воспринимается, как некий драйв…

Вот он – заветный текстоглиф[2] на панели ввода технических команд.

Тест режима полного ручного управления.

Теперь все в его руках.

Проверка уровня энергооснащенности.

Зарядка накопителей гиперпривода – 90 процентов.

Лазерные зенитные комплексы – энергоснабжение включено.

Двигатели планетарной тяги – окончание процесса заправки через три минуты.

Тест серводвигателей на ручном управлении – отклик получен…

Файзулло может начинать плакать…

Привкус адреналина постепенно проявлялся все четче. Мощный, изящный аэрокосмический истребитель – преданная пилоту горбоносая птица – шевельнул холодными лепестками дюз, имитируя изменение вектора тяги.

Тест пройден.

Ангар уже опустел. Сгореть заживо при продувке сопел желающих не нашлось. Ганианцы были уверены в себе. Боекомплект в находящихся на консервации машинах по регламенту отсутствовал, взлетно-посадочная полоса заблокирована двумя почвоукладчиками, к которым только что подъехал завершивший перекачку топлива заправщик.

Тот, кто привык рисковать жизнью исключительно за деньги, не может правильно оценить таких людей, как Таманцев.

Замки пилот-ложемента сдвинулись в положение «старт».

Иван не включал коммуникатор, не давал предупреждений. Истребитель, будто очнувшись от вековой спячки, вздрогнул, мягко осел на подвеске комбинированного шасси, затем раздался звук блокируемых тормозов, и вдруг ослепительное гудящее пламя вырвалось из дюз планетарной тяги.

В двух километрах от ангара среди пустыни вдруг взметнулись мутные горячие смерчи, тонны песка швырнуло в небеса, обнажая древние технические шахты, по которым из ангара отводилось обжигающее дыхание ожившей машины.

Ганианцы уставились на необычное для пустыни явление – два огненных столба взметнулись на сотни метров ввысь, на лету превращая песок в стекло.

Одна десятая процента маршевой тяги.

Над скошенными крыльями «Фантома» открылись зрачки испускающих трубок курсовых лазерных орудий, полностью скрытых в приливах брони.

Еще один горячий выдох, и вдруг…

Кто-то оцепенел, кто-то истошно заорал, когда на фоне освещенного отсветами пламени прямоугольного въезда в подземный ангар внезапно появился контур аэрокосмического истребителя.

Еще секунда, и лазерные разряды курсовых орудий впились в цистерну заправщика.

Посреди расчищенного от песка древнего участка стартопосадочных полей внезапно расцвел багряно-черный сгусток взрыва, ударная волна тугим валом рванулась во все стороны, сметая препятствия, но истребитель, отработав реверсом двигателей, успел попятиться, скатываясь под защиту уклона пологого пандуса.

Два техника, сбитые с ног взрывной волной, не обращая внимания на вопли и проклятия ганианцев, поднялись, отряхивая песок, неотрывно наблюдая за истребителем, который вновь показался на границе пандуса и расчищенной от препятствий взлетно-посадочной полосы.

Кто-то из наиболее рьяных охранников успел прийти в себя и попытался остановить «Фантом» длинной очередью из импульсной винтовки, но пули лишь рикошетили от брони истребителя, не причиняя машине ни малейшего вреда.

Секунду «Фантом» стоял, озаренный отсветом набирающего силу пламени, рвущегося из турбин планетарных двигателей, а затем, резко сорвавшись с места, начал разгон.

– Фрайг… Говорил тебе, что на нем могут быть установлены лазеры… – выругался один из техников, провожая взглядом древнюю машину, которая уже оторвалась от взлетной полосы и начала резко набирать высоту.

– Файзулло с нас шкуру сдерет… С живых… – угрюмо заметил второй.

– Посмотрим… – Ненавидящий взгляд отыскал в темных небесах яркую точку. – Ему все равно не уйти. Реактор не успеет выйти в режим формирования плазмы.

– Тебе от этого легче? Собьют его на орбитах или нет, нам уже по… – он грязно выругался. – Думай, как теперь отмазываться будем?

– Так кто знал, что он сможет взлететь на ручном управлении?

Их диалог был прерван появлением Тамриза и двух вооруженных охранников.

– Пошли, – хмуро обронил ганианец. – Файзулло желает видеть вас обоих.

* * *

«Фантом», резко набрав высоту, уходил к границе стратосферы. Таманцев не хуже оставшихся на земле техников понимал, что реактор не успеет выйти на необходимую мощность, – для перехода на плазменную тягу не хватало времени, он и так сделал практически невозможное, заставив машину взлететь спустя всего час после отмены консервационного режима.

Планетарного топлива для боевых маневров ему не хватит, но Иван и не рассчитывал затевать рискованную дуэль в районе низких орбит. О несанкционированном взлете истребителя уже наверняка сообщили силам планетарной обороны, и появление перехватчиков – дело нескольких минут.

В финальной части рискованного плана Таманцев уповал лишь на гипердрайв. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что включение гиперпривода в границах стратосферы спровоцирует слепой рывок и полностью истощит бортовой запас энергии, но иного выхода из ситуации не существовало.

Он должен рисковать до конца.

Датчики на панелях управления показывали девяносто пять процентов зарядки гиперпривода. Уже достаточно для прыжка. Нет смысла тянуть, дожидаясь появления перехватчиков противника.

Иван не мог отдать мысленную команду через системы импланта, пришлось тянуться рукой до пульта и касанием сенсора, помеченного соответствующим текстоглифом, запускать командную последовательность для генератора высокой частоты.

Истребитель встряхнуло.

Обзорные экраны внезапно наполнила чернильная тьма, свет в рубке погас, на панелях ручного пилотирования зардели предупреждающие огни

включившихся аварийных подсистем: «Фантом», провалившись в аномалию космоса, стал неуправляем, энергии едва хватало для поддержания работы масс-детектора, впрочем, от его показаний проку также не было – совершить управляемый обратный переход Иван не мог, он уповал только на знание законов аномалии космоса, которая сама станет отторгать физический объект с низким энергетическим потенциалом в область привычного для человека трехмерного континуума.

Гадать, куда именно вышвырнет его гиперсфера, Таманцев даже не пытался.

Расчет капитана, основанный на знаниях в области современной гиперсферной навигации, позволял предположить короткий прыжок, не более чем на полсотни световых лет, а значит, точка обратного перехода будет расположена в границах Обитаемого Космоса.

Ему останется лишь набраться терпения, дать бортовому реактору время на зарядку накопителей энергии, а затем, определившись со звездным окружением, совершить еще один, уже полностью управляемый прыжок на координаты ближайшей системы – любой, лишь бы в ее границах располагалась база ВКС Конфедерации.

* * *

Все сложилось не так.

Таманцев, не отрывавший взгляда от масс-детектора – единственного навигационного прибора, способного работать в условиях аномалии космоса, понял, что его план рушится, – на прорыв метрики трехмерного континуума «Фантом» израсходовал практически всю энергию. Надежда продержаться в аномалии хотя бы пять минут, чтобы уйти в прыжке на достаточное расстояние от системы Ганио, таяла с каждой секундой – гиперсфера не терпела объектов с низкой энергетикой, неизменно отторгая их назад, в «привычный» для человека космос.

Если «Фантом» выбросит в пределы системы Ганио – это верная смерть, учитывая совершенный побег.

Рассудок Таманцева искал выход, и надежда вновь забрезжила, когда он вспомнил о некоторых странностях гиперсферной навигации данного сектора.

Помимо маркированных[3] линий напряженности аномалии, связывающих Ганио с известными звездными системами, существовала еще одна загадочная и бесполезная в практическом плане курсовая нить. На всех навигационных картах она обозначалась слабым едва приметным пунктиром, со знаком опасности, предупреждающим, что данная линия не

ведет *никуда*.

Действительно, в период картографических исследований, продвигаясь вдоль упомянутой горизонтали гиперсферы, автоматы разведки удалялись на десяток световых лет от Ганио, где слабый поток энергии обрывался, рассеивался.

Иван мыслил быстро, логично и последовательно. Для зарядки накопителей ему нужно покинуть систему Ганио, оторваться от любого вероятного преследования, и здесь приходилось использовать знания, полученные человеческой цивилизацией не так давно.

Каждая силовая линия напряженности аномалии не только связывала между собой ближайшие звездные системы, но и могла быть использована в качестве своеобразного гиперпространственного тоннеля. Данное свойство открыли расы логриан и инсектов, создав на основе горизонталей гиперсферы транспортную сеть, связавшую космические поселения логриан со Сферой Дайсона, построенной инсектами, и скоплением О'Хара, где в те далекие времена обитали хараммины – гуманоиды, похожие на людей.

Существовало лишь одно условие, при котором материальный объект мог быть захвачен энергетическим потоком аномалии космоса и продвигаться в нем, не рискуя быть разрушенным, – материальное тело не должно противопоставлять движению энергию собственных силовых установок.

Лишившийся энергии «Фантом» вполне удовлетворял данным условиям, а расстояние в десять-пятнадцать световых лет вполне устраивало Ивана.

Он отыскал в полусфере масс-детектора едва приметную тонкую зеленоватую нить, обозначающую искомую линию напряженности гиперсферы, и, включив двигатели планетарной тяги, начал филигранный маневр вхождения в энергетический поток аномалии.

В итоге истребитель, вместо того чтобы совершить спонтанный переход в метрику трехмерного космоса, был захвачен немаркированной горизонтальной линией напряженности.

Еще несколько секунд, и маркер машины совместился с дрожащей нитью, начиная движение внутри ведущего в никуда «гипертоннеля».

Таманцев был спокоен, он рассчитал все, но шли минуты, а линия напряженности не обрывалась, напротив, захватив материальное тело, она как будто стала ярче, стабильнее, обрела свойство непрерывности…

Спустя час Иван больше уже не строил иллюзий, машина была прочно захвачена энергетическим потоком новоявленной горизонтали и

теперь двигалась в границах естественного гиперпространственного тоннеля.

Ему снова вспомнилось, что насекомоподобные существа расы инсектов не совершали «слепых рывков», они строили свою межзвездную транспортную сеть, внедряясь в существующие линии напряженности аномалии при помощи стационарных порталов, расположенных, как правило, на поверхности планет.[4]

Возможно, фрагмент силовой линии был создан искусственно? Так или нет, он скорее всего не узнает. Теперь надежда на то, что гиперсфера отпустит истребитель в границах Обитаемого Космоса, становилась все призрачнее, – шли минуты, а обратный переход не происходил.

Именно так становились невозвращенцами многие колониальные транспорты эпохи Великого Исхода.

Таманцев прекрасно понимал, что, идя на риск, не смог учесть все вероятности, и теперь его истребитель разделит участь сотен пропавших кораблей.

Его охватила дрожь.

Впервые с момента рокового боя в системе безымянной звезды в глазах Ивана появилось выражение медленно растущего ужаса: гиперсфера влекла истребитель, как влечет бурный поток крохотную щепку, надежда на возвращение таяла с каждой минутой, проведенной в пространстве «Великого Ничто» – так в просторечье именовали аномалию суеверные навигаторы.

На обзорных экранах по-прежнему царил чернильный мрак, уровень зарядки накопителей гипердрайва показывал всего пять процентов от необходимой мощности, – он не мог прервать рокового скольжения, примитивный масс-детектор древнего «Фантома» не был оснащен счетчиком энергоуровней, и оставалось лишь догадываться, чему на самом деле равняется одна минута, проведенная тут.

Горизонталь, в поток которой попал истребитель, оборвалась внезапно, спустя несколько часов томительного, изматывающего ожидания.

Иван увидел, как линия на масс-детекторе расходится тремя нитями гравитационных взаимосвязей неизвестной ему звездной системы, «Фантом», по-прежнему двигаясь в энергетическом потоке аномалии, спонтанно перешел на один из коротких финишных отрезков, и вдруг бледная вспышка обратного перехода осветила темные экраны обзора.

Гиперсфера зло пошутила над пилотом, поставив жирную точку в его рискованном плане бегства с Ганио, – аэрокосмический истребитель с

десятипроцентным запасом планетарного топлива отторгло в трехмерный космос в границах стратосферы неизвестной Таманцеву планеты.

* * *

Он падал.

Объятый пламенем «Фантом» едва слушался рулей. Угол входа в атмосферу планеты оказался слишком велик, чтобы Иван успел совершить эффективный маневр торможения на остатках планетарного топлива и перевести машину в режим аварийного планирования.

Астронавигационные рули выламывало из-под пальцев, отключенные автопилоты ничем не могли помочь человеку, даже если бы он сейчас задействовал все кибернетические компоненты системы, участь истребителя все равно была предрешена – двигатели планетарной тяги смолкли тридцать секунд назад, горючего не осталось, реактор показывал лишь пятьдесят процентов мощности, и рассчитывать на плазменную тягу не приходилось.

Ивану не удалось стабилизировать машину в горизонтальном полете, он сжег остатки топлива в тщетной попытке погасить скорость, и теперь у него оставался только один выход – катапультироваться.

«Фантом» ярким болидом пронзал плотные слои атмосферы, внизу простирался сплошной облачный покров, броня корпуса пока держалась, но внешние датчики сгорали один за другим.

Бороться до конца, никогда не сдаваясь, – так учила его жизнь, но сейчас глухая тоска сжала сердце. Он ощутил безысходность. Что толку в катапультировании над мертвым, непригодным для жизни миром? На что он надеялся, до последнего оставаясь в рубке, рискуя промедлить до того момента, когда начнут размягчаться бронеплиты корпуса и система катапультирования попросту не сможет сбросить бронепокрытие?

Облака расступились внезапно. «Фантом» к этому моменту снизился до пяти километров, экраны внешнего обзора гасли, и все же он увидел внизу, среди темноты (падение машины происходило над ночной стороной планеты), яркую россыпь расположенных концентрическими кругами огней, а чуть дальше, словно два изломанных крыла исполинской огненной птицы, две линии освещенного пространства, протянувшиеся на несколько десятков километров, словно под днищем машины промелькнула линия титанических, защищающих город укреплений.

Рука машинально рванула рычаг катапультирования.

Истребитель, снижаясь, успел пересечь линию огней и удалиться на несколько сот километров от нее, прежде чем закрывавшие рубку

бронеплиты были сброшены, и удар аварийно-спасательной катапульты швырнул закрытый амортизационными дугами пилот-ложемент в ночные небеса неведомой планеты.

Таманцев не потерял сознания от перегрузки, и помутившемуся взору Ивана открылась картина, которую видели немногие из пилотов: «Фантом», распадаясь на части, уходил к земле объятыми пламенем раскаленными фрагментами, а он, падая вслед обломкам машины, вдруг ощутил резкую перегрузку: включились, сжигая собственный запас топлива, посадочные двигатели ложемента, затем резкий рывок – и смена динамических нагрузок возвестила об успешном срабатывании парашютной системы. Внизу раскатисто ударило несколько взрывов, земля приближалась стремительно, в ночи среди бескрайнего лесного массива полыхали деревья, подожженные упавшими обломками машины, а Таманцев, еще не веря в невероятное стечение обстоятельств, мысленно молил лишь об одном: пусть огни, расположенные геометрически выверенными окружностями, действительно окажутся городом, а не природным явлением или хуже того – предсмертной игрой воображения.

Мысли погасил жесткий удар: ложемент пробил раскидистые кроны деревьев, полотнища парашютов не выдержали, с треском и хлесткими, перерубающими ветви ударами полопались стропы, отпуская заключенное в амортизационный каркас кресло пилота.

Глухо хлюпнуло, вздыбилось пологими волнами небольшое болотце, словно под покровом оранжевого мха перекатывались мускулы, ложемент погрузился в мутную жижу примерно наполовину и, покачнувшись, застыл.

Момент окончательного падения помнился смутно.

Таманцев очнулся уже в болоте, страховочные ремни автоматически расстегнулись, он сполз с кресла, окунувшись в бурую жижу. Болотце оказалось неглубоким, ноги сразу почувствовали дно, амортизационные дуги каркаса исправно разомкнулись, но Иван инстинктивно постарался отползти подальше – сейчас главное не повредить скафандр…

Выбравшись на сухой участок, поросший тонкими, чахлыми деревцами, он позволил отработать системе жизнеобеспечения: несколько уколов в шею привели его в чувство, зрение прояснилось, но все же пережитый шок, перегрузки, динамические удары при раскрытии парашютов и падении сквозь кроны – еще некоторое время давали о себе знать. Он сидел на подстилке из оранжевого, испятнанного бурыми вкраплениями мха и постепенно приходил в себя. Вокруг плясали изломанные, гротескные тени, в ночи раздавался гул и сухое

потрескивание. В сотне метров от него бушевал пожар, разделенный небольшими болотцами на десяток крупных очагов. Тени, что плясали вокруг, то укорачиваясь, то удлиняясь, отбрасывали растущие на болоте деревья с мощными стволами и объемными шарообразными кронами. Их листья, похожие на тонкую, острую осоку, свисали почти до самой земли. В свете пожара деревья выглядели словно подставки в супермаркете, на которые надеты парики…

Некоторое время Иван провел в прострации, потом, когда действие стимулятора прокатилось горячей волной по мышцам, заставив их сокращаться в бесконтрольной дрожи, он наконец поверил, что спасся, пережил крушение и действительно сидит на покрытом чахлой растительностью бугорке, среди бушующего пожара, объятых огнем деревьев и шипящих, истекающих паром заболоченных низин.

Ветра практически не было, дым поднимался вертикально вверх, не скапливаясь у земли, вокруг было светло как днем, лишь плясали тени, да из тьмы, что сгущалась метрах в двухстах по окружности, доносились жутковатые звуки.

Огня Иван не опасался, рядом располагалось множество неглубоких водоемов, если деревья не выдержат и начнут падать, он всегда может нырнуть, переждав некоторое время под слоем бурой илистой жижи. Бежать от пожара, учитывая, что он сейчас находился в центре очагов возгорания, не показалось ему разумным. Огонь, набирая силу, начнет распространяться во все стороны, проще выждать некоторое время тут, а затем двигаться по выгоревшим участкам, не убегая от огня, а следуя за ним…

Несколько мгновений спустя Иван понял, что не один он такой умный. Из причудливой сетки теней внезапно материализовалось мощное, тяжеловесное животное, оно двигалось на четырех кривых, будто вывернутых в суставах лапах. Огромная голова с маленькими глазками и огромной разинутой пастью показалась ему отвратительной и жуткой.

Заметив человека, животное взревело.

Иван не стал дожидаться его дальнейших действий – любой скафандр боевой модификации оснащался не только комплектами выживания, но и личным оружием. Таманцев предпочел не рисковать: выхватив импульсный пистолет, исправность которого проверял еще перед самым стартом, он мгновенно перевел вариатор типа боеприпасов в положение «бронебойный» и выстрелил несколько раз подряд, целясь в голову животного, обезумевшего от полыхающего рядом огня.

Огромная туша, весом никак не меньше нескольких центнеров,

сначала поднялась на дыбы, огласив окрестности громоподобным ревом, а затем рухнула в небольшое болотце, сотрясаясь в конвульсиях.

Таманцев медленно опустил оружие. Некоторое время он опасался, что животное сейчас поднимется, настолько огромным и мощным оно выглядело, но, похоже, бронебойные пули все же прикончили его.

Хотелось вытереть выступившие на лбу капельки пота, но мешал гермошлем.

Через некоторое время пожар пошел на убыль, видимо, дальше также простиралась заболоченная местность, не давшая распространяться огню.

Он встал, сканируя окрестности. Пятна тепловой засветки сильно мешали работе систем обнаружения, но, кроме них и туши убитого животного, зафиксировать другие очаги тепла ему не удалось. Если тут и обитали иные представители животного мира планеты, они поспешили убраться от места падения обломков истребителя, напуганные катастрофой и вспыхнувшим за нею пожаром.

* * *

Его новая жизнь началась. Нечего было стоять, глядя на угасающий, теряющий ярость стихийного бедствия огонь. Проверив целостность гермоэкипировки, Иван приступил к обязательным, не терпящим отлагательств процедурам: взяв пробы воды и воздуха (анализаторы скафандра были рассчитаны на отсеивание продуктов горения), он подошел к туше убитого животного и взял образцы его тканей.

Теперь системе биоанализаторов работы хватит на несколько часов.

Дым постепенно рассеивался, и, запрокинув голову, Таманцев сумел разглядеть клочок ясного неба с незнакомым рисунком созвездий.

Видеокамеры шлема, оснащенного системой БСК,[5] автоматически перенесли рисунок расположения звезд в память, затем Иван сориентировался по расположению обломков истребителя, определив направление на замеченный с высоты город. Теперь у него появилась привязка к находившимся в зените звездам; когда встанет солнце, он определится со сторонами света и сможет, проводя постоянные наблюдения за движением светила, начинать путь. Главное – не потерять нужное направление. Для этого он решил дождаться восхода солнца, не покидая места крушения.

В остальном, как только он получит надежные ориентиры, следует поторопиться, автономного запаса энергии в скафандре хватит суток на трое, не больше, а пройти ему предстоит около четырехсот километров, по самым скромным подсчетам.

Если идти на стимуляторах, не тратя время на сон, то энергии должно хватить. Задача по преодолению большого расстояния осложнялась тем, что истребитель упал в лесистой местности. Находясь в условиях равнины, Иван задействовал бы систему автоматического движения к цели,[6] позволив себе периодически отдыхать, но лес перечеркивал такую возможность, – стоит только задремать – уткнешься в дерево, автомат огибания препятствий в системе гермоэкипировки стоял самый примитивный.

Глава 2

Неизвестная планета.

Третьи сутки после крушения истребителя…

Ранним утром третьего дня в бледных сумерках занимающегося рассвета Таманцев вышел к удивительным местам. Еще издали микрофоны скафандра уловили непонятный, монотонный шум. Иван остановился, прислушиваясь к звукам, но сумел определить лишь общее направление на их источник.

Деревья еще казались темными, но в прорехах раскидистых крон уже виднелось светлеющее небо. Скоро взойдет солнце, а пока в лесу воцарилась тишина, от которой, казалось, звенит воздух. Лишь изредка раздавались резкие, тревожащие воображение звуки, потом опять все стихало, лишь монотонный шум становился то явственнее, то глуше.

Таманцев чувствовал себя уставшим, измотанным, – трое суток он шел без сна, на одних стимуляторах, но цель оставалась так же неопределенно далека, как и в начале пути, к тому же ресурс автономных систем жизнеобеспечения подходил к концу, – вскоре ему придется открыть забрало гермошлема, вдохнуть воздух планеты, пить воду из ручьев, добывать себе пищу. Мысли об этом не давали покоя, смешиваясь с ощущениями текущего момента.

Произведенные анализы образцов воздуха, воды и тканей животного, подстреленного на месте крушения истребителя, внушали некоторую долю оптимизма: используя метаболический имплант, он продержится еще как минимум пару недель. Вопрос в том, успеет ли организм за столь короткий промежуток времени получить от микромашин метаболического импланта необходимые для иммунной системы синтезированные вещества, выработает ли на их основе антитела, способные бороться с местными возбудителями болезней?

А существовал ли у него выбор?

Если продержусь хотя бы месяц – выживу, – подумал Иван в ответ на терзавшие рассудок сомнения. Загадывать дальше не приходилось.

…Привлекший его внимание шум постепенно приближался. Небо светлело, деревья с мощными стволами и плакучими кронами уступили место кустарниковым зарослям, тревожащие звуки ночных животных сменило пение птиц. Если б не свинцовая усталость, он бы, наверное,

остановился, чтобы прислушаться к необыкновенно красивым, мелодичным трелям обитателей кустарниковых зарослей, но рассудок продолжал измерять реальность ощущениями враждебности, смертельной опасности, и Таманцев даже не сбавил темп шагов, стремясь поскорее выяснить источник насторожившего его звука.

Поначалу Иван предположил, что слышит отзвук работы какого-то механизма, но затем засомневался: признаки цивилизации он, конечно, видел, но до города и странной освещенной полосы, похожей на укрепления, еще далеко – в неудобном древнем скафандре он сумел преодолеть лишь полторы сотни километров.

Да и звук не похож на обычный рокот механизма. В нем слышалась монотонность, не было цикличности, каких-то тактов работы…

Устав гадать, Таманцев прибавил шаг. Звериная тропа, которой он придерживался на протяжении последних часов пути, внезапно пошла под уклон, заросли кустарников смыкались вокруг, образуя неплотный шатер крон, первые лучи восходящего светила уже пробивались сквозь листву – необычайно красивое зрелище, непривычное взгляду жителя мегаполиса.

Вообще события последних дней открыли для Таманцева совершенно новый, незнакомый мир. Речь шла не о планете, а скорее о самом термине «природа». Раньше он никогда не встречал рассвет в лесу, личный опыт урезал многие понятия до рамок лесопарковых зон, аккуратно подстриженных газонов, – теперь же окультуренная биосфера густонаселенных планет выглядела на фоне диких зарослей чуть ли не декоративной подделкой.

Конечно, Иван бывал во многих колониях, где цивилизация еще не успела оставить столь глубокого оттиска техносферы, как в Центральных Мирах, но много ли почувствуешь, познаешь, проносясь над поверхностью со сверхзвуковой скоростью, под прикрытием брони истребителя, да и во время боевых вылетов не до природы было…

Подтверждение своим мыслям он получил, пройдя еще сотню метров по раскисшей от обилия влаги тропе, которая внезапно вывела его на неширокую полоску галечного пляжа, расположенного между лесным озером и крутым, почти отвесным склоном, сложенным выходом известняковых пород.

Далеко вверху на фоне зари угадывались деревья и кустарники, а в обнажившемся срезе известняка виднелись похожие на миниатюрные ущелья вымоины, из которых с шумом низвергались десятками, если не сотнями небольших водопадов родниковые воды, питающие лесное озеро.

Иван остановился.

Звук воды, падающей с разных высот, заглушал все иные проявления окружающего. Таманцев присел на скользкую известняковую плиту, покрытую тонким слоем зеленоватых водорослей, чувствуя, что нужно сделать передышку, – действие стимуляторов не бесконечно, да и не хотелось вставать, рваться куда-то, – до мегаполиса, замеченного при снижении, на автономном ресурсе скафандра уже точно не дойти, энергия накопителя практически иссякла, и вскоре сервомускулатура гермоэкипировки больше не будет помогать ему, напротив, спасительные защитные оболочки станут обузой.

Он взглянул на тускло рдеющий индикатор питания, расположенный на ободе забрала гермошлема, затем медленно поднял руку, ощущая свинцовую тяжесть прилагаемого мышцами усилия.

Все. Дальше тянуть бессмысленно. Со скафандром пора расставаться, если он, конечно, не хочет тащить на себе около центнера брони, сервосистем и прочих устройств ради того, чтобы еще некоторое время дышать автономным запасом воздуха.

К сожалению, конструкция древнего боевого скафандра не предполагала демонтаж отдельных составляющих экипировки.

Таманцев поднял руку и коснулся сенсора.

Звук сервомоторов он не слышал, лишь почувствовал легкую вибрацию, когда забрало гермошлема сошло с замков, освободилось от соединения с уплотнителями и плавно скользнуло вверх.

Оглушающие ощущения обрушились на него со всех сторон.

Первый вдох принес незнакомые запахи, волна свежего, наполненного мельчайшими брызгами воды воздуха омыла лицо, звуки стали четче, рассыпаясь разными тональностями шума, которые микрофоны скафандра отсеивали, как помехи.

Произошедшие перемены оказались столь значительными, что Иван некоторое время сидел, прислушиваясь к собственным ощущениям, затем, стряхнув наваждение, встал, освобождаясь от давящего веса скафандра.

Оставшись в прочном летном комбинезоне, оснащенном собственной системой терморегуляции, он вскрыл метаболический имплант, аккуратно закрепил его на предплечье, позволив тонким иглам пройти сквозь ткань и вонзиться под кожу, дождался тонкого звука индикационного сигнала, означающего, что теперь аппарат поддержания жизни участвует в циркуляции крови, контролируя ее биохимический состав, и только после этого позволил себе вновь осмотреться по сторонам.

Мир изменился. Он уже никогда не станет прежним – чужим, существующим по ту сторону проекционного забрала гермошлема, теперь

Иван дышал воздухом планеты, чувствовал бодрящую свежесть раннего утра, тревога, давившая не меньше, чем увеличивавшийся с каждым шагом вес экипировки, вдруг отступила, и Таманцев пошел по скользким от обилия мельчайших водорослей известняковым плитам к ближайшему выточенному падением воды каменному бассейну.

Родниковые водопады оправдали его надежду: анализатор показал, что вода содержит безопасные минеральные примеси, ее можно пить и набрать впрок, но сначала Иван умылся, чувствуя, как ледяная влага смывает усталость, возвращает силы, дарит надежду, словно падающие, разбивающиеся хрустальными брызгами струи шептали: «Ты теперь наш…»

…Пока он умывался и наполнял две фляги, солнце успело подняться над вершинами деревьев, зеркальная гладь лесного озера отражала лучи, две птицы с темно-зеленым оперением опустились на воду и поплыли вдоль берега, не обращая внимания на человека.

Шум падающей воды начал утомлять, Иван ощущал острую необходимость в отдыхе, теперь идти к цели на пределе сил уже не казалось разумным и необходимым.

Он спустился к озеру, прошел вдоль берега, пока не отыскал небольшую мшистую полянку, незаметно переходящую в песчаный пляж.

Через минуту, освободившись от веса экипировки, он сидел, слушая тишину.

Руки Ивана, бессильно опушенные, говорили о крайней степени усталости.

Природа оглушала. Свежий воздух, напоенный ароматами листвы, такой нежной, такой прозрачной, будто сияющей в лучах оторвавшегося от горизонта солнца, еще вызывал рефлекторное опасение при каждом вдохе, щебет птиц постепенно выделялся из оглушающей тишины: вокруг, подчиняясь своим законам, жила природа, ей не было никакого дела до человека, одиноко и настороженно внимающего ее проявлениям.

Вот мимо пролетела стремительная, гомонящая на разные голоса стайка птиц, одна из птах задержалась у ближайшего дерева, едва слышно прошелестела листва, когда юркое маленькое существо нырнуло в гущу кроны, и через мгновение звонкая трель окончательно разрушила иллюзию тишины; Иван поднял голову, осмотрелся, словно впервые увидел окружающий мир.

Утренний воздух, сладкий, кажущийся тягучим от обилия запахов, вливался в грудь, не вызывая тревожных симптомов, дышалось легко и спокойно. Иван позволил себе расслабиться, лечь на податливую подстилку

пружинящего мха и почти тотчас провалился в глубокий сон…

…Проснулся он лишь на рассвете следующего дня, ощущая себя полностью отдохнувшим, будто не было трех суток изматывающего пути и чрезмерного злоупотребления стимуляторами.

Есть не хотелось. Он сходил к источникам, умылся и начал собираться в дорогу, пока солнце находилось точно на востоке.

* * *

К исходу пятых суток с момента крушения истребителя Таманцев почувствовал: с ним творится что-то неладное.

Метаболический имплант, судя по показаниям примитивной индикационной вставки, функционировал исправно, питался Иван исключительно пищевыми концентратами из неприкосновенного запаса, воду он набрал из родниковых водопадов, к тому же дополнительно очистил ее, – все меры предосторожности были соблюдены, но все же непонятное недомогание росло, он чувствовал себя все хуже, временами изменяло зрение, ноги начинали подкашиваться, приходилось делать остановки, но после отдыха встать и идти дальше с каждым разом становилось все труднее.

Попадись ему сейчас на пути какой-нибудь крупный хищник, и трудное странствие вполне могло окончиться…

Сознание плыло. Приступы полной дезориентации происходили все чаще, рассудок словно отключался. Иван продолжал видеть, слышать, но не мог осмыслить получаемую через органы чувств информацию.

Он потерял ощущение времени, направления, пройденного расстояния, забыл, куда и зачем идет, потом в приступе внезапного удушья сорвал дыхательную маску, зачем-то машинально сбросил с предплечья метаболический имплант, прошел еще с десяток шагов и наконец упал, споткнувшись обо что-то, выступающее из-под земли.

Кружилась голова. Он не мог сфокусировать взгляд, все расплывалось перед глазами, хотелось пить, но не осталось сил даже шевельнуть рукой, дотянуться до фляги…

Только не так… Я не хочу умирать безвольно…

Последняя мысль перед погружением в вязкий мрак.

* * *

Очнулся Таманцев на рассвете, вот только какого дня с момента крушения истребителя?

Он лежал на спине, мягкая подстилка красноватого мха успела

спрессоваться под весом тела, в спину больно упирались выступающие корни деревьев, чьи кроны нависали над Иваном, образуя непроницаемый шатер листвы.

Слабость и ломота в затекших мышцах на фоне прояснившегося рассудка воспринимались как признак долгой неподвижности.

Таманцев смутно помнил, что происходило с ним перед потерей сознания.

Он с трудом приподнялся, настороженно огляделся вокруг. Внутри поселилось чувство тревоги, непонятной агрессивности к окружающему. Он не мог сказать, что ощущает опасность, чувство было сродни скверному расположению духа, когда требуется выплеснуть эмоции, словно организм безостановочно вырабатывал биохимические стимуляторы, нагнетая внутреннее напряжение.

Бесконтрольная дрожь в мышцах только подтвердила промелькнувшую догадку.

Таманцев попытался взять себя в руки, но безуспешно, – в памяти, как назло, всплывали самые страшные и отчаянные эпизоды из прошлого, чувство тревоги росло, становилось глобальным, поглощающим разум, парализующим способность мыслить здраво.

Он опять не контролировал собственные действия, вспышка беспочвенной ярости овладела им, подняла на ноги, заставив озираться вокруг.

Место, где он оказался, действительно могло внушить тревогу: он очнулся на краю обширной поляны, затянутой красновато-бурым, будто окропленным кровью мхом, из-под которого, словно ребра скелета исполинского животного, торчали изгибающиеся, потускневшие от времени балки металлопластикового каркаса.

Бугристая поверхность открытого пространства принимала зловещие очертания. Таманцев не галлюцинировал: тонкий слой мха обволакивал нечто, лежащее на твердой поверхности: местами бугристые, рельефные контуры принимали отчетливый вид застывших в разных позах человеческих фигур…

Мышцы дрожали все сильнее, по телу пробежала ледяная испарина, обострившееся зрение фиксировало все новые и новые детали: мягкие контуры брошенных предметов, завалы контейнеров, покрытых вскарабкавшимся и на вертикальные поверхности мхом, вдали, за изогнутыми, вздымающимися на сотни метров «ребрами», застыло нечто, похожее на дискообразный корпус космического аппарата с различимыми даже на таком расстоянии выступами надстроек…

…Солнце уже оторвалось от линии горизонта, его лучи, пройдя сквозь кроны обрамлявших огромную поляну деревьев, соткали причудливую игру света и тени: казалось, что поверхность мха зашевелилась, а заключенные под ней тела начинают распрямляться, двигаться, стремясь встать.

Разум Ивана погружался в чудовищную действительность, как в омут.

Ему было страшно. Впервые в жизни он испытывал глобальный, неподконтрольный рассудку, всепоглощающий ужас, не понимая, что происходит.

Внезапно поднялся ветер. Он дул странно, локальными порывами, пласты мха поднимались в разных местах, на миг обнажая скрывающиеся под ними тусклые фрагменты металлопластика…

Таманцев машинально выхватил оружие. Ему внезапно показалось, что вся поляна от края до края полнится движением призрачных фигур, один из зловещих красноватых контуров, сотканный как будто из света и воздуха, несся прямо на него, и Иван, не выдержав, выстрелил.

Пуля прошила пустоту, наискось ударила в землю, вырвала клочок красноватого мха и с визгом ушла в рикошет от твердой поверхности.

Порывы «ветра» моментально стихли, призрачные фигуры истаяли, только пронесся протяжный, разочарованный стон, помутилось в глазах, а когда странная пелена рассеялась, Таманцев медленно опустился на колени, не в силах сопротивляться внезапной, неодолимой усталости.

Бред…

Под ладонями податливо проминался мох.

Иван с трудом перевалился набок, сел, хотел смахнуть выступившие на лбу капли пота и вдруг увидел, что ладонь испачкана… кровью.

Таманцев несколько секунд смотрел на липкое пятно, потом перевел взгляд на отпечаток ладони и заметил чуть дальше характерные, вытянутые в направлении стремительного движения, разлетевшиеся мелкими брызгами капельки крови.

В том месте, куда ударила пуля, в лучах восходящего солнца тускло поблескивал фрагмент обнажившейся глянцевитой поверхности.

Что он мог противопоставить предлагаемой действительности?

Только здравый смысл, если хотел сохранить рассудок. Приступ тревожного состояния усиливался, но Таманцев знал, как следует бороться с подобными недугами. Превозмогая все дурные ощущения, он встал, сказав себе: *я в порядке.*

Никакой мистики он не признавал, и капли крови отчасти подтверждали правоту такой позиции.

Если мимо него минуту назад пронеслось около сотни таинственных существ, то кажущаяся «невидимость» являлась скорее всего природным средством маскировки, не более того.

Первое, что сделал Иван: обозначил фрагмент мха, испачканного кровью. Затем, вопреки головокружению и слабости, встал, с намерением исследовать огромную поляну, простершуюся среди бескрайнего лесного массива.

Подойдя к ближайшему бугру, имеющему неприятно-мягкие контуры скорчившейся человеческой фигуры, он подрезал мох десантным ножом, обратив внимание на то, что лезвие, как перед этим и пуля, встретило на небольшой глубине твердую поверхность, затем одним резким, решительным движением поднял несколько квадратных метров упругого растительного покрова.

Под пластом мха обнажилась остекленевшая, спекшаяся в монолит поверхность; подобному воздействию обычно подвержены песчаные виды почв, раскаленные огнем планетарных двигателей крупного космического корабля.

На остекленевшей поверхности, поджав ноги с перебитыми сервоприводами, скорчившись, лежал человекоподобный механизм. Иван с первого взгляда определил, что перед ним серийная модель андроида «Хьюго-БД12», которыми комплектовалось большинство колониальных транспортов эпохи Великого Исхода.

От увиденного стало если не легче на душе, то понятнее для рассудка. Теперь дискообразный аппарат, видневшийся на удалении в километр, и исполинские ребра каркаса, торчащие из остекленевшей почвы, находили логическое объяснение. Перед Таманцевым простиралось место посадки колониального транспорта, причем не разбившегося, а успешно доставившего колонистов и груз на поверхность планеты.

Будь по-другому, он бы увидел сейчас расколотую, покосившуюся сферу криогенно-грузового модуля, внутри которой располагались залы низкотемпературного сна и транспортные отсеки с планетарной техникой, однако взгляд находил лишь ребра жесткости каркаса, оставшиеся от корпуса отделяемой части космического корабля, – значит, высадка, пробуждение колонистов и разгрузка механизмов прошли успешно.

Обычно материал обшивки сразу же шел в дело, на сооружение временного защитного периметра, внутри которого возводились постройки первичного поселения.

Знаменитые Цоколи[7] возводились машинами в стороне от зоны

посадки, а для постройки фундамента мегаполиса кибернетические механизмы использовали ресурсы, добытые уже в колонии.

Иван снова вернулся взглядом к андроиду. Перебитые конечности сервомеханизма пострадали от выстрелов из огнестрельного оружия.

Слишком мало информации, чтобы делать выводы. Таманцев уже понял, что спустя некоторое время после посадки произошли какие-то трагические события, но что явилось их причиной, еще предстояло узнать. В любом случае, надежда вновь затеплилась в его душе. Он видел огни города, красноречиво свидетельствовавшие, что колония состоялась. Удаленность существующего в современности поселения от места исторической посадки колониального транспорта – дело обычное.

Он услышал шорох, огляделся и вновь почувствовал прикосновение дрожи.

Иван не мог объяснить реакцию своего подсознания на отдельные проявления действительности. Он никогда не считал себя трусом, хотя и безрассудную храбрость к разряду добродетелей не относил. Таманцев не мог понять – чем его сегодняшнее положение отличается от десятков схожих ситуаций, в которые приходилось попадать в бытность офицером космического десанта?

Потерял форму, капитан, – мысленно укорил себя он, направляясь к древним пластиковым контейнерам, штабелированным неподалеку от разобранной сферы колониального транспорта.

Ветра не было, но по кронам деревьев, окружавших огромную поляну плотной, молчаливой стеной, то и дело пробегали короткие, хорошо различимые порывы, будто десятки незримых для глаза существ перемещались в гуще тонких, свисающих до самой земли ветвей.

Приступы дурноты и бессилия больше не повторялись, слабость постепенно отпустила мышцы, но тревога не покидала его: сердце как будто сжималось от неведомой тоски, что-то царапало душу, странные, болезненные, настораживающие эманации настигали его, словно волны, как будто он двигался в полосе сильного ментального воздействия…

Будь на планете колония инсектов, он бы понял подобное состояние: разумные насекомые владели врожденным даром телепатии, но Таманцев в свое время прошел специальную подготовку и с легкостью узнал бы характерное воздействие ментального поля муравейника…

Здесь что-то не так. Инсекты ни при чем. – Иван добрался до ящиков и убедился, что те ничуть не пострадали от времени, разве что в местах, где мох плотно прилегал к не подверженному тлену материалу контейнеров, пластик прибрел белесую окраску…

Маркировки читались с трудом. Некоторое время он пытливо разбирал буквы, не желая тратить время и силы на вскрытие кофров с бесполезным для него имуществом.

Наконец во втором ряду (считая сверху) ему удалось найти четкую поясняющую надпись: «Средства индивидуального жизнеобеспечения и защиты».

Четверть часа понадобилось Ивану, чтобы вытащить герметичный кофр из штабеля, затем пришлось изрядно повозиться, вскрывая замки и поднимая крышку, «прикипевшую» на резиновых уплотнителях, но в конце концов усилия Таманцева были вознаграждены: открыв контейнер, он обнаружил внутри два комплекта полной гермоэкипировки, оружие, автоматические аптечки, неприкосновенный запас пищевых концентратов и химических реагентов, очищающих воду.

Теперь точно дойду до города. Он заметно приободрился. Среди найденного полевого оборудования оказалось несколько комплексных анализаторов, одна беда – элементы питания во всех приборах разряжены. На такой случай предусматривались химические батареи, в которых после снятия предохранителя смешивались вещества, и устройства зарядки от солнечной энергии.

Небо было безоблачным, Иван развернул две установки солнечных батарей, вставив в специальные гнезда разряженные накопители, а сам занялся подбором экипировки.

Изредка со стороны леса раздавался тревожащий шелест, но Иван, не теряя бдительности, мысленно запретил себе сосредотачиваться на звуках, придавая им чрезмерное значение: он опасался спровоцировать новый приступ необъяснимой тревоги и ярости, потому ограничился тем, что держал «Гюрзу» под рукой.

Гермокостюмы, извлеченные из кофра, он отложил в сторону. Пользоваться гермоэкипировкой после того, как дышал воздухом планеты и пил здешнюю воду, показалось ему перестраховкой. *Только будут стеснять движения*, – подумал он.

Иван остановил свой выбор на легком металлокевларовом бронежилете, шлеме со встроенным сканирующим комплексом, затем извлек на свет «АРГ-8» – штурмовую винтовку времен Великого Исхода, использующую патрон с химическим зарядом. Мощное, достаточно неприхотливое в обращении оружие, требующее определенного навыка стрельбы. Таманцев хорошо знал устройство стрелковых вооружений такого типа: ощутимая отдача, повышенная шумность, дополнительный вес боеприпасов – конечно, минусы, но в его положении выбирать не

приходилось, до города, по самым оптимистичным прогнозам, еще сотни две километров, а местные формы жизни (к которым он мысленно причислил загадочных существ, маскирующихся под порывы ветра) грозили стать настоящей проблемой.

Пока он разбирал содержимое контейнера, батареи немного подзарядились, и Таманцев, вернувшись к обозначенному участку мха, поместил образец, запятнанный кровью, в комплексный анализатор.

Оставив прибор работать, он извлек из контейнера два тяжелых автоматических пистолета, в схеме которых не использовались элементы питания, зарядил их и направился к основному модулю колониального транспорта – тому самому дискообразному космическому аппарату, что застыл в километре от разобранной транспортной сферы.

Здесь его постигло разочарование. От модуля, в котором располагался гиперпривод, главный бортовой компьютер, системы навигации и связи, осталась только пустая, гулкая оболочка. Все оборудование было тщательно демонтировано и вывезено.

Вернувшись, он посмотрел на показания анализатора и оторопел.

Кровь загадочного существа по своему биохимическому составу оказалась близка… к человеческой!

* * *

Таманцев не знал, что ему думать, как отнестись к внезапно сделанному открытию, граничащему с непонятным, почти мистическим явлением.

Существо, в которое он инстинктивно выстрелил, казалось Ивану сотканным из локальных завихрений воздуха, – еще когда на красноватый мох брызнула кровь, он с трудом поверил собственным глазам, теперь же ему ничего не оставалось, кроме как признать: эфемерные создания на самом деле материальны, они состоят из плоти и крови, более того – призрачные существа имеют прямое (или все же косвенное?) отношение к людям!..

Могла ли биосфера планеты столь радикально изменить кожные покровы человека, чтобы потомки колонистов в энном поколении приобрели способность к абсолютной мимикрии?[8]

Теоретически, конечно, подобное нельзя исключить, – во время службы в космическом десанте Иван много раз убеждался в том, как сильно видоизменяли людей условия выживания на той или иной планете, но все же рассудок Таманцева не был готов к подобному обороту событий.

Возможно, более тщательное исследование места посадки

колониального транспорта сможет дать ответ на возникшие вопросы?

Его терзали сомнения. Он попал в данный мир случайно, не как ученый или исследователь. До последнего момента цель, которую он преследовал, была ясна: выжить, добраться до замеченного при снижении города, а там…

Он оглянулся, вновь услышав шелест.

Ветви ближайшего дерева гнулись, трещали, словно их трепало ураганом.

Иван не испугался, но здравый смысл предостерегал его от излишней предприимчивости. Попав в город, он наверняка получит ответ на многие вопросы, – решать же загадки местной эволюции, находясь в далеко не завидном положении, было бы самым настоящим безрассудством.

Обдумав ситуацию, он принял решение двигаться дальше, стараясь вести себя более осторожно – причинять вред местным существам не следовало без веской на то причины.

* * *

Исследовать часть периметра огромной поляны ему все же пришлось. Обрамляющие поросшее мхом пространство заросли выглядели плотными, практически непроходимыми, следовало отыскать звериную тропу, ведущую в нужном направлении.

Среди прочего оборудования Иван нашел во вскрытом контейнере электронный бинокль, с помощью которого он смог осмотреть интересующий его участок леса, не приближаясь к молчаливой стене деревьев.

В нескольких местах действительно обнаружились звериные тропы, но внимание Таманцева привлекла к себе широкая просека, – деревья в одном месте как будто расступались, хотя следов вырубки заметно не было.

Просека совпадала с приблизительным направлением на город, и Иван решил проверить, насколько далеко она углубляется в лес.

Уж не дорога ли это, проложенная от места посадки колониального транспорта к будущему поселению? – промелькнула в голове мысль.

Он не ошибся.

Под ногами пружинил уже не мох, а ковер из опавшей листвы, но под ним ощущалась твердая основа, – выйдя к началу просеки, Таманцев не поленился разгрести перегной, с удивлением обнаружив, что под ним лежат плотно состыкованные друг с другом каменные плиты.

Несомненно, перед ним была дорога, но почему при ее прокладке использовался столь нехарактерный строительный материал?

Еще одна загадка, ответа на которую он не знал.

* * *

Ощущение тревоги не проходило. Иван двигался по древней дороге, ведущей в направлении увиденного им города, – теперь все ориентиры указывали на правильность избранного пути.

Прислушиваясь к своим чувствам, Таманцев не мог опеределить источник беспокойства, внутреннего напряжения. Физически ему стало намного лучше, приступ недомогания отступил, не оставив после себя ощутимых последствий.

Мог ли он связывать состояние постоянной тревоги с произошедшими в его организме изменениями?

Нет, Иван воспринимал происходящее с ним как непонятное психическое отклонение. Конечно, причин для тревоги у человека, оказавшегося на чуждой планете, пережившего приступ непонятной болезни, лишенного привычных средств жизнеобеспечения, более чем достаточно, но Таманцев прошел суровую школу выживания и умел контролировать свой рассудок.

Почему основные качества, выработанные в космическом десанте, сейчас вдруг начали изменять ему? Разве не попадал он в ситуации более сложные, по сравнению с которыми сегодняшнее положение выглядело вполне приемлемым? Скоро, уже завтра, он дойдет до города, встретится с людьми, населяющими планету. Что же так настораживало Таманцева, буквально изматывало душу ощущениями неопределенного беспокойства, заставляя постоянно находиться настороже?

Однозначного ответа он не находил.

Двигаясь по просеке, Иван постоянно искал взглядом признаки недавней человеческой деятельности, но, похоже, дорогой очень давно никто не пользовался. Каменные плиты местами просели, их покрывал слой опавшей листвы, превратившийся в перегной, на который выползал вездесущий мох, по-видимому, занимающий на этой планете экологическую нишу травянистых растений.

Лишь однажды, еще в самом начале пути, Ивану попался сгоревший остов планетарного вездехода.

В остальном дорога больше походила на просеку, мох давно прижился поверх каменных плит, а вот деревьям не удавалось удержаться корнями за тонкий слой образовавшейся почвы.

К закату Иван прошел километров сорок, пора было подумать о ночлеге, и он свернул к группе деревьев, близко подступающих к древнему

дорожному покрытию.

Погода стояла пасмурная, но теплая. На всем протяжении пути он слышал в глубине леса, то с одной, то с другой стороны просеки, звуки, издаваемые какими-то крупными животными. Казалось, они ощущают присутствие человека и стараются держаться подальше, не то предупреждая друг друга об опасности, не то выражая таким образом свое недовольство.

Звериных троп, выходящих из лесной чащи и пересекающих пространство просеки, Таманцев видел в избытке, но ни один обитатель леса так и не показался ему на глаза.

Войдя под сень деревьев с мощными, неохватными стволами и тонкими ветвями с длинными, похожими на траву листьями, он почувствовал себя немного лучше. Тревога как будто притупилась, словно между ним и источником опасности возник незримый барьер.

Кроны деревьев опускали ветви почти до самой земли, образуя непроходимые заросли. У древней дороги чащоба редела: тут и там виднелись просветы и даже небольшие полянки.

Под плотными кронами можно укрыться от дождя, – подумал он, выбирая место для ночлега. От животных придется защищаться, разведя костер, дикие звери обычно сторонятся источников огня и дыма, ассоциирующихся с признаками лесного пожара.

Собрав побольше сухих веток, Иван развел костер, предварительно сняв слой красноватого мха, чтобы огонь не перекинулся за границы отведенного ему круга.

Поужинав пищевым концентратом и запив безвкусную массу несколькими глотками воды, он подбросил веток в огонь и сел в расслабленной позе, прислонившись спиной к стволу дерева.

Мышцы гудели после дневного перехода, игра света и тени в быстро сгущающихся сумерках немного успокоила расшалившиеся нервы, – он уже и не помнил, когда в последний раз вот так сидел у костра, полностью предоставленный самому себе.

Постепенно мысли Ивана вернулись к событиям прошедшего дня, вернее, к своему моральному состоянию, он еще раз попытался осмыслить чувство тревоги, не отпускавшее ни на минуту, рассеявшееся только сейчас, и вдруг…

Он смотрел на огонь, когда ему почудилось движение среди листвы деревьев, в близко подкравшейся тьме. Резко повернув голову, он увидел, как на фоне мрака движется нечто, имеющее смутные, изменчивые, призрачные контуры. Сначала Таманцеву показалось, что он видит

фантомное изображение, оставшееся на сетчатке глаз от долгого созерцания огня, но шли напряженные секунды, а видение не истончалось, да и не было оно похоже на черное, бесформенное пятно. Чем дольше Иван всматривался во мрак, тем отчетливее становилось восприятие непонятной структуры, сотканной словно бы из таинственно мерцающих нитей.

Одновременно вернулось уже знакомое, сосущее чувство тревоги.

Существо явно боялось приближаться к огню, оно осторожно двигалось по широкой дуге, не выходя из чащи, но и не тревожа своим движением ни единой ветви.

Как я могу его видеть за пологом листвы?

Закономерный вопрос. Будь в распоряжении Таманцева боевая экипировка с набором сканеров, он бы сказал, что наблюдает сигнатуру[9] – энергетический образ существа, зафиксированный приборами обнаружения, но технические средства подобного рода оставлены им в полусотне километров отсюда вместе со ставшим обузой скафандром.

Существо замерло.

Пальцы Ивана невольно сомкнулись на пистолетной рукоятке оружия.

Он видел его, более того, Таманцев воспринимал волну животной ярости, словно неведомая тварь изнывала от инстинктивного желания броситься на человека, и лишь огонь да запах дыма останавливали зверя.

Внутренняя тревога росла, ширилась, он ощущал, как от перевозбуждения начали дрожать мышцы, рассудок помутился, он как будто читал намерения существа, физически ощущал исходящую от него угрозу, и организм реагировал, рефлекторно готовясь к неизбежной схватке.

Иван в невероятном напряжении пытался осмыслить происходящее, он не двинулся с места, лишь крепче сжал оружие, готовый в любую секунду к моментальному отражению атаки, но на фоне машинальных действий рассудок продолжал работать – он сравнивал остановившееся (судя по ощущениям) метрах в двадцати существо с чем-то виденным ранее и опять пришел к выводу, что наблюдает явную сигнатуру.

Абсурд? Да, он имел богатый опыт в чтении сигнатур кибернетических механизмов, мог при помощи специальных сканеров отследить работу их энергосистем и дистанционно определить, какой именно механизм ему противостоит, чем он вооружен… но в данном случае в его распоряжении не было датчиков, да и в чаще прятался вовсе не серв, а животное.

«Что же я в таком случае вижу?!

Неужели нервную систему зверя?»

Иван в данный момент понимал лишь одно: не глаза «видят» местами расплывчатую, местами предельно четкую структуру, – изображение проецируется перед «внутренним взором», органы зрения тут ни при чем, он воспринимает сигнатуру рассудком!..

Я сошел с ума?.. – промелькнуло в голове, но видение не исчезало, да и мыслил он вполне адекватно ситуации, задаваясь отнюдь не паническими вопросами: почему именно нервная система загадочного существа стала доступна моему восприятию? Почему не тепло его тела, не структура кровеносных сосудов, а именно скопления нервных клеток?

В том, что неподалеку действительно находится зверь, Иван уже не сомневался, его обострившийся слух выделял среди мерного шелеста крон деревьев посторонние звуки, и, определив направление, Таманцев окончательно убедился – его видение не бред. Метрах в двадцати от избранной для ночлега поляны осторожно перемещалось неведомое существо, массивное, но необычайно ловкое и осторожное.

Его явно привлекал человек и пугал огонь.

Напряжение росло. Иван, непривычный к мнемоническим усилиям, измотанный дневным переходом и постоянным, давящим чувством тревоги, терял силы – сначала появилось легкое головокружение, затем он почувствовал уже знакомое недомогание, словно мозг стократно увеличивал потребление энергии, вырабатываемой его организмом, – мысли еще оставались четкими, он по-прежнему цепко держал в поле «внутреннего зрения» сигнатуру неведомого существа, а вот мышцы внезапно ослабли, по ним прокатилась волна бесконтрольной дрожи, тело покрылось ледяной испариной.

Рефлексы капитана не могли мириться с физическим бессилием, внезапной немощью тела, но что он мог поделать, когда процесс был неуправляем, – еще немного, и он потеряет сознание от крайнего *нервного* напряжения, не сможет ни пошевелиться, ни защитить себя, – возможно, именно такого исхода терпеливо дожидалось то существо?

Догадка справедливая, но неутешительная.

Иван все еще цеплялся за способность мыслить – последнее, что осталось у него.

В минуту наивысшего напряжения, когда тело уже не ощущалось, в рассудке, будто молния, промелькнула мысль: я могу защищаться лишь мнемонически… то есть мысленно…

У Ивана не оставалось времени разбираться, насколько он прав, чем обоснована эта догадка, откуда в его организме появилась способность к приему источаемой существом биоэнергетической ауры, почему мозг

выделил из нее лишь сигнатуру нервной системы животного, – все это выяснится позже, если он сумеет пережить внезапную опасность…

Будь у Таманцева возможность использовать оружие, он бы не задумывался ни на секунду, как поступить. От животного, подбирающегося все ближе, исходили волны подавляющей разум угрозы, оно приближалось не из любопытства, а скорее движимое чувством голода. Иван по-прежнему видел, как пробегают волны искрящихся возбуждений по тонким нитям нервных тканей, образующих сложную структуру, в центре которой находился сияющий сгусток – несомненно, мозг существа.

Если бы он мог поднять руку и выстрелить, он бы не промахнулся.

Но руки не повиновались, тело вообще не ощущалось, словно Таманцев превратился в сгусток мысли, не более.

Но мысль тоже может стать оружием…

Привычка бороться до конца позволила ему отбросить стереотипность мышления, не задумываться сейчас о возможном или невозможном – он защищался, принимая условия противостояния, которые так внезапно предложила реальность неведомой планеты.

Если он ощущал помыслы существа, по крайней мере, чувствовал явную исходящую от него угрозу, то возникал закономерный вопрос: как воспринимает *оно* меня?

Безвольным, ошеломленным, неспособным к ответным действиям – лакомый кусочек плоти, не сожранный лишь в силу своей близости к источнику огня…

Огонь… Оно боится огня… Единственное, что может меня спасти…

Обрывочные мысли внезапно приобрели ясность в последнем осознанном усилии: Иван сумел отчетливо представить, как пламя костра взъярилось, плюясь искрами, протянуло под порывом ветра сжигающие языки в сторону группы деревьев, в листве которых скрывалось животное, как объял их огонь, мгновенно превращая в факелы…

Эффект оказался потрясающим.

Таманцев услышал дикий рев, сопровождаемый треском ломаемых ветвей, что-то тяжелое, массивное ломилось через чащу напролом, не разбирая дороги, прочь от угасающего костра и едва живого от невероятного напряжения человека.

…Некоторое время он лежал в полном оцепенении, потом медленно, как будто нехотя, к Таманцеву начали возвращаться ощущения тела, голова кружилась, затем появилась боль, в висках глухо стучало, мышцы ослабели до такой степени, что даже пошевелить пальцем он не мог…

Сколько Иван провел в таком состоянии?

Час, не меньше. Мысли путались, сознание то возвращалось, то угасало, стирая ощущение времени.

Наконец сквозь плавающую перед глазами муть он сумел различить тлеющие, уже подернутые пеплом угли костра.

Попытка пошевелить рукой внезапно увенчалась успехом. Иван с трудом дотянулся до заготовленной кучи хвороста и бросил в почти угасший костер несколько веток. Они занялись неохотно – язычки пламени скользнули по отслоившейся коре и угасли, но через некоторое время ветки все же вспыхнули, разгоняя сгустившийся мрак, отбрасывая тьму к границе окружающих поляну деревьев.

Иван с трудом возвращал себе восприятие реальности.

Теперь, после произошедшего, он не озирался по сторонам, а прислушивался к внутренним чувствам.

Ощущение угрозы, постоянного давления на разум исчезло.

Приблизительно через полчаса ему удалось встать.

Жутко, как-то по-звериному хотелось есть. Голод терзал не столько внутренности, сколько рассудок, пальцы противно дрожали, когда он вскрывал пищевой рацион и, не помня себя, давился сухим, прессованным брикетом, запаянным в вакуумную упаковку полторы тысячи лет назад…

Все происходящее казалось дурным сном, выглядело слишком фантастично, чтобы быть реальностью, но отвергать данность Таманцев не собирался.

Насытившись, он с трудом сделал несколько глотков теплой воды из фляги, потом некоторое время сидел, ощущая лишь непроизвольные сокращения мышц, возвращающие тепло озябшему телу.

Наконец после длительного отдыха он почувствовал, что понемногу приходит в себя. Вставая на ноги, Таманцев еще пошатывался от слабости. Первым делом он снова подкинул в костер веток и затем водрузил поверх занявшегося огнем хвороста несколько толстых сучьев.

Сразу стало светлее, спокойнее, тьма отступила еще на несколько шагов, пламя костра высветило те самые деревья, в кронах которых еще недавно прятался зверь.

Таманцев посмотрел в ту сторону не без страха. Где-то в глубине души он опасался, что увидит следы пожара, – сейчас он не мог поручиться, что на самом деле являлось реальностью, но, увидев потрепанные, местами зияющие темными провалами вырванных ветвей кроны, понял, что не ошибался, отделяя реальность физическую от игры разума.

Зверь действительно прятался там и воспринял образ лесного пожара

как данность, панически спасаясь бегством от несуществующего пламени.

За всю жизнь Иван не испытывал такого потрясения, как сейчас.

Конечно, он знал о существовании кибрайкеров и мнемоников, пользовался различными устройствами маскировки, в том числе сложными фантом-генераторами, способными создавать полноценные иллюзии, но все перечисленное относилось к миру высоких технологий, достижений научно-технического прогресса цивилизации, а не к способностям разума отдельного человека.

Я изменился… – стучалась в висках настойчивая мысль. – *Моя болезнь привела к появлению новых способностей. Биосфера планеты воздействовала на меня, не убив, но превратив в кого-то другого…*

Он смотрел на сломанные ветви, истрепанные, будто ураганным порывом ветра, кроны деревьев, пытаясь оценить размеры прятавшегося там животного.

«Я изменился. Но это изменение спасло меня от смерти».

Искать в любой ситуации положительные стороны, а не предаваться отчаянию по поводу уже ставших фактом свершившихся событий было одной из отличительных черт характера капитана Таманцева.

Однако на этот раз все оказалось много сложнее, чем предполагал прошлый жизненный опыт. Временами в мыслях, захлестывая разум, проскальзывал ужас… ужас перед самим собой.

«Но что я сделал? Прогнал животное силой рассудка, создав иллюзию?

Нет, неверно. Иллюзия в мире физическом не появилась. Воздействие происходило на уровне внушения. Подобные случаи хорошо известны. Во все времена существовали люди, обладающие даром внушения…»

Иван вернулся к костру, присел у огня, протянул к нему руки.

«Да, я мог бы допустить, что в минуту смертельной опасности у меня обнаружился скрытый до времени дар, – размышлял он. – Но я нахожусь на чуждой планете и воздействовал вовсе не на человека, которому мог бы передать знакомые образы, а на животное, относящееся к местной биосфере…»

Размышлять здраво оказалось крайне тяжело.

Не стоило забывать о явной сигнатуре, которую воспринимал его рассудок. К тому же теперь Таманцев мог объяснить самому себе источник постоянного внутреннего напряжения, чувства угрозы, которое сопровождало его на протяжении последних суток пути. Двигаясь по дороге, он воспринимал биоэнергетические волны, исходящие из лесных чащоб по обе стороны просеки. Если рассуждать здраво, то в лесных

дебрях шла постоянная борьба за существование, кто-то погибал, кто-то пожирал свои жертвы, и эманации подобных событий не могли нести ничего, кроме ощущения окружающей со всех сторон угрозы.

Такое допущение вело к необходимости осмыслить и как-то объяснить свои внезапно проснувшиеся способности, но Иван не строил иллюзий по данному поводу. Он вряд ли сможет разобраться, дать четкий категоричный ответ без использования сложной медицинской и диагностической аппаратуры.

Возможно, что-то прояснится, когда я доберусь до города.

Здравая мысль. Сейчас следовало успокоиться, отставить домыслы, дать отдых разуму и телу, ведь впереди еще около сотни километров пути.

«Я должен отдохнуть». – Он и без самовнушения чувствовал, как снова, уже второй или третьей волной, накатывается непомерная усталость, глаза буквально слипались, и Иван не стал сопротивляться, – подбросив в огонь остатки дров, он лег на мягкую подстилку мха и почти мгновенно провалился в черноту лишенного сновидений сна…

* * *

Его пробуждение нельзя было назвать приятным.

Таманцев проснулся мгновенно, словно от корабельного ревуна тревоги.

Где-то недалеко часто и ритмично грохотали выстрелы автоматического орудия, почва вбирала ритм разрывов, утренний ветерок доносил характерный кисловатый запах таугермина.

Иван вскочил на ноги, безошибочно определив направление и дистанцию: стреляли километрах в трех дальше по дороге.

Он машинально огляделся.

Костер почти догорел, истекая ленивыми струйками дыма.

Быстро затоптав его, он вернул на место снятый, но не поврежденный пласт мха и, держась под сенью кромки деревьев, двинулся в направлении потревоживших его звуков, стихших за то время, пока он маскировал место своего ночлега.

Он бежал, привычно концентрируясь на прозвучавших признаках боя, анализируя звуки, их ритмику, приходя к выводу, что огонь велся из двух автоматических плечевых орудий, обычно входящих в штатное вооружение тяжелых бронескафандров…

Звук не повторялся, запах таугермина, принесенный ветром, постепенно истаял в утреннем воздухе, зато по нервам внезапно ударили иные признаки скоротечного боя, относящиеся вовсе не к разряду

привычных проявлений, – Иван споткнулся на бегу и едва не упал, когда по рассудку хлестнула тугая волна боли и ярости.

Нет… Только не это… Он прекрасно понимал, что не сможет еще раз выдержать жуткий прессинг со стороны обитателей леса, тем более, судя по оглушающим ощущениям, теперь их было много.

Имплант…

Иван с трудом разогнулся, заставил себя вдохнуть загустевший воздух, – только устройство импланта, куда был встроен микрогенератор стасис-поля, могло уберечь его от глобального воздействия ментальных волн, если не погасить их полностью, то хотя бы ослабить, приглушить.

Через несколько секунд ему действительно стало легче.

Волны ярости и боли по-прежнему достигали рассудка, но теперь они воспринимались не как губительный удар по психике, а скорее как неприятный, но терпимый фон, что-то вроде назойливого звука, который можно вытерпеть.

Усилием воли поборов болезненные признаки только что пережитого удара, Таманцев двинулся дальше, но уже не бегом, а быстрым шагом, укрываясь под опускающимися до самой земли кронами деревьев.

Стрелявших он так и не обнаружил, зато, пройдя еще с километр, увидел потрепанные разрывами деревья, цепочки конических воронок на обочине, и…

Крайние деревья по обе стороны древней дороги полнились сигнатурами животных.

Их вид нельзя было определить однозначно, у Таманцева появилось ощущение, что они произвольно, если не сказать – хаотично, спорадически меняют свою форму, пребывая в крайней степени *бешенства*.

Неизменным у каждого существа оставался центральный нервный узел, который Иван условно назвал «мозгом».

Он затаился, не зная, что делать. Двигаться дальше – смертельный риск.

Возникшую дилемму внезапно разрешило неожиданное событие.

Сначала Иван уловил смутно знакомый звук, а затем увидел, как по дороге со стороны города движется машина незнакомой ему конструкции.

Кто бы ни находился за рулем, – он двигался прямо в ловушку.

Глава 3

За несколько часов до изложенных выше событий…

Улицы города безлюдны в предрассветный час.

Время сервов. Механизмы, поддерживающие порядок в системе коммунального хозяйства, вывозят мусор, убирают улицы, осматривают коммуникации.

Сигнал вызова поступил, как всегда, неожиданно. Чрезвычайных происшествий не случалось уже давно, поэтому к делу подключили оперативников всех саттов.

Флора только вернулась домой, когда заработал выделенный канал связи мобильного коммуникатора.

– Да? – Она посмотрела на часы. Пять минут седьмого. Все нормальные люди уже разошлись по домам. Кому это не хватило приключений ночью? Гадать бессмысленно, на связи автоматическая система оповещения. Вызов. Очень информативно. Она отключила коммуникатор, положила его в сумочку, подумала, стоит ли переодеваться, потом пожала плечами и решила: сойдет и так. Ничего серьезного все равно не предвидится. Ночь спокойная по духу. Слишком холодная, чтобы кто-то всерьез решил нарываться на неприятности. Приятно поиграть со смертью, когда цветут эритармы, а дрожать от холода под порывами северного ветра – дураков нет.

Выйдя на улицу, она поежилась, запоздало пожалев, что не сменила вечернее платье на что-то более практичное.

«Шорх» цвета металлической вишни еще стоял у ворот, прислуга из числа дройдов не успела загнать его в гараж. Пройдя по гравийной дорожке вдоль роз, уже отцветающих и потому грустных, роняющих лепестки, Флора села в машину.

Ехать никуда не хотелось, но надо.

Тихо зашептал двигатель, ворота, кованные под старину, медленно распахнулись, она сдала в кажущуюся пустоту улицы – резко, до визга подсистемы, связанной с лазерными дальномерами, взглянула на отскочившего из-под колес серва, развернула «Шорх» и влилась, набирая скорость, в плавное закругление улицы.

Езда на машине в утренние часы – сплошная нервотрепка. На улицах полно механизмов, тщательно *вылизывающих* город, – по соглашению с саттом избранных сервам на уборку улиц отведено три часа – с шести до

девяти утра.

Стараясь не задевать механизмы, Флора вела машину с предельно возможной скоростью.

На месте происшествия она оказалась второй.

Оперативник сатта воинов уже осматривал брошенный на краю уровня, косо въехавший на газон элегантный «Ротмарх».

– Привет, Шодан. – Ким Лесли одарил ее ироничной улыбкой. – Такая красивая и мрачная… ну, словно вестник грядущей бури. – Шутить или говорить комплименты он никогда не умел.

– Настроение суицидное, – кивком согласилась Флора.

Она действительно вступила в пору опасного возраста, усталость от жизни ощущалось все сильнее. Триста два года – не шутка, юношеские страсти давно улеглись, наступил и минул период зрелости, – не старея физически, она, как и другие жители Рока, остро ощущала моральное бремя прожитых лет, когда ни игры разума, ни светские забавы уже не придавали жизни достаточно смысла.

– Что так? Ночь не задалась? – Лесли на самом деле робел перед Флорой, всякий раз стараясь скрыть неуверенность в общении наигранной словоохотливостью.

– Поговорим потом. – Шодан обернулась и посмотрела на редкий экземпляр автомашины. – Что у нас тут?

Ким спорить не стал. Поддерживать непринужденный разговор, особенно когда твой собеседник – Тень, дитя природы и к тому же, несмотря на молодость, известный оперативник своего сатта, для воина, сторонящегося городской жизни, занятие нелегкое, да и неблагодарное.

– Что ж, давай по существу. «Ротмарх» принадлежит сатту избранных, точнее, Вильму Орану.

Флора кивнула, перешагнув поребрик. Вильма Орана она знала достаточно хорошо. Редкий пример целеустремленного мужчины, нашедшего смысл жизни в разгадывании тайн утраченных технологий и создании новых образцов техники.

– Он звонил?

– Нет.

– Странно. Ты пробовал его вызвать?

– Я только приехал.

Шодан достала коммуникатор, быстро пролистала его память, нашла нужный номер и коснулась сенсора вызова.

Отвернувшись, она слушала длинные гудки, наблюдая, как к месту происшествия подъехали еще две машины – прибыли оперативники от

сатта избранных и сатта метаморфов. Представитель эмгланов, как всегда, опаздывал.

По случаю официального вызова метаморф принял человеческий облик, но гадать, кто из оперативников сатта скрывается под непримечательной внешностью, было бесполезно. Шодан знала, опознать метаморфа можно только по анализу сетчатки глаз, которая не видоизменялась на стадии метаморфоз.

– Общий привет. По какому случаю сходка? Найв, как всегда, опаздывает? – Оперативник избранных – высокий рыжеволосый юноша – с нескрываемым восхищением посмотрел на Флору. Она привыкла к подобным взглядам. Незаурядная даже для Рока природная красота в сочетании с дерзким складом характера окружала Шодан ореолом неприступности, что только подзадоривало мужчин.

– Оран не отвечает. – Кивком поприветствовав прибывших, сообщила Флора. – Ник, ты знаешь, где он может находиться?

– Дома. – Оперативник избранных пожал плечами, вызвав невольное раздражение у Шодан. – Знаешь, он мне не докладывает, куда идет или чем собирается заняться, – поймав неодобрительный взгляд Флоры, нашел в себе силы огрызнуться Николай. – Спит себе дома или засиделся в мастерской.

– Видишь его машину?

– Да, заметил уже.

– Думаешь, он одолжил ее кому-нибудь? – В словах Шодан прозвучали нотки зловещего предчувствия. – А сам не отвечает на звонки?

– Не знаю.

– Ненавижу такие ответы. – Флора пошла по газону в направлении «Ротмарха», не доехавшего до обрыва всего пары метров.

Остальные потянулись за ней, только метаморф задержался, мысленно связавшись с опаздывающим Найвом.

Эмглан отозвался мгновенно.

– Застрял в пробке. Сервы меняют покрытие улицы.

– Вызови Орана из сатта избранных. Но будь осторожен, на обычные звонки он не отвечает.

– В смысле – осторожнее?

– Не прикидывайся, Найв. Ты понимаешь, о чем идет речь. Флора что-то чувствует. Ты помнишь, как погиб твой предшественник?

– Помню, – ворчливо отозвался эмглан. Метаморфы – они все такие. Никогда ничего не говорят прямо. Впрочем, эмгланы во многом на них похожи.

Коммуникатор щелкнул, отключаясь. Райбен (это был он, Флора узнала его по манере разговора) пошел к брошенной машине. Избранный и воин что-то рассматривали, стоя на краю обрыва. Метаморф приблизился, удлинил шею, чтобы не подходить близко к краю. Лететь вниз – метров пятьдесят, не меньше.

Флора тем временем осторожно открыла водительскую дверь «Ротмарха».

Ее лицо мгновенно приняло напряженное, сосредоточенное выражение, отчего стало еще привлекательнее той магией недоступности, о которую разбилось немало сердец. Впрочем, Шодан умела отличать сердце самца от сердца мужчины.

Разбитая облицовка рулевой колонки. Вытащенные из-под нее провода. Что за варварство? Она впервые видела подобную картину.

– Ник, что вы там застряли? Мне нужно, чтобы ты взглянул.

– Да, иду. – Лорген тут же оказался рядом, Шодан дала ему время на осмысление путаницы проводов, грубо извлеченных из-под приборной панели, затем спросила:

– Что скажешь?

Николай обернулся.

– Машину угнали.

– У преступника не было кодона активации? – Бровь Флоры вопросительно приподнялась.

– Да. Скажу больше – злоумышленник не из сатта избранных. Но достаточно сообразителен. Провода соединены напрямую, в обход персональной системы доступа.

– Так можно завести любую машину?

– Если знать, какие провода соединить. Ты, к примеру, знаешь?

– Нет, – нахмурилась Шодан. – Больше того, не вижу смысла в подобных действиях. У каждого в городе есть своя машина.

– Может, кто-то перебрал на вечеринке и захотел прокатиться на «Ротмархе»? – предположил Райбен. – Модель новая, в производство ее еще не запускали. Только не пойму, зачем понадобилось выбрасывать все из багажника?

Шодан мгновенно насторожилась. Обойдя машину, она открыла багажное отделение. Так и есть – пусто. Выброшено все вплоть до запасного колеса и декоративной облицовки.

Действительно, зачем?

– Насколько я поняла, машину обнаружили сервы?

– Да. Но информации из них не выжмешь. Обыкновенные механизмы-

уборщики. Они передали данные в систему, та автоматически оповестила дежурных оперативников.

– Есть что-то, отличающее «Ротмарх» от других машин?

Ник на секунду замялся.

– Понимаешь, Шодан, есть техническая информация, не подлежащая разглашению…

– Только не между оперативниками, верно?

В конце улицы показалась машина Найва.

– Нервно ведет, – как бы невзначай прокомментировал метаморф.

– Ник, изучи все повреждения. – Флора выразительно посмотрела на избранного, давая понять – у тебя есть пара минут на принятие решения.

Тот с облегчением полез внутрь «Ротмарха». Осматривая машину, он успеет связаться с руководством сатта.

Флора тем временем уже была подле машины эмглана. Тот сидел за рулем, не в силах распрямить сведенные судорогой пальцы. Его лицо было бледно-серым, как ранний рассвет.

– Ну? – Флора открыла водительскую дверь и мягко прикоснулась ладонью к затылку Найва. Через некоторое время его пальцы расслабились, пепельная бледность кожи сменилась пунцовыми пятнами румянца.

– Я же сказал тебе – осторожнее, – укоризненно произнес Райбен.

– Спасибо, Флора. – Найв тихо выдохнул: – Оран мертв. Его убили.

– Ты видел? – Ким Лесли отреагировал спокойнее других, ему, как воину, смерть была не в новинку.

– Мне не нужно видеть, – хрипло напомнил ему эмглан. – Я почувствовал. Аура смерти такая сильная… – он прижался затылком к ладони Флоры. – Оран умирал долго. Возможно, боролся.

Флора подняла свинцовый взгляд и тихо спросила:

– Ким, прорывы периметра были?

– Нет. Ручаюсь.

– Ник, твое время истекло. Ты слышал, что сказал Найв?

– Да. – Лорген выбрался из машины. – «Ротмарх» – принципиально новая модель. Он сконструирован как универсальное средство передвижения. Оран в последнее время работал над тайнами древних технологий, позволявших аппаратам тяжелее воздуха подниматься в небо.

– Эта машина способна взлететь?

– Да.

– Ты выяснил, почему ее бросили?

– Иссяк запас энергии в накопителях. Из-за обрыва питания отключились схемы водородного двигателя. Сюда «Ротмарх» дотянул на

автономном запасе аккумуляторов.

– Ясно… – Флора обернулась к метаморфу. – Что ты рассмотрел внизу?

– Запасное колесо, аварийный набор, какие-то инструменты, пара непонятных приспособлений. Больше ничего.

Шодан задумалась.

Преступников было двое. Две дорожки следов остались на траве газона. Они убили Орана, угнали его машину, затем у «Ротмарха» иссякла энергия, ехать дальше стало невозможно, и они (Флора мысленно подразумевала преступников) стали выбрасывать все из багажника…

Бред. Бессмыслица.

Очевидно, остальные думали о том же. На лицах оперативников отражалось замешательство.

Шодан предвзято относилась к лишенным логики поступкам. Убийство – тяжелейшее преступление. Машиной завладели с определенной целью. Едва приметные вертикальные морщинки прорезали лоб Флоры.

– Ник, проверь, при обрыве питания датчик заряда накопителей работает?

– Нет.

– В таком случае, все складывается. – Внезапно заявила Шодан. – Они не знали, что энергия на исходе. Сюда завернули, чтобы освободить багажник. Потом вернулись в машину, но не смогли двинуться с места – иссякла энергия.

– Зачем освобождали багажник?

– Чтобы уложить туда что-то. Или кого-то, – уверенно пояснила Флора. – Нам известно место события. Ник, ты должен запросить информацию по всем личным чипам. Те, кто побывал в доме Орана, должны быть опознаны. Доказательством вины будет служить наличие сигнала от их чипов, зафиксированное контрольными устройствами данного квартала.

– Восхищаюсь тобой, Шодан, – произнес метаморф.

– Оставь комплименты своим дамам. – Флора чувствовала, как накатывается отвратительная, липкая усталость, – привести в чувство эмглана стоило ей немалого усилия. – Ник, не стой как столб. Действуй. Выясни, кто они. Брать будем немедленно, потому что эти двое – либо сумасшедшие, либо чужие.

Лорген отошел в сторону, вновь достал коммуникатор.

Некоторое время он вел переговоры, потом с минуту ждал ответа, а когда тот поступил, вдруг побледнел, обернулся к остальным и сказал:

– Ни в доме Орана, ни в этом квартале сегодня не зафиксировано ни одного личного датчика.

– К нему никто не приходил и «Ротмарх» сюда приехал сам по себе?

– По данным систем слежения выходит так, – развел руками Николай.

– Чужие, – твердо заявил эмглан. – Но я не чувствую их в пределах города.

– Найв, ты устал. Нужно подключить еще кого-то из твоего сатта.

– Флора, я бы почувствовал, будь они в городе. Аура смерти всегда тянется за убийцей.

– И?

– Здесь у машины нет даже следа, никаких эманаций, поверь мне.

Флора кивнула. Не верить эмглану у нее не находилось причин.

– Есть предложения?

– Я проверю записи с устройств контроля городского движения, – произнес Николай. – Мне потребуется несколько часов.

– А я займусь периметром, – буркнул Лесли. – Не думаю, что кто-то утаил прорыв, но проверить придется.

– Хорошо. Найв, тебя подвезти?

– Я в порядке, Флора, спасибо. Доберусь сам. Эмгланы сделают все, чтобы обнаружить чужих.

– Ладно. – Шодан кивнула. – Держите меня в курсе. Не прощаюсь. – Она устало развернулась и пошла к своему «Шорху». Делать у брошенной машины нечего – всеми следами займется метаморф. А дать себе передышку на восстановление жизненных сил, отданных эмглану, нужно.

* * *

Ехать через весь город, чтобы взглянуть на мертвое тело, Шодан отказалась. Она чувствовала непомерную усталость после инцидента с эмгланом, к тому же исследовать кровавое место происшествия – удовольствие ниже среднего. Она уже давно не девочка, энтузиазм постепенно иссяк, жгучее желание применить свои способности притуплялось с годами, свидание со смертью, когда вдруг понимаешь, что все окончательно и ничего невозможно изменить, для детей природы – всегда шок.

Справятся сами, – решила она.

Вернувшись домой, Флора, по-прежнему чувствуя усталость, смешанную с нервным ожиданием развития событий, все же незаметно для себя задремала, сидя в глубоком кресле.

Разбудил ее настойчивый сигнал вызова.

Мгновенно стряхнув дрему, она коснулась сенсора коммуникатора.

– Слушаю.

– Хорошие новости, Шодан, – раздался голос Найва. – Оран жив.

Флора, вместо того чтобы обрадоваться, насторожилась. В голосе эмглана ощущались нотки напряженной недосказанности.

– Найв, не темни. Говори все, как есть.

– Здесь полно следов. Я чувствую их, но вот в чем проблема – у Орана установлена система видеонаблюдения. В последнее время он явно опасался за свою жизнь.

– Короче. – Флора уже поняла, куда клонит эмглан, сердце сжалось от дурного предчувствия, но она хотела услышать роковую фразу.

– Шодан, на видеозаписях ничего нет. Сожалею, но, вероятнее всего, тут поработали Тени.

– Что-то необычное обнаружили? – севшим голосом спросила она.

– Преступники использовали механические приспособления. Входная дверь взломана, да и травмы Орана… странные, – запнувшись, все же подобрал нужное слово эмглан. – Дети природы нашли бы иной способ получить необходимую информацию.

– Его пытали?

– Да. Жестоко. Потом решили, что он мертв, и бросили истекающее кровью тело прямо посреди гостиной.

– Найв, на записях есть движущиеся сами по себе предметы?

– Нет.

– Тогда не тупи, пожалуйста, – раздражение Флоры перешло в гнев. – Я не знаю никого из сатта Теней, кто умел бы делать невидимыми предметы или одежду!..

– Шодан, не заводись. Давай думать.

– Что говорит Оран?

– Пока – ничего. Он без сознания. Если тебя интересует мое *личное* мнение – здесь побывали чужие. Не знаю, почему им пришло в голову маскироваться под людей твоего сатта, но действовали они грубо. Пренебрежительно грубо.

Флора слушала его, сдерживая растущий гнев.

– Ник там? – спросила она.

– Да.

– Передай ему коммуникатор.

Секунда тишины.

– Да, Шодан, слушаю.

– Ник, свяжись со службами Рубежа. Мне необходимо знать – на

каком участке его преодолели чужие.

– Флора, почему ты уверена в прорыве периметра?

– Все просто. Им не удалось воспользоваться летающей машиной Орана. Значит, уйти они могли только тем же путем, что попали в город, – через Рубеж.

– Океан ты в расчет не берешь?

– Нет. Во-первых, от океана нас отделяют отвесные скалы горного хребта. Во-вторых, ты сам прекрасно знаешь – горлы уже неделю как вышли на нерест. Они разорвут любого, кто окажется в воде.

– Хорошо, Флора, я попробую выяснить.

– Жду.

Она отключила коммуникатор, порывисто встала, прошлась по комнате. Кто? Кто пытается подставить под удар ее сатт?

Нет. В нападении на Орана все шито белыми нитками. Тени так не действуют. Запись с видеокамер скорее докажет, что кто-то неумело маскировался под них.

И все же Флора не находила себе места. Она чувствовала, как стремительно уходит драгоценное время. Происшествие не вписывалось ни в образ жизни, ни в психологию жителей города. С какой стороны ни взгляни на известные уже факты, получалась полная бессмыслица.

Смерть – самое страшное, что может произойти с любым жителем Рока. Ее панически боятся. Конечно, бывают и исключения из правил. Кто-то сходит с ума, теряет контроль над собой, но даже в самых тяжелых случаях – есть Рубеж, сатт воинов уже давно пополняется за счет тех, кто утратил страх перед смертью.

На Орана напал кто-то из воинов? – промелькнула предположение, которое Флора тут же отмела как несостоятельное, – нельзя забывать о ключевом явлении – невидимости. Экипировка воинов, даже самая продвинутая, не дает им подобного преимущества. Скорее дикие просторы, раскинувшиеся за укреплениями Рубежа, вновь породили очередное исчадие, наделенное разумом и новыми поистине феноменальными способностями…

Прервав ее размышления, тонко завибрировал коммуникатор.

– Слушаю.

– Это Николай. Я проверил все технические приспособления. На датчиках все спокойно. Сигналов тревоги за последние сутки не поступало. Правда, одна зацепка все-таки есть.

– Говори.

– Двое воинов, дежуривших у ворот, ведущих к Дороге Отчаянья,

слышали непонятный скрежет. Словно металлом о камень. Они не стали поднимать тревогу – в зоне прямой видимости никого не было.

– Не было или они не сумели рассмотреть?

– Не знаю.

– Ник, исследуй стену. Я еду к тебе.

– Что мне искать?

– Царапины. Царапины на камне стены. Все, до встречи. – Флора свернула коммуникатор, на миг застыла, обдумывая дальнейшие шаги, затем подошла к сейфу (который обычно предпочитала не открывать) и извлекла оттуда два тяжелых автоматических пистолета с парой запасных обойм к ним.

Дикие земли очень опасны, особенно вдоль древней дороги.

Вряд ли кто-то согласится присоединиться к преследованию. Что ж, действовать в одиночку ей приходилось не впервые.

* * *

«Шорх» цвета спелой вишни подъехал к главным воротам Рубежа, свернул на парковочную площадку и мягко притормозил, останавливаясь.

Стены, вырезанные из монолита скал, гладкие, будто полированные, вздымались на тридцатиметровую высоту, демонстрируя фактуру камня. Кое-где их прорезали трещины, залитые темным, связующим материалом.

Кто и когда возвел защищавшие город укрепления, Шодан не знала. Даже старожилы не могли однозначно ответить на подобный вопрос. У Флоры вид Рубежа всегда вызывал различные ассоциации. Казалось бы – тут все предусмотрено для человека, и в то же время ощущалось незримое присутствие недопонятой архитектурной нотки, словно монументальные сооружения, как и основание города, были созданы не первым поколением колонистов, а гораздо раньше.

– Привет, Ник. – Она кивнула поджидавшему ее, нервно расхаживающему по площадке Николаю. – Нашел?

Тот кивнул.

– Царапины, как ты и говорила. Одни совсем свежие, другие примерно суточной давности.

– Откуда такая точность?

– Ночью шел дождь. Старые следы едва различимы. На недавних по краям заметен налет пыли.

– Они такие большие?

– Нет, сервомеханизм, которого я послал исследовать стену, передавал увеличенное изображение.

– Сколько их было? – спросила Флора, подразумевая чужаков.

– Двое или трое. Точнее сказать затрудняюсь. – Он окинул взглядом экипировку Шодан и спросил: – Решила преследовать?

– Да, – коротко ответила она. – И конечно, личные датчики не фиксировались?

– Не фиксировались, – кивнул Ник. – Ветер в поле. Ты их не найдешь.

– Не думаю, – упрямо поджала губы Шодан. – Они пойдут по дороге.

– Ты хоть малейшее представление имеешь, с кем придется столкнуться?

Флора отрицательно покачала головой. Чем больше она думала, тем менее явным становился образ преступников.

– Я хочу доказать, что они – не Тени.

– И все?

– Остальное – по обстоятельствам. Сам отдашь приказ или мне просить, чтобы открыли ворота?

– Я уже переговорил с Лаймелом. Он ничего не имеет против.

Шодан фыркнула.

– Желающих составить мне компанию не нашлось?

Лорген пожал плечами.

– На что ты рассчитываешь, Флора? Зачем рискуешь?

– Они обременены своими железками. Я же буду двигаться быстро. На второй вопрос можно не отвечать? – Она иронично улыбнулась. – Прикажи, чтобы открывали ворота.

* * *

«Шорх» уже миновал укрепления и начал набирать скорость, когда включился коммуникатор.

– Флора, воины говорят, что слышали приглушенные хлопки. Часа полтора назад.

– Откуда шел звук?

– Со стороны дороги.

– Поняла, спасибо. – Она отключила прибор связи, крепче удерживая руль. Дорога хоть и была вымощена каменными блоками, но, в отличие от укреплений Рубежа и городских построек, все же пострадала от времени – местами составляющие ее плиты просели, создавая опасные неровности.

Флора вела машину, одновременно следя за дорогой и пытаясь внимать своим чувствам, но лес, вплотную подступающий с обеих сторон, глухо молчал, словно, вопреки обыкновению, природа хотела скрыть след чужаков.

Два часа она провела во внутренней борьбе – поддерживать скорость около ста километров в час и одновременно вести поиск получалось с трудом, но когда появились первые признаки чужого присутствия, Флора их не пропустила: сначала по нервам резануло ощущение, будто машина на полном ходу вошла в зону концентрации вязкой, явно негативно окрашенной природной энергии, затем, не успело пройти первое впечатление от внезапно появившегося чувства, она увидела странно разлохмаченные, словно порванные ураганным ветром кроны нескольких ближайших к дороге деревьев.

Флора начала машинально притормаживать, концентрируясь на восприятии исходящих от леса эманаций, затем взгляд поймал *срубленные,* еще истекающие агонией ветви, и вслед полоснуло острое чувство смертельной угрозы, – за аурой травмированной растительности скрывалась бешеная, полная невыплеснутой боли сила; секунду или две она ощущала лишь темную, лишенную индивидуальности ярость, затем восприятие локализовало отдельные очаги, но поздно, слишком поздно…

Ветви деревьев по обе стороны дороги словно взорвались движением – они удлинялись, росли на глазах, выхлестывались в сторону потерявшей скорость машины, моментально трансформируясь: теряя окраску и фактуру древесины щупальца затаившихся в кронах метаморфов отвердевали на лету, утрачивая пластичность, образуя твердые заостренные наконечники, – еще секунда, и десятки «гарпунов» с лязгом вонзились в металл, пробивая его насквозь, «Шорх» по инерции проехал еще метров десять, вырывая из гущи ветвей не сумевших удержаться в укрытии метаморфов, а затем остановился, окутавшись клубами пара.

Серия новых, рвущих металл ударов в буквальном смысле пригвоздила машину к дороге.

Флора лишь чудом сумела уклониться от пробивших салон «Шорха» твердых, как сталь, заостренных наконечников, за которыми в рваных пробоинах шевелились, истекая кровью на порезах, узловатые, свитые в тугие канаты мышцы.

С дикими метаморфами Шодан сталкивалась не впервые, но такому количеству разъяренных тварей ей еще не приходилось противостоять в одиночку.

Волны вязкой, гнетущей, подавляющей рассудок энергии плескали со стороны леса, они окружили искалеченную машину, необузданная ярость нападавших граничила с бешенством – Шодан задыхалась от примитивных помыслов, которые воспринимал ее рассудок…

Теряя силы, она все же сумела выбраться из машины через проем

выбитого лобового стекла, проскользнула между извивающимися щупальцами, пронзившими капот, и рванулась прочь, пользуясь тем, что метаморфы принялись раздирать на куски сиденья и обшивку салона.

Метров через двадцать ей стало чуть легче, волна ярости и боли осталась позади, Флора огляделась вокруг, выхватывая оружие, и увидела, что под деревьями, между срубленными ветвями лежат несколько бесформенных, буквально разорванных в клочья тел, рядом тлел мох; в песчаной почве, словно желтые раны, зияла цепочка неглубоких воронок, всюду в радиусе полусотни метров виднелись фрагменты плоти…

Теперь она понимала безрассудную ярость разрывающих машину существ.

Никто, находясь в здравом уме, не напал бы на стаю метаморфов, особенно сейчас, в брачный период.

Однако пострадали не только эти люди, – в тугих волнах боли, что источала стена посеченных осколками деревьев, Шодан уловила отголосок уже завершившейся агонии Тени – дикое создание погибло случайно, обычно пути метаморфов и Теней не пересекались…

В следующий миг ей стало не до наблюдений.

Отбежать от растерзанной машины она успела метров на пятьдесят, когда почувствовала, как ей вдогонку рванулось несколько разъяренных существ.

Они мгновенно видоизменялись, принимая формы, удобные для бега, Флора слишком хорошо знала повадки метаморфов, чтобы тратить силы на тщетную попытку избежать столкновения.

Резко развернувшись, она открыла огонь. Иного выхода у нее не оставалось. Оба автоматических пистолета были заряжены спецпатронами, содержащими вещество, временно блокирующее способность к метаморфозам, но нападавших оказалось слишком много, – пули остановили первых, вырвавшихся вперед, но вслед им неслось еще не меньше десятка разъяренных тварей – захлебнувшись жаждой крови, они утратили даже минимальные, присущие им в спокойном состоянии крохи разумной осторожности.

Когда оба пистолета щелкнули вхолостую, Шодан поняла – перезарядить оружие она не успеет.

Стремительный бросок метаморфа остановил только встречный ментальный удар, в который Флора вложила максимум своих способностей и силы.

Тварь потеряла сознание, но место оглушенного метаморфа мгновенно заняли два других, они налетели на Шодан, сбили ее с ног и тут

же стали трансформироваться: их тела выдавливали из себя нечто, подобное щупальцам, которые обвивались вокруг человеческого тела, начиная сжиматься в смертельном захвате.

Она сопротивлялась из последних сил, рассудок терял ощущение реальности, но не от боли, а от морального истощения, – ей все же удалось на миг остановить порыв необузданной ярости, и сжимавшие ее щупальца вдруг расслабились, вот только выскользнуть из смертельных объятий уже не достало сил…

Лицо Шодан утрачивало материальность, оружие выпало из рук, ее пальцы тоже становились прозрачными, словно метаморф сжимал уже не человека, а лишь его одежду, но спустя несколько мгновений все вернулось, вновь проступили бледные черты лица, обозначились кисти рук, и в миг последнего, предельного усилия воли Флора одновременно с тоскливой мыслью о неотвратимости смерти вдруг увидела бегущего со стороны леса человека в странной одежде…

Грохот выстрелов прозвучал в истерзанном сознании, как нестерпимый удар грома, обвивавшие ее тело щупальца внезапно конвульсивно сжались и тут же обмякли, словно стрелок обладал незаурядным хладнокровием и отличным знанием единственного уязвимого места в изменчивом теле метаморфа…

Гром ударил еще и еще, прорываясь в гаснущее сознание бледными, уже ничего не значащими для Флоры вспышками чужой агонии…

* * *

Иван заметил машину издалека, но ни предупредить ее водителя, ни помешать прятавшимся в кронах деревьев существам выместить свою ярость на приближающемся автомобиле он не мог – не успевал, слишком велико оказалось расстояние до места грядущего события.

И все же он рванулся туда, несмотря на численное превосходство противника и леденящие подробности, внезапно открывшиеся взгляду: теперь Таманцев видел, что животные, затаившиеся в истрепанных ураганным огнем автоматических орудий кронах деревьев, не имеют постоянной формы, они видоизменялись, находясь в постоянных метаморфозах, их плоть как будто *текла*, кожные покровы сливались с окружающим фоном ветвей и листвы, волны слепой ярости, исходящие от них, еще вчера свели бы его с ума…

Ему оставалось пробежать около трехсот метров, когда от деревьев к машине рванулись десятки формирующихся буквально на лету щупалец, хотя такое сравнение все равно оставалось условным, твари, затаившиеся в

кронах, с немыслимой скоростью наращивали мышечную ткань, придавая ей формы и свойства, необходимые для атаки.

Ничего более жуткого и парадоксального Иван никогда не видел.

Машина наконец начала резко тормозить, видимо водитель все же заметил опасность, но поздно… слишком поздно, десятки мускулистых щупалец с твердыми ороговевшими наконечниками с глухим металлическим лязгом пробили кузов машины.

Иван бежал что было сил. Два автоматических пистолета, найденные им в районе посадки колониального транспорта, являлись единственным оружием, способным остановить взбешенных тварей. Сейчас рефлексы галакткапитана, вобрав полученный накануне вечером страшный опыт, диктовали лишь один выход – он должен использовать свои навыки стрельбы в связке с открывшимися способностями *видеть* сигнатуры живых организмов, различать структуру их нервной системы, то есть Таманцев понял: стрелять придется по наитию, ориентируясь не на реальное, а на внутреннее зрение, но прежде ему предстояло отключить устройства импланта, погрузиться в пучину ярости, найти в себе силы противостоять ментальному воздействию адских существ…

Он бежал, стремясь опередить роковые события, зная, что древнее оружие эффективно лишь на коротких дистанциях… Чувствуя, что опаздывает, Иван все же не сорвался в надрывный, истощающий силы рывок, – он видел, как из покореженной машины через проем выбитого лобового стекла выбрался человек и побежал ему навстречу, а прятавшиеся в деревьях животные, те, чьи щупальца не застряли в металле пронзенной насквозь машины, ринулись за ним, принимая формы, удобные для бега, вот один настиг бегущего, мгновенно видоизменился, захлестывая человека, словно удав, подстерегший жертву…

Таманцев остановился, вскидывая оружие.

Тугая волна боли, ярости, звериного желания разорвать любого, кто окажется поблизости, исходила от атакующих существ. Человеку в здравом уме не пришло бы в голову противостоять им, казалось, что здесь и сейчас галакткапитан столкнулся с наиболее опасной формой живых организмов, которые по субъективным ощущениям являлись самим воплощением, квинтэссенцией смерти…

Он погрузился в иной мир.

Мир, где понятия «смерть» и «жизнь» внезапно утратили привычные критерии оценок, где властвовала ярость, а схватка переходила из реальности физической в плоскость ментального противостояния.

Рассудок Таманцева не находил адекватных сравнений среди опыта

прошлого. То, что происходило сейчас, смахивало на контузию, последствия множественных ментальных ударов были близки к ней, – он едва не выронил оружие, чувствуя, как подкашиваются ноги, голова представлялась распухающим шаром боли, а беспощадные щупальца уже начали сжимать человека из машины в своих смертельных объятиях…

В следующий миг на Ивана обрушился удар иной силы, – зрение прояснилось, он *почувствовал*, как ослабела хватка ксеноморфа, а силуэт человека вдруг потерял четкость: он затуманился, взвихрился, как будто между ослабевшими кольцами мышечной ткани инопланетного чудовища оказалась лишь одежда, а тело жертвы каким-то мистическим образом исчезло, но спустя пару секунд все вернулось на круги своя, теперь уже с роковой бесповоротной окончательностью. Туманный вихрь опять обрел очертания человеческой фигуры, вновь начали сжиматься мышцы, а по дороге огромными прыжками к месту трагедии приближались еще с десяток тварей. Но Таманцев уже оправился от последствий шока, ему хватило несколько секунд, чтобы сделать вдох, вернуть контроль над собственным телом, окончательно *уверовать* – здесь и сейчас он должен дать волю инстинктам.

Все происходило намного быстрее, чем способны передать слова: растягивалось лишь субъективное время. Иван, преодолевая боль, сопротивляясь волнам ярости, которые подавляли рассудок, крича в лицо – ты уже мертвец, – во второй раз поднял оружие, его зрение затуманилось, он видел лишь нервную систему того ксеноморфа, который держал человека в смертельных объятиях…

Выстрел прозвучал, будто раскат грома.

Древнее оружие ударило отдачей, на мягкий мох беззвучно отлетела горячая гильза, а сигнатура перед мысленным взором Таманцева вдруг начала меркнуть, она распадалась на отдельные нити, источающие волны агонии, но капитан уже понял – его собственная жизнь и смерть теперь измеряются секундами, еще с десяток тварей, увидев новый источник угрозы, ринулись на него мимо бессильно распластавшегося собрата и пытавшегося высвободиться из-под обмякших щупалец человека.

Никогда в жизни Таманцев не испытывал ничего подобного, ни разу внезапная ситуация так жестко не экзаменовала его, проверяя навыки, полученные галакткапитаном во время постоянных, изнурительных тренировок на полигонах, где их учили стрелять из всех известных на сегодняшний день видов оружия, оттачивали реакцию до уровня рефлексов.

Реальность поблекла, он уже не видел ни дороги, ни деревьев,

воспринимая только сигнатуры рвущихся к нему существ.

Иван на всю жизнь запомнил эти растягивающиеся в вечность мгновения: он стрелял, ощущая ритмичные толчки отдачи, казалось, зрение, ставшее чем-то иным, способно сопроводить полет пули, увидеть, как рассекает она воздух, стремясь к цели. Он машинально отступал, продолжая вести огонь с обеих рук, пока ударно-спусковые механизмы древнего оружия не щелкнули вхолостую.

Сложно передать то неимоверное, без преувеличения – нечеловеческое напряжение, что владело Таманцевым в роковые секунды скоротечной схватки. Он словно умер и возродился вновь в иной ипостаси, понимая, что уже никогда не сможет смотреть на мир, как прежде. В его рассудке поселилось что-то новое, пока еще не понятое, не разгаданное, но, машинально перезаряжая оружие, Иван не позволил себе даже на долю секунды выйти из состояния, когда рассудок балансирует на грани двух реальностей. Он видел, как еще несколько ксеноморфов, пронзивших машину своими щупальцами, освобождаются от сковывающего их груза, выдирая отростки плоти из рваных дыр в металле, ранясь об острые края, с единственной целью – броситься на человека и разорвать его.

Их слепая, всепоглощающая ярость, жажда во что бы то ни стало добраться до нового противника и уничтожить его не находила аналогий среди жизненного или боевого опыта Ивана. Вероятно, так происходило потому, что Таманцев впервые получил возможность воспринимать не мысли, но морально окрашенные намерения противостоящих ему существ, понимать, чувствовать, как сильно они желают его смерти…

Ментальные волны били наотмашь, рассекая не плоть, а разум, сбивая прицел, сжигая остатки воли…

У Ивана не хватало ни сил, ни опыта в использовании новых возможностей своего рассудка, чтобы как-то защититься или ответить тем же, он мог только стрелять, удерживая сигнатуры противника в поле внутреннего зрения, полагаясь теперь лишь на него.

Финал схватки он запомнил смутно.

Обрывочный калейдоскопический вихрь той реальности еще долго будет преследовать его по ночам. Он лишь помнил, что стрелял, пока вновь не опустели обоймы в обоих пистолетах, а затем, сделав неуверенный шаг, упал лицом в мягкий податливый мох, щедро забрызганный кровью невиданных тварей.

Он не потерял сознания, но некоторое время не мог пошевелиться, как было и накануне, когда ментальное воздействие ксеноморфа полностью лишило его сил.

Иван лежал, чувствуя, как медленно отпускает напряжение схватки, радужными сполохами возвращается нормальное, привычное человеку зрение, и не испытывал торжества победы. Он впервые так остро, так однозначно ощущал не только собственные действия, но и их последствия, когда каждый выстрел порождал взрыв агонии. И сколь ни страшны были его противники, он не мог радоваться их гибели, скорее, Таманцеву предстояло вновь и вновь переживать бой, постигая истинный смысл и цену свершенного.

Через некоторое время он нашел в себе силы встать и медленно, пошатываясь, побрел к искалеченной машине и лежащему неподалеку человеку.

Ему отчаянно хотелось, чтобы тот оказался жив.

* * *

Флора очнулась глубокой ночью.

Острое, пронзительное чувство тревоги пришло с запахом дыма и оранжевыми отсветами пламени.

Сил, чтобы вскочить и метнуться прочь, не было. Она едва могла пошевелиться – побывав в объятиях метаморфа, ее организм отдавал всю жизненную энергию на борьбу с телесными травмами.

Память последних секунд перед потерей сознания билась в висках глухим пульсом.

Из лап метаморфа ее вырвал человек. Если Флора не ошибалась, он также являлся Тенью.

«Незнакомец, принадлежащий ее сатту? Ничего более абсурдного предположить не могла?» – мысленно упрекнула себя Шодан, прилагая немалое усилие, чтобы слегка повернуть голову.

Сгореть заживо в огне лесного пожара – какая глупая и мучительная смерть…

Капельки пота выступили на лбу, но усилие было вознаграждено необычной, потрясшей Шодан до глубины души картиной: лес спокойно шумел кронами, вне освещенного языками пламени круга смыкалась непроглядная тьма, откуда доносились жалобные стенания ночной нечисти.

Горели сложенные горкой сухие ветви. Чтобы огонь не перекинулся дальше, его заключили в западню, взрыхлив вокруг влажную землю.

На поваленном стволе дерева, вполоборота к огню, сидел тот самый незнакомец. Укрощенное пламя бросало на его лицо мятущиеся отсветы.

Шодан напряглась, но исходящая от человека эманация мысленной ауры обдала ее живительной энергией, он не замышлял ничего дурного,

напротив, думал о ней, тревожась и желая помочь.

Она его не знала. Он недавно стал Тенью – Флора ощущала сотни признаков неконтролируемой силы, что концентрировалась в нем, требуя выхода: его лицо то подергивалось искажениями, обретая невидимость, то снова проявлялись спокойные, сосредоточенные, усталые черты.

Он сидел в глубокой задумчивости, вероятно, не подозревая о наступивших изменениях в его организме.

Шодан не понимала, что происходит. В памяти всплывали все новые подробности произошедшего накануне: несомненно, именно он спас ее от сонмища взбешенных метаморфов, сквозь вуаль ушедшего беспамятства прорывались даже не картинки воспоминаний, а ощущения, острые, понятные и в то же время – невозможные, с точки зрения любого жителя Рока.

От сидящего в нескольких шагах незнакомца, несмотря на его явную усталость, исходили волны мощной, спокойной жизненной энергии, они захлестывали Флору, обволакивали ее, будто теплые воды прогретого лучами солнца залива, – ничего подобного она не испытывала прежде…

– Очнулась? – неожиданно, не оборачиваясь, спросил он.

Шодан стало не по себе.

Инстинктивная реакция Тени: когда Иван повернул голову, то увидел одежду, сохранявшую объем и формы человеческого тела, – одежду, под которой таилась… пустота.

Таманцев вздрогнул, но сумел совладать с чувствами, – еще во время боя на дороге он успел вкусить свою долю мгновенной растерянности, граничащей с мистическим ужасом, когда притаившиеся среди листвы деревьев существа атаковали машину, буквально пригвоздив ее к покрытию древней магистрали, а затем человек, на помощь которому он бросился, будто растаял в воздухе, пытаясь вырваться из объятий ксеноморфа…

Правда, продлилось это исчезновение не так уж долго.

Вот и сейчас вдруг начали проявляться, возвращая материальность, черты лица. Ее взгляд, настороженный, колючий, казалось, пронзает насквозь, и Иван, не желая вторичного исчезновения женщины, нашел в себе силы произнести:

– Не бойся меня.

– Я не боюсь… – шепнули ее сухие губы.

Интеранглиский, на котором ответила незнакомка, отличался от общегалактического, но Иван прекрасно ее понял.

– Как тебя зовут? – Таманцев решился на продолжение диалога, зная, насколько важны первые слова, их тон при контакте с представителем

«потерянной» планетной цивилизации.

– Флора… – едва слышно ответила она.

– Иван. – Он улыбнулся. – Не пугай меня больше.

– Ты не испугался, – ответила Шодан, неотрывно глядя в глаза своего спасителя.

Он не отвел взгляда. Таманцев понятия не имел о тех способностях, которыми обладали Тени. Глаза не зря считаются зеркалом человеческой души. Сейчас он тонул в них – зрачки Флоры расширялись, казались входом в таинственный мир грез. Он не оттолкнул ее вызов, но и не принял его, просто не позволил своему рассудку нырнуть в омут.

– Ты сильный, – она потупилась.

Таманцев промолчал. О какой силе идет речь, оставалось лишь догадываться, и Иван решил, что пока воздержится от комментариев.

– Ты из города? – спросил он, чтобы сместить тему завязавшегося разговора в область простых, понятных обоим предметов и явлений.

– Я – да. А откуда ты?

– Из космоса. – Иван напряженно ждал реакции на произнесенную фразу. Помнят ли живущие тут люди о возможности перемещения между звездами или в памяти поколений стерлось представление о космическом пространстве?

– Ты из другого мира? – искренне удивилась Флора. – Тогда где твой космический корабль?

– Разбился при посадке. Место крушения – километрах в трехстах отсюда.

В ее взгляде не промелькнуло недоверие или непонимание. О космосе она имела вполне ясное представление, как и о метрической системе измерения расстояний.

– Хорошо, что мы понимаем друг друга. – Иван не кривил душой, не противоречил собственным мыслям, он хотел поддержать разговор, не дать ему угаснуть. – Многие потерянные цивилизации забывают о том, что их предки пришли из космоса.

Флора не сразу ответила на его слова. Для нее сейчас намного более важным казалось другое – она пыталась прочесть, истолковать его жизненную ауру, с непонятным чувством признавшись самой себе, что никогда в жизни ей не приходилось встречать человека, от которого исходила бы столь мощная, ясная, положительно окрашенная энергия.

Конечно, это вовсе не означало, что сидящий у костра человек идеален, лишен слабостей или пороков. Нет, люди не бывают «хорошими» или «плохими» – с подобным заблуждением Флора рассталась давно, ее

удивило и даже немного напугало то ощущение целостности, отсутствие вуалей, что демонстрировал поток исходящей от ее спасителя энергии.

Шодан привыкла к иным проявлениям жизненной силы. Общество, в котором она родилась и выросла, давно утратило интерес к чему-либо, застыло, довольное существующим положением вещей, и в подавляющем большинстве случаев Флора при общении ощущала холод равнодушия, усталости от жизни или хуже того – раздраженной подозрительности.

Он же был открыт, спокоен. Хотя… нет, скорее его спокойствие – это следствие самоконтроля. Она анализировала свои ощущения по укоренившейся привычке оценивать людей не по словам, а по эманациям их жизненной силы, ну и конечно – по совершаемым поступкам.

– Пока что мы понимаем только слова… – тихо произнесла Флора, чувствуя, что невольно тянется к нему, ей хотелось еще и еще раз прикасаться к источнику неповторимого человеческого тепла, такого удивительного, такого редкого в ее мире.

– Поверь, слова уже многое. – Он внимательно посмотрел на Флору. – Как твои раны? Я не решился их обрабатывать.

– Почему?

– Ты… не такая, как обычные люди.

Она поняла, о чем говорит Иван. Неужели он не чувствует, что с ним также произошло изменение? Наверное, чувствует, но не понимает случившегося.

Сложная ситуация. Теперь и Флора ощутила, что многое одновременно разделяет и объединяет их.

– У тебя есть вода?

– Конечно. – Он достал флягу и протянул ей. – Твои раны затянулись на удивление быстро.

Флора сделала несколько глотков, узнавая воду на вкус.

– Ты был у источников жизни? – удивленно спросила она.

– Извини, не понимаю, – ответил Иван. – Я набирал воду из подземных ключей, что питают небольшое лесное озеро.

– Там были водопады?

– Да.

– Это и есть источники жизни.

– А почему их так называют? У воды какие-то особые свойства?

– Не знаю. Об этом лучше спросить у старожилов. Только они помнят, почему то или иное место получило определенное название. Я однажды интересовалась, но мне ничего не ответили. Наверное, это одна из тайн сатта избранных.

Иван внимательно слушал, запоминая незнакомые слова.

Сатт… Вероятно, некое деление общества на классы?

– Скажи… почему ты бросился спасать меня? – Вопрос Флоры прозвучал для Таманцева неожиданно.

Он, выигрывая несколько секунд на размышление, машинально переспросил:

– Я совершил нечто необычное?

Теперь уже Флора задумалась, зябко кутаясь в куртку, которой Иван укрыл ее.

– Да, наверное, ты прав… – ответила она. – У нас не принято вмешиваться и рисковать собственной жизнью, когда кто-то подвергается опасности. Исключение составляют только люди из сатта воинов.

– А почему так?

– Жизнь – наивысшая ценность, – пояснила Флора. – Каждый распоряжается ею по-своему. Откуда тебе было знать, что я не решила свести счеты с вечностью?

Иван пожал плечами. В словах Флоры прозвучало много непонятного, но для него местные обычаи не играли роли. Это теперь он должен стараться постичь их и придерживаться здешних правил, хотя бы тех, которые не противоречат его убеждениям, а накануне он был совершенно свободен в выборе.

– В своем мире я был воином, – ответил Таманцев, стараясь использовать простые слова и формулировки. – И сейчас остаюсь самим собой. Нет чести прятаться, когда рядом погибает человек.

Флора потупилась, опустила взгляд, чтобы не выдать охватившее ее волнение.

Ее душа была в полном смятении.

– У вас, воинов, все всегда просто… – произнесла она, чтобы не молчать. – Есть друг, есть враг, остальное не так уж важно?

Иван не удивился такой трактовке его слов. Он часто слышал нечто подобное от людей, ни разу не бравших в руки оружие. Но она не похожа на простого обывателя. Странно, что их разговор внезапно свернул в русло зыбких понятий. Ведь у каждого своя правда, свой взгляд на мир, а психология и статистика отражают лишь общие закономерности, не затрагивая индивидуальных качеств отдельно взятого человека.

Но если вопрос задан, значит, ответ на него крайне важен, учитывая, что в данный момент происходит первый контакт между представительницей потерянной в эпоху Великого Исхода цивилизации и ним, отвечающим ни много ни мало за объединенную часть человечества.

Конечно, Иван не понимал многого. Исключительно важными для него казались иные вопросы, а состоявшаяся накануне схватка, оказавшая глобальное воздействие на его рассудок, требовала иной оценки.

– Ты все упрощаешь. Душа воина так же сложна, как и у других людей. Понятия «друг» и «враг» часто становятся размытыми. Бывает так, что среди друзей оказываются предатели, а среди врагов – негаданные союзники. Мир не делится на черное и белое, он соткан из полутонов. Может быть, я невольно нарушил правила твоего народа, но мне они неизвестны, а отсидеться в кустах было бы противно моей натуре.

Флора смотрела в укрощенный огонь, и язычки пламени отражались в ее зрачках.

Она чувствовала, что встретила человека, который своим поведением никак не вписывается в ее жизненный опыт.

Шодан не привыкла доверять людям. Простые отношения казались обманом, но что делать с ощущением уверенного тепла, исходящим от ее спасителя?

Он говорит то, что думает, ни больше и ни меньше. А я… Я боюсь поверить, что такое возможно…

Ее мир был другим. Он состоял из скуки затянувшегося сверх меры существования горстки людей, которые отчаянно страшатся одного – физической смерти. Никто из тех, кого Шодан могла бы назвать друзьями, не стал бы рисковать собственной жизнью из-за нее.

Она выросла среди скучных забав и постоянных интриг, призванных хоть как-то скрасить пресное существование, ее мир как будто заключили в шар из хрупкого стекла, куда ни пойди – вернешься обратно, или… разбей преграду, но тогда станешь изгоем, окажешься вне общества, как это произошло накануне, – один на один с миром, полным смертельных опасностей, где никто не протянет руку, не вырвет из лап смерти…

Шодан не верила в чудеса, но, видимо, зря.

Усталый, бледный, явно сбитый с толку, но все равно остающийся самим собой человек сидел напротив, их разделяли каких-то полметра, и так хотелось протянуть руку, прикоснуться к нему, ничего не произнося, просто подарить ему частицу своей вернувшейся жизненной силы…

А почему я не могу так поступить? Что мне мешает? Огонь? Предубеждения? Страх?

Иван удивленно поднял голову, когда она встала одним тягучим, плавным движением, затем обошла костер и села рядом, взяв его руку в свою.

– Не пугайся, – тихо попросила она. – Я хочу помочь тебе разобраться.

– В чем? – Таманцев не ожидал, что его собственный голос прозвучит сипло.

– Ты изменился, попав в наш мир. И разумом, и телом.

– Это опасно? – спросил Иван, чувствуя холод и легкую дрожь в ее пальцах.

– Уже нет… Раз ты сумел сохранить рассудок.

Он моментально вспомнил все, произошедшее с ним за истекшие сутки, и согласно кивнул.

– Кем я стал?

– Тенью. Я тоже Тень, но не измененная, а родившая такой.

– В чем разница?

– В личном восприятии перемен. Для меня они естественны, получены по наследству, ты же приобрел новые качества, как приобретали их колонисты, высадившиеся на Роке. Многие сошли с ума, не выдержав стремительных, практически необъяснимых мутаций. Выжила лишь малая часть.

– А остальные?

– Они превратились в диких, лишенных разума существ. Метаморфов, Теней, населяющих леса, потерявших способность мыслить как люди. Они стали зверьми.

– А их дети?

– Я в точности не знаю. Мы заперты в стенах города, и мало кто решается покинуть безопасные районы.

– Исследования не проводились?

– Никто не хочет умирать, даже ради крупицы истины.

– А ты? Почему ты оказалась тут?

– Срыв. Обыкновенный срыв, – призналась Флора, почему-то крепче сжимая его ладонь. – Мне так все наскучило, что я…

– Совершила ошибку?

– Да. Поддалась порыву, переоценила свои возможности, да и кто мог предполагать, что неизвестные, проникшие в город, встретят на дороге мигрирующих метаморфов и введут их в ярость, а сами сумеют ускользнуть?

– Извини, можно чуть подробнее? – Иван, и без того встревоженный, ощутил злое дыхание рока – название планеты точно совпадало сейчас с его ощущениями. Он вспомнил звуки стрельбы, запах таугермина, цепочки свежих воронок, порванные разрывами кроны деревьев и фрагменты плоти, разбросанные вокруг. – Техника твоего мира развивалась на протяжении истории колонизации?

– Нет, мы пользуемся теми машинами, что были на борту колониального транспорта.

– Ты говоришь, что в город вторглись чужаки? Их кто-нибудь видел?

– Нет, – призналась Флора. – Только последствия их действий.

– А что они совершили?

– Едва не убили одного из избранных, угнали находящуюся в разработке модель машины, способную не только передвигаться на колесах, но и летать… По моим предположениям, они хотели захватить кого-то из нас, но в машине иссякла энергия, и им пришлось уходить.

– И ты бросилась вслед?

– Да. Я объясню почему. – Черты Флоры внезапно стали бледнеть, истончаться, пока не исчезли, словно растворились в воздухе, только рука Ивана по-прежнему ощущала прикосновение ее ставших невидимыми пальцев.

Через несколько секунд лицо Флоры вновь проявилось, как будто материализовалось из воздуха.

– Теперь ты понимаешь, почему нас называют Тенями?

– Да.

– Мимикрия кожных покровов – одно из свойств, приобретенных моими предками в результате мутаций, полученных после высадки на эту планету. Те, кто побывал в городе, также оставались невидимыми. Подозрение могло пасть на мой сатт, и я ринулась в погоню, чтобы добыть доказательства обратного.

– Флора, скажи, а меня ты не подозреваешь?

Она вздрогнула, потом нашла в себе силы улыбнуться краешком губ.

– Нет.

– Почему?

– Невидимость – лишь одна из способностей Теней. Нас считают детьми природы, потому что мы можем распознавать жизненные энергии, способны отдавать часть собственных жизненных сил, чтобы излечить другого человека, и еще мы умеем читать ауру, окружающую живое существо, чувствовать не мысли, но намерения, как бы выразиться яснее…

– Чувствуете психоэмоциональный фон?

– Да, – кивнула Флора. – Если бы ты побывал в городе, то не сумел бы скрыть от меня свою враждебность, ведь те, за кем я гналась, оставили четкий след убийц, которым чужды понятия жалости, для которых жизнь человека – ничто. Ты – как будто их противоположность.

– Несмотря на то что я убивал? Буквально несколько часов назад?

– Ты защищал меня и защищался сам. – Флора подняла голову и

пристально посмотрела ему в глаза. – Мы знакомы едва ли час, а мне кажется, будто я знаю тебя целую вечность. – Она вдруг вздохнула. – Тебе будет трудно в городе. Придется учиться скрывать свои мысли.

– Зачем?

– Эмгланы умеют читать мысли других людей.

– Телепаты? Среди вас есть телепаты?!

– Мне незнакомо названное тобой слово. Мы называем эмгланами тех, кто в результате мутаций получил способность читать мысли других людей, конечно, если они не скрыты специально тренируемым усилием воли.

Таманцев был ошеломлен той информацией, что обрушилась на него за период их недолгой беседы.

Почему Флора так откровенна с ним?

– Ты не выдаешь мне тайн, не пожалеешь потом о сказанном? – осторожно осведомился он.

– Нет. Ты и сам все увидишь, почувствуешь, когда окажешься в городе. В моих словах нет секретов.

Иван задумался. Он ощущал Флору, двойственность восприятия все еще настораживала его, но после пережитого в момент схватки с метаморфами стресса восприятие жизненной энергии сидящей рядом женщины казалось приятным, успокаивающим, хотя в исходящих от нее эманациях проскальзывали нотки холода, как будто она вспоминала что-то неприятное, едва ли не омерзительное. Но как он мог поручиться за истинность своего нового мироощущения, когда опыта – чуть, а явление, с которым он столкнулся, не просто незаурядно, оно выходило за рамки его знаний и представлений о возможностях человеческого рассудка.

Таманцева словно разрывало на части: он пытался прислушаться к себе, вбирал ощущения, исходящие от Флоры, и одновременно не мог отбросить мысли о таинственных лазутчиках, проникших, по ее словам, в город.

Все признаки указывали на современную экипировку неведомых бойцов. В совпадения Таманцев не верил, раз уж тут, впервые за полтора тысячелетия изоляции колонии, появились люди, экипированные по стандарту современных десантных подразделений, значит, они пришли по его следу.

Кто это? Пилоты ганианских истребителей, бросившиеся на перехват? Сомнительно… Не те нервы, чтобы погружаться в гипесрферу вслед за «Фантомом», совершающим явный слепой рывок.

Однако иных объяснений в голову не приходило.

Таманцев чувствовал – одним происшествием дело не окончится. Интуиция редко подводила галакткапитана, но сейчас вокруг каждого факта собиралось столько «если», что делать однозначные выводы он бы не взялся.

– Флора, скажи, а раньше появления чужих людей случались?

– Людей – нет. – Она прекрасно поняла, что подразумевает вопрос Ивана. – Были случаи, когда из леса приходили изменившиеся – потомки тех колонистов, что потеряли рассудок, превратившись в подобие зверей.

– Дети, сумевшие развиться самостоятельно, осознать себя?

– Приблизительно так, – кивнула Флора. – Они не умели разговаривать, но демонстрировали признаки интеллекта. К сожалению, я не могу рассказать тебе большего – мне было всего лет сорок, когда такое произошло в последний раз. Смутно помню то время.

Иван с нескрываемым интересом взглянул на нее.

– Извини, женщин не принято спрашивать о возрасте, но ты не оговорилась сейчас? Может, тебе было года четыре?

– Нет, не оговорилась. – Флора отреагировала спокойно. – Появление детей в колонии – большая редкость. Я одна из последних, родившихся тут, на Роке.

– И сколько тебе лет?

– Триста два года. – Она улыбнулась, просто и тепло, без кокетства. – Я понимаю, что могу показаться тебе наивной девчонкой… – Флора осеклась, заметив выражение лица Таманцева. – Подожди, я что-то не понимаю. Почему тебя шокировал мой возраст?

Иван попал в непростую ситуацию.

Что ответить? Сказать правду? Но как отреагирует она, если триста лет, в представлении обитателей Рока, – еще не зрелость?

Нет, врать не буду. В конце концов она должна понять, что долголетие жителей Рока, по-видимому, вызвано таинственными мутациями, а на остальных мирах Обитаемой Галактики срок жизни человека совершенно другой.

– Иван, что тебя так поразило в моих словах? – настойчиво переспросила Флора.

– Мне сейчас тридцать семь лет, – ответил Таманцев.

Она побледнела, потом ее щеки почему-то залил румянец.

– Ты ребенок?!

– Нет. По меркам своего мира, я взрослый мужчина. Или тебе никто не говорил, сколько лет жили наши предки на планете Земля?

– Нет. Я никогда не спрашивала об этом…

– Сто – сто пятьдесят лет. Сейчас срок жизни в развитых мирах постепенно поднимается до двухсотлетней планки. Но названная мной цифра – уже глубокая старость.

– Не понимаю… – Лицо Флоры отражало растерянность. – Что такое старость?

Иван заставил себя успокоиться, подкинул веток в почти погасший костер и произнес:

– Сейчас попробую объяснить.

* * *

Они разговаривали почти до утра.

Только с бледными сумерками наступающего рассвета Флора, обессиленная борьбой с полученными травмами, уснула, доверчиво прижавшись к Ивану, тепло костра и тепло его души согревали ее, позволяя уснуть глубоко, безмятежно.

Таманцев сидел, прислонившись спиной к стволу поваленного дерева, смотрел на бледные краски занимающегося рассвета, но в его душе не было покоя. Если для Флоры его рассказ об иных мирах, населенных людьми, звучал как приятное, ошеломляющее откровение, то ее слова вызывали у Ивана иную реакцию: планетная цивилизация Рока, к которой теперь принадлежал и он, несла в себе угрозу остальному человечеству.

Трудно представить, что произойдет, если существующие тут мутагенные факторы распространятся на иные населенные миры.

Он еще не знал, как станет действовать, но уже чувствовал тяжкий груз ответственности, навалившийся на его плечи.

Многое казалось непонятным, почти фантастичным, взять, к примеру, Флору – она явно не относилась к легкомысленным натурам, но почему их взаимная приязнь проявилась с первых же минут, позволив сделать первый контакт доверительно-спокойным, несмотря на прозвучавшие острые откровения?

Он внимал своим чувствам, слушал ее ровное дыхание, еще не до конца осознав, что среди людей, населяющих Рок, существует особый, безошибочный критерий оценки – почти все они умели воспринимать ментальный настрой собеседника, и для Флоры встреча с Иваном стала не только спасением от гибели, но и настоящим чудом, которого не ждала ее душа.

Тот, кто хорошо знал Шодан, был бы сейчас удивлен, заметив легкую, едва уловимую улыбку, скользящую по ее губам, – она улыбалась во сне, – та самая холодная, желанная для многих, но презрительно недоступная

Флора, рано познавшая циничные развлечения, которыми жил город.

Она привыкла к холоду смертной скуки, к серости будней, к маскам, неумело скрывающим под собой истинную сущность окружающих, а тут… она впервые почувствовала настоящее человеческое тепло, открытое, щедрое, пусть суровое, но такое манящее, словно она вдруг стала мотыльком, но свет свечи не обжег ее, а согрел…

«Он Настоящий. Именно так, с большой буквы», – думала она, засыпая, чувствуя, что жива, и в ее жизни теперь многое изменится… к лучшему, как робко надеялась непреклонная Шодан.

* * *

Проснувшись, Флора несколько минут смотрела в лазурь полуденных небес, пока легкое беспокойство не закралось в душу: она ощущала Ивана, но как-то далеко, смутно…

Не хотелось возвращаться в реальность, терять ласковый свет небес, безмятежность пробуждения, но машинальные привычки мгновенно взяли свое, она рывком села, огляделась по сторонам и, только заметив Таманцева, облегченно вздохнула.

«Что со мной случилось?

Почему он вдруг стал так важен мне, так близок?» – Вопросы не на шутку встревожили обычно сдержанную, скрытную Шодан, не открывавшую свою душу кому попало и не имевшую привычки занимать значительное место в жизни других людей.

Буквально все вдруг пошло вразрез с жизненными принципами, которые вырабатывались десятилетиями под воздействием холодной эмосферы города, его жителей.

Флора не могла сказать, что вдруг, в одночасье, стала другой, но внутри, несомненно, что-то изменилось, словно ее настигла вторая волна мутации, но на сей раз не физической, а моральной.

Сутки назад она испытала ужас агонии, потом – неописуемое облегчение возвращения в мир, была потрясена и одновременно – очарована теплом, открытостью души своего спасителя.

Поводов к спонтанным изменениям внутреннего мира более чем достаточно, Шодан по жизни была импульсивной натурой, но все же не настолько, чтобы стать так остро зависимой от другого человека.

«А зависимость ли я ощущаю?»

Флора часто задавала себе прямые вопросы и старалась максимально честно отвечать на них, но на этот раз остереглась с выводами.

Ее влекло к Ивану, влекло сильно, страстно, до холодка в груди, до

чувства легкого испуга, замешательства, какого-то сладкого помутнения рассудка.

Нужно взять себя в руки.

Холодный голос разума шел вразрез с порывами души, но все же она прислушалась к совету рассудка.

Сейчас они одни среди враждебного пространства, но вскоре вновь будет город с его особенным воздействием, где нужно подойти близко, встать почти вплотную, чтобы ощутить настоящую, не смешанную ни с чем ауру души другого человека. Не потеряются ли ее порывы в мешанине холодных, чуть настороженных, похожих на скучную затянувшуюся игру человеческих взаимоотношений, не пожалеет ли она, если сейчас, поддавшись мгновению, совершит глупость?

Смятение.

– Иван! – позвала Флора, поднимаясь с мягкой подстилки мха.

Он обернулся, отпуская трос, перекинутый через плечо.

Ее «Шорх», помятый и неузнаваемый, остановился вместе с ним.

– Что ты делаешь?

– Доброе утро, вернее – добрый день, Флора. – Он отряхнул ладони, ступая с дороги на поляну. – Не хотел оставлять тебя одну надолго. Вот решил притащить машину сюда.

– Тяжело ведь…

– Нормально. – Он сел рядом. – Завтракать будешь?

– Пока не хочу. Зачем ты притащил мою машину?

– Лучше плохо ехать, чем хорошо идти. До города, насколько я понимаю, километров сто, не меньше?

– Около того.

– Пешком далековато. Я, честно говоря, уже нагулялся. – Он улыбнулся, обращая фразу в шутку. – Прошли сутки, но за тобой никто не приехал. Почему?

– Считают, что я погибла, – сухо ответила Флора. – Никому не интересно рисковать своей жизнью, чтобы взглянуть на мой труп.

– Странное у вас общество. Ну, ладно. Я подтащил машину поближе, чтобы не возиться с двигателем вдалеке от тебя, – пояснил Иван.

– Беспокоился за меня? – Глаза Флоры блеснули влажно и непонятно.

– Конечно. Ты ведь спала.

– А если бы нет? – Фраза сорвалась с губ сама по себе. Флора тут же пожалела о ней, но поздно…

Теперь, затаив дыхание, слушая глухие, непривычные удары своего сердца, она ждала, что он скажет в ответ.

Как наивны, злы, жестоки бывают иззябшие души, страшась открыться навстречу теплу, не веря, что на свете бывает так: лучистый полдень, смятение мыслей, и дистанция всего в один шаг, который вдруг превращается в шаг над бездной, и шаткий мостик через нее, кажется, должен быть перекинут с другой стороны…

– Я бы в любом случае притащил машину сюда, – ответил Иван, на миг поймав ее взгляд, задержав его, снова непроизвольно окутав Флору вуалью из уверенного, открытого и непритворного тепла своих мыслей. – Там не на что смотреть, – он кивнул в сторону, где произошла схватка.

– Я не боюсь мертвых, – с непонятным самой себе вызовом в голосе произнесла Шодан.

– Верю, – охотно согласился Иван. – Но все равно смотреть там не на что. К тому же ты могла испугаться, подумав, что я исчез. Расстояние приличное.

– И ты тащил машину сюда, только чтобы не испугать меня?

– Да. Я же сказал – не хотел оставлять тебя одну. Да и мне спокойнее, легче на душе, когда чувствую, что ты рядом, – он произнес эти слова обыденным тоном, но для Флоры они прозвучали обжигающе…

Она потупилась, потом встряхнула головой и, посмотрев в глаза Ивану, вдруг бодрым голосом произнесла:

– Ты всерьез рассчитываешь подчинить машину? Я могу помочь?

– Не думаю, что тебе стоит пачкаться. – Иван заметил, что с Флорой происходит что-то странное, она как будто потерялась среди недопонятых им ощущений, исходящая от нее жизненная сила пульсировала, словно бы в такт неровным ударам сердца. Он посмотрел на нее внимательно, другим взглядом, не как на представительницу иной планетной цивилизации, а как на женщину… и его сердце так же дрогнуло.

Таманцев был чужд любым играм. Его взрастила не та эмоциональная среда, которая позволила бы лгать даже в мыслях. Он прошел через сотни суровых испытаний, где любая ложь, любая наигранность в отношениях в минуты критической опасности могли обернуться гибелью…

Взгляд Флоры затягивал, словно омут.

Иван вдруг подумал, что за тридцать с лишним лет, кроме периодов кадетской влюбленности, у него не нашлось времени на настоящую любовь…

«Но уместны ли сейчас подобные мысли?

Он на иной планете, где все чуждо, и неизвестно, как обернется жизнь буквально через несколько минут, есть ли… впрочем, Фрайг побери, а кто и когда отнял у меня право быть мужчиной, смотреть на женщину не как на

боевого товарища?..»

Теперь смятение поселилось и в его душе, но, в отличие от Флоры, Таманцев знал верное средство борьбы против неопределенности чувств.

Если не в состоянии разобраться в себе, сделай паузу, займись делом.

Шодан, словно угадав его мысли, сказала:

– Боюсь, ты зря тащил сюда машину. Ее не починить. Посмотри, двигательный отсек весь в дырах.

Иван оценил ее тактичную, ненавязчивую помощь.

– Сейчас посмотрим, – ответил он, поднимая искореженную крышку моторного отсека. – Водородный двигатель имеет мощную механическую защиту. Если не смогу запустить основную установку, есть ведь и альтернативная тяга. Ты давно проверяла состояние аварийных аккумуляторов?

Флора пожала плечами.

– Техническим обслуживанием у нас занимаются сервы.

Иван довольно кивнул.

– Тогда порядок. Они ребята дотошные, мелочей не упускают.

– А что за альтернативная тяга? – поинтересовалась Флора, заглядывая через его плечо в двигательный отсек.

Большинство проводов порвано, защитные кожухи исковерканы чудовищной силы ударами, на них, вокруг рваных дыр, запеклась кровь метаморфов.

– Скверно… – произнес Иван, осмотрев повреждения. – Пробита система охлаждения, водородный двигатель запускать опасно. – Он выпрямился, невольно ощутив прикосновение пряди ее волос к своей щеке.

Флора вопросительно посмотрела на него.

– Ты знакома с устройством механизмов? – спросил Таманцев, осматривая колеса. По счастью, метаморфы, искалечив кузов, не пробили ни одной покрышки.

– Только в оружии, – призналась Флора.

– Тогда слушай, попробую объяснить. – Иван приподнял машину специальным встроенным приспособлением и, сняв колесо, указал на открывшееся под ним устройство. – Это элемент электропривода. Диск колеса является его частью. Когда подается энергия, под воздействием электромагнитного поля колесо начинает вращаться. Обычно питание идет от водородного двигателя, но в любой машине предусмотрен аварийный запас энергии для каждого привода-колеса, он расположен вот тут. – Таманцев снял защитный кожух, продемонстрировав накопитель энергии. – Видишь зеленую искру индикатора?

Флора кивнула.

– Он заряжен. Нам остается только правильно соединить разорванную проводку в двигательном отсеке, и сможем двигаться.

– Откуда у тебя такие знания? – искренне удивилась Флора. – Неужели в Обитаемых Мирах не пользуются услугами технических сервов?

– Пользуются, конечно, – ответил Иван. – Но офицеры военно-космических сил проходят специальную подготовку. Нас учили не только воевать, но и полностью разбираться в различных видах техники, знать устройство машин, уметь устранять неполадки в полевых условиях.

– Наши воины не умеют ремонтировать даже собственное оружие.

– А кто занимается ремонтом? Только сервы?

– Нет, не только. Есть среди сатта избранных группа техников, они всегда находились на особом привилегированном положении. Оран, из-за которого все началось, как раз относится к их числу.

– Уважаемые люди?

– Уважаемые и порой незаменимые, – подтвердила Флора. – Но они никогда не делятся своими тайнами.

– Хорошо, что сказала. – Иван выпрямился, переходя на другую сторону машины. – Буду иметь в виду. Думаю, им не понравится, если я стану раскрывать технические секреты кому попало.

– Ты проницательный, – усмехнулась Флора. – Только среди обитателей города едва ли найдутся желающие поучиться у тебя.

– Почему?

– Всех и так все устраивает. Никто не любит перемен.

– А ты? Почему пошла в оперативники?

Флора задумалась на секунду, а потом ответила:

– Устала от однообразия. Наверное, это единственная причина. Приходит время, когда начинаешь терять вкус к жизни, понимать, что просто существуешь, без определенной цели, непонятно, зачем и почему. Многие в таком возрасте кончают самоубийством.

Иван, осматривавший механизм привода последнего, четвертого колеса, выпрямился.

– Какой смысл сводить счеты с жизнью? – Он огляделся вокруг и добавил: – Посмотри, какие просторы. Да, они опасны, но чем бесцельно существовать или накладывать на себя руки, почему не заняться их освоением?

– Не позволят сатты. Существуют определенные правила. Планета живет сама по себе, люди сами по себе. Между нами – Рубеж.

– Странные правила. Не знаешь, почему они возникли?

– Нас слишком мало, чтобы осваивать лежащие вне Рубежа просторы. Да и ни к чему – места в городе хватает всем, даже с избытком. Те, кому не по нраву монотонность существования, идут в сатт воинов или добровольно становятся оперативниками.

– А в чем различие между оперативником и воином?

– Оперативник, прежде всего, защищает интересы своего сатта, – пояснила Флора. – У воинов нет таких градаций. Они служат городу в целом.

– Как я понимаю, раньше между саттами возникали конфликты?

– Да. Но я родилась позже. О тех временах никто не любит вспоминать, так же как о периоде высадки на планету.

– Ясно… – Иван поставил на место последнее колесо, затем еще минут десять колдовал над разорванной ударами метаморфов проводкой и наконец объявил: – Все, Флора, можем ехать, если ты готова.

* * *

Город был виден издалека.

Темная стена Рубежа не мешала восприятию исполинского мегаполиса – вырезанные в толще скал террасы царили над укреплениями, спускаясь к ним пологими площадками обширных, утопающих в настоящей *земной* зелени уровней.

Путь от места схватки с метаморфами до передовых укреплений занял около двух часов. Это время Иван и Флора, несмотря на сложность пути, провели в беседе, они, не сговариваясь, использовали каждый шанс, каждую минуту, чтобы лучше узнать друг друга, словно понимали, что вот сейчас, через несколько километров, завершится очень важный отрезок жизни, и город примет их в свои чертоги, оказывая влияние, стесняя чувства и мысли…

Конечно, все обстояло не так плохо.

По мнению Флоры, но не Ивана.

– Где мне придется остановиться? – спросил он, когда стены Рубежа начали закрывать панораму врезанного в отвесные скалы мегаполиса. – Существует какая-то процедура проверки?

– Я избавлю тебя от проверок, – ответила Флора. – Ты не из диких, так что не волнуйся. Руководство саттов поймет, ведь наши старейшины сами когда-то прилетели из космоса и пережили изменение. А остановиться ты можешь у меня, хотя не сомневаюсь, тебе сразу выделят все необходимое: и дом, и сервов, и машину… – она произнесла эти слова с грустью.

– Пожалуй, я приму твое приглашение, – неожиданно для нее согласился Иван. – Мне бы не хотелось оставаться одному, пока я не освоюсь с местными обычаями и правилами.

Сердце Флоры сжалось.

– Мой дом… – Она чувствовала, что ей не хватает дыхания. – Он очень большой. Тебе понравится в нем…

– Спасибо, Флора, – сдержанно ответил Иван, наблюдая, как приближаются, растут в размерах массивные двустворчатые ворота, резко отличающиеся от гладкой полированной фактуры камня стен. – И все же, чего мне следует ожидать? – спросил он, заметив, что подле ворот, укрепленные на стенах, на приближающуюся машину смотрят древние видеосенсоры.

– Я поручусь за тебя. Не волнуйся, – ответила Шодан, хотя чувствовалось, что ее волнение даже сильнее, чем у Таманцева.

До ворот оставалось метров двадцать, когда они с гулкой, надрывной вибрацией механизмов начали открываться.

– Ого… Похоже, нас встречает весь гарнизон, – произнесла Флора.

Действительно, на обширной площадке меж двумя каменными стенами собралось множество народа: кто-то был вооружен, кто-то, напротив, полуодет – видимо, весть о приближении искалеченной, но способной передвигаться машины облетела сатт воинов за считаные минуты.

Иван внимательно наблюдал за реакцией встречающих. Для него первые впечатления имели исключительную важность – по ним можно будет судить о сообществе воинов, защищающих город от вторжения со стороны диких территорий.

Нравы в гарнизоне, похоже, царили непринужденные. Едва машина миновала ворота, как ее тут же окружила толпа людей, кто-то приветствовал Флору, иные больше внимания уделяли машине и ее впечатляющим повреждениям, третьи, рассмотрев Ивана, невольно отступали на несколько шагов, запоздало вспоминая об оружии.

Таманцев, улучив момент, склонился к Флоре и спросил:

– Может, пора выходить? На меня уже косятся.

– Да. Останови машину. И не суди их строго: за последние полвека никто не покидал пределов города. Да и меня они уже не думали увидеть живой.

– Тебя здесь знают?

– В городе все всех знают. Я состояла в сатте воинов, но недолго.

Иван остановил покалеченный «Шорх», когда волна удивления,

недоумения, радости и настороженности достигла своего пика.

Флора первой открыла помятую дверцу, вышла, отыскала взглядом окруженного группой бойцов главу сатта, внимательно следящего за ее действиями, и направилась к нему. Воины расступались перед Шодан, отпуская приветственные и восхищенные реплики – повреждения машины немо свидетельствовали о чудовищной схватке с дикими метаморфами, и возвращение Флоры многим казалось настоящим чудом.

– Привет, Лаймел. – Флора остановилась в двух шагах от главы сатта воинов.

– Здравствуй, Шодан. – Он вел себя сдержанно и настороженно. – Рад твоему возвращению. – От Флоры не укрылся тот факт, что бойцы личной охраны Лаймела держат на прицеле ее машину. – Кого ты привезла?

– Этот человек спас мне жизнь. Он новорожденная Тень.

– Странные слова я слышу. Откуда в диких землях взяться человеку?

– Лаймел, прошу, не нужно. Я все проверила.

– Что ты проверила?

– Его слова. Ты знаешь способности Теней. Он говорил мне только правду.

– Так откуда он?

– Из космоса.

– С Земли? – Брови Лаймела удивленно приподнялись.

– Можно считать и так, хотя это не совсем верно. – Флора нахмурилась, подбирая наиболее емкие формулировки: – За века люди расселились по многим звездным системам. Он воин. Воевал в космосе. Его корабль потерпел аварию в районе нашего мира. Иван – так зовут пилота – совершил вынужденную посадку.

– И?

– Он видел город при снижении и шел к нему. По дороге у него закончился ресурс индивидуальных средств защиты, пришлось дышать воздухом нашей планеты. Он побывал у источников жизни, а изменение настигло его на Поляне Отчаянья, у остова колониального транспорта. Он пережил изменение, став Тенью, а когда пришел в себя, то продолжал двигаться к городу, следуя по Пути Обреченных.

– Как вы встретились? Как он себя вел? – Лаймел знал, что Флора не лжет, он также являлся Тенью и понимал, о каких способностях идет речь, к тому же стоявший по правую руку от него эмглан не подавал признаков беспокойства – Шодан не пыталась ничего скрыть.

– Ты знаешь: я преследовала неизвестных, покушавшихся на Орана, чтобы отмести всякие подозрения от сатта Теней. Километрах в ста

двадцати от города попала в засаду: стая диких метаморфов, собравшихся вместе для продолжения рода, оказалась потревожена теми, кто побывал в городе. Иван лучше пояснит тебе природу неизвестных, я же скажу, что случилось со мной. Метаморфы окружили машину, пригвоздили ее к дороге, я выбралась через выбитое стекло, но не смогла остановить их натиск. Я уже прощалась с жизнью, когда появился Иван. Он убил двенадцать метаморфов и спас меня.

– Двенадцать метаморфов?! – Лаймел даже не пытался скрыть своего изумления. – Флора, ты…

– Я видела их трупы. Ровно двенадцать. Мне не удалось уничтожить ни одной твари, ты знаешь, что мое оружие было заряжено патронами с парализующим составом.

– Флора, я верю тебе, но… слишком фантастично все звучит. Когда случаются нападения на Рубеж, один дикий метаморф может забрать жизни десятка воинов, если прорвется за первую стену. Ты же говоришь о двенадцати тварях, погибших от руки новорожденной Тени.

– Он воин. В душе и в разуме.

Глава сатта повернулся к эмглану.

– Что скажешь?

– У меня нет причин ставить под сомнения слова Флоры. Можешь удивляться сколько угодно, командир, но Шодан говорит правду. И этот воин действительно из другого мира. Он не закрывает свой разум, и я вижу образы, которые не смог бы придумать ни один человек.

Лаймел вновь повернулся к Шодан.

– Поздравляю тебя, Флора, с чудесным спасением. Не знаю, добрые или дурные вести ты принесла, но твой спутник заслуживает уважения. Сатт воинов отдаст свой голос за новорожденную Тень, если дело дойдет до Совета. А пока – обычная процедура. Затем я почту за честь принять вас у себя.

– Спасибо, Лаймел. Но извини, мы устали. Перенесем официальный визит на завтра?

– Хорошо. – Он повысил голос: – Воины, расступитесь!

Мгновенно образовался живой коридор. Ворота уже закрыли, и теперь Лаймел шел по гулкому, отдающему эхом пространству, между двумя каменными стенами, направляясь к покалеченной машине. За ним следовала Флора, замыкали процессию воины личной охраны Лаймела во главе с эмгланом.

Иван сообразил, что переговоры окончены и ему пора действовать самому.

Покинув машину, он спокойно ждал, когда рослый воин, с которым только что беседовала Флора, подойдет к нему.

– Приветствую тебя, странник! – Лаймел сделал знак рукой, показывая, что не нужно отвечать немедленно. – Меня зовут Лаймел, я возглавляю сатт воинов, защищающих Рубеж и город. Флора рассказала мне о своем чудесном спасении. Многие из нас сходились в схватках с дикими метаморфами, но совершенное тобой стоит выше моего личного опыта и понимания.

– Было сложно, но выполнимо. – Таманцев не знал, нужно ли протягивать руку для приветствия, потому просто представился: – Меня зовут Иван. Если у вас принято добавлять фамилию – Иван Таманцев. Что касается метаморфов – мне помогли знания и опыт, полученные в иных мирах.

Со стороны процедура выглядела несколько натянуто, может быть, даже немного высокопарно, но оба воина понимали – нужно соблюсти хотя бы минимальные формальности, тем более что появление нового человека в городе – событие неординарное.

– Твои знания и опыт пригодились бы нам.

– Я поделюсь ими, – ответил Иван.

Лаймел кивнул. Судя по всему, он остался доволен первым впечатлением от знакомства.

– Я передал Флоре свое приглашение. Сейчас тебе предстоит пройти стандартную процедуру – имплантацию личного датчика. После этого ты автоматически становишься полноправным жителем нашего города, если Совет саттов не опротестует мое решение.

* * *

Необходимость имплантации личного датчика не очень понравилась Ивану.

Пока они шли по длинным тоннелям, проложенным в толще стен Рубежа, он, улучив момент, спросил у Флоры:

– Зачем нужен тотальный контроль за жителями города? И кто получает информацию обо всех перемещениях граждан?

– Информация общедоступна, – успокоила его Флора. – Имплантация датчика не признак тотального контроля, а скорее страховка от различных соблазнов. Не забывай – Тени обладают способностью к невидимости, метаморфы вообще принимают ту форму, что им заблагорассудится. А личные датчики служат ограничителем для некоторых любителей злых шуток.

– Хорошо, если так. – Иван решил, что протестовать против общепринятой процедуры неразумно, но все же не удержался, высказав свое сомнение относительно истинных целей имплантации. Хотя, сравнивая короткую процедуру «признания» нового члена общества с эмиграционными законами большинства колонизированных планет, он не мог не признать демократичность местных законов, или, если выражаться точнее, традиций.

Процедура имплантации оказалась недолгой и безболезненной – Ивану под кожу запястья правой руки при помощи специального медицинского «пистолета» ввели крошечный шарик, чем все и завершилось.

– У внутренних врат нас ждет исправная машина, – сообщила Флора. – Лаймел позаботился. – Она улыбнулась и добавила: – Добро пожаловать в город, Иван.

Часть вторая «Коготь»

Глава 4

Планета Рок

Усадьба Флоры располагалась на четырнадцатом уровне исполинского города.

В пути Таманцев не мог оторвать взгляд от окрестностей. Город блистал великолепием. В отличие от мегаполисов, виденных Иваном на иных мирах, здания Рока не превышали двух-трех этажей. Вокруг идеально ухоженных дорог, по которым двигались редкие автомобили, все утопало в зелени. Среди растений, высаженных на террасах огромного, уступчатого города, преобладали земные виды, кажущиеся Таманцеву незнакомыми из-за своей древности. Взгляд узнавал лишь несколько распространенных в галактике хвойных пород, остальные деревья и кустарники вызывали чувство новизны и в то же время – подсознательного восторга: он впервые видел растения, чьи семена, привезенные с прародины человечества много веков назад, дали полноценные всходы, сформировав уникальную, не ассимилированную биосферу города-парка.

Повсюду среди зелени прятались невысокие дома, каждый из которых смело можно было признать архитектурным шедевром. Народа на улицах практически не было, зато во множестве сновали сервы, занимающиеся всеми повседневными делами, необходимыми для поддержания города в надлежащем порядке.

– У вас есть заводы по производству машин?

– Да, – ответила Флора. – Они расположены глубоко под городом. Признаться честно, я никогда не бывала в зоне промышленных производств.

– А кто ими управляет? – продолжал интересоваться Иван.

– Официально – сатт избранных, – ответила Шодан, – но на самом деле внизу царство сервомеханизмов. Они сами заботятся о себе, разрабатывают необходимые для города виды техники, я не могу тебе сказать, насколько сильно влияние сатта избранных на современные процессы самоподдержания городских структур. Мне кажется, люди давно перепоручили все это машинам.

– Но говорить вслух об этом не принято?

– Да. Хотя какая разница? Главное, что горожане не испытывают неудобств. Сервы не вмешиваются в жизнь людей, мы не вмешиваемся в их деятельность, да и зачем?

Иван промолчал.

На самом деле рассуждения Флоры страдали однобоким взглядом на проблему самодостаточности мегаполиса. Кибернетические системы и подчиненные им сервомеханизмы держат, что называется, руку на пульсе целой цивилизации. Нельзя говорить, что они не вмешиваются в жизнь людей, и еще более опасно забывать о киберсистемах, предоставлять им полную свободу действий, предполагающую элемент постоянного саморазвития. Ведь машинам каждый день приходится сталкиваться с различными новыми задачами, и если эти задачи решаются без вмешательства человека, значит, система уже самоорганизована и находится в стадии накопления опыта, из которого в один прекрасный (или роковой) момент зародятся ростки машинного самосознания.

Пока Иван размышлял над новой информацией, Флора вывела машину на четырнадцатый уровень и, проехав около километра по главной улице, свернула в боковой проезд, упирающийся в ажурные, кованые металлические ворота, за которыми был виден парк и трехэтажное строение усадьбы.

– Вот мы и дома.

* * *

Пройдя по широкой, обсаженной с двух сторон кустами отцветающих роз аллее, они вошли в просторный холл, от которого к балюстраде второго этажа поднималась лестница с перилами, отделанными лепными узорами.

Неловкость возникла, как только они переступили порог.

Еще подъезжая к дому, Флора почувствовала, что Иван чем-то глубоко озабочен, да и она вдруг поняла, что не знает, как себя вести, о чем сейчас говорить: все приходящее на ум казалось фальшивым и незначительным.

Ситуацию разрядил Таманцев:

– Я бы сейчас принял душ и лег спать, – произнес он.

– Я покажу тебе комнату, – поспешно согласилась Флора, в воображении которой тут же поблек образ горящего камина и романтического ужина при свечах.

– Есть одна проблема.

– Какая? – Она остановилась, держась рукой за перила лестницы. – Говори, не стесняйся.

– Может быть, утром ты найдешь меня не совсем адекватным. – Таманцев решил не темнить, говорить правду.

– Почему? – На ее лбу образовалась едва заметная вертикальная складка.

– Мне нужно извлечь кое-какую информацию из собственного рассудка. Я не знаю, каким структурным изменениям подвергся мой мозг… Есть опасность, что обычный для меня процесс станет болезненным для психики. Подстрахуешь меня?

– Конечно. Если хочешь… я могу остаться с тобой, просто посидеть рядом.

– Нет, это лишнее. – Иван благодарно посмотрел на нее.

– Но почему так вдруг?

– Не вдруг, Флора. Процесс не зависит от моего желания. Я, насколько мог, сдерживал его, оттягивал наступление кризиса, но теперь уже не осталось повода для проволочек.

– Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь.

– Знаю. Но объяснять долго. Я все расскажу после, хорошо?

– Ладно. Расспрашивать не буду. Каких симптомов ты опасаешься?

– Временно может сбоить память. Я могу не реагировать на раздражители, как будто находясь в коме. Не пугайся, все пройдет.

– Ты точно уверен?

– Да. Нечто подобное со мной уже происходило.

– Я сделаю, как ты скажешь. Суток тебе хватит?

– Да, думаю, будет достаточно. А что должно произойти через сутки?

– Один раз в месяц собирается Совет саттов. Дата очередного собрания послезавтра.

– Мы должны там присутствовать?

– Обязательно.

– Я думаю, все будет в порядке. Главное – ты не пугайся.

– Я не из пугливых. – Флора попыталась улыбнуться, но почему-то не получилось. – Пойдем, а то стоим тут, на лестнице…

* * *

Приняв душ и переодевшись, Иван вернулся в отведенную ему комнату. Огромное окно выходило в сад, одна створка была приоткрыта, и через нее проникал аромат цветов и пение птиц.

На столе подле вазы с фруктами лежал мобильный коммуникатор и лист давно вышедшей из употребления в обитаемых мирах пластбумаги, на котором крупным, похожим на детский почерком было написано:

«Я рядом. Если что-то случится, просто постучи в стену».

Иван прочел записку, чувствуя, что уже понемногу начинает терять связь с реальностью.

Сев на кровать, он сжал пальцами виски.

Первые симптомы начавшегося поиска появились сразу после схватки с метаморфами, и это обстоятельство сильно настораживало Таманцева.

Дело в том, что до того, как стать пилотом аэрокосмического истребителя, он служил в спецподразделении Совета Безопасности Миров. Уровень его доступа к секретной информации равнялся двум единицам, что означало следующее: в память галакткапитана загружен изрядный объем секретной информации, но доступ к ней он мог получить только при наступлении определенных условий, к примеру, когда ему пришлось бы столкнуться с неким необъяснимым явлением, которое на самом деле известно людям, но строго засекречено из-за своей потенциальной опасности. Чтобы офицер военно-космических сил имел возможность принимать правильные решения, опираясь на достоверные данные, ему и имплантировались эти знания.

Все было хорошо до того момента, пока он не повстречал метаморфов.

Вид необычных существ сработал как инициатор процесса извлечения информации из глубинных слоев памяти, но Иван, зная, что поиск в имплантированных базах данных на какое-то время «выключит» его, насколько мог сдерживал нежелательное в тех условиях явление.

Теперь у него не осталось ни сил, ни причин поддерживать блокировку мнемонической программы.

И все же Таманцев не высказал Флоре и десятой части имеющихся опасений.

Он понимал, что вследствие изменения стал другим, и не мог прогнозировать, как его рассудок отреагирует на инициализацию секретных баз данных и вообще возможен ли в сложившихся условиях поиск в имплантированной памяти?

Симптомы не внушали оптимизма.

Холодная испарина покрыла тело, зрение начало двоиться, а у него под рукой не было стандартных препаратов, облегчающих и ускоряющих начавшийся процесс.

Сознание стало каким-то рыхлым, воспоминания о недавних событиях причудливо смешивались с памятью прошлых лет, перед мысленным взором мелькали панорамы миров, где он никогда не бывал, и наконец реальность окончательно истончилась, порвалась со звоном лопнувшей струны…

* * *

Флора не находила себе места.

Она и подумать не могла, к каким последствиям приведет ее порыв, желание отвести всякие подозрения от своего сатта.

В результате она едва не погибла, встретила Таманцева и влюбилась, как девчонка.

Теперь, вернувшись в город, оказавшись в привычной обстановке, она честно призналась себе в чувствах, которые испытывала к Ивану.

Подобное происходило с Флорой впервые. Все прежние увлечения, даже связанные с порывами юности, не шли ни в какое сравнение со страстью, вспыхнувшей в ее душе сейчас.

Почему он мягко, но настойчиво отстранил ее, отодвинул на неопределенное время сжигавшие Флору мечты?

Существовало два варианта ответа: либо он не испытывает к ней ответных чувств, либо с Иваном действительно происходит нечто, неподвластное ее пониманию.

Шодан предпочитала второй вариант. Любовь во многом эгоистична, а когда она обрушивается внезапно, вспыхивает, как лесной пожар, мелочи, на которые раньше не обратил бы внимания, внезапно приобретают исключительное значение.

Мягко подкрался вечер.

Флора лежала без сна, постель была смята, и в душе царило смятение.

Она специально отвела Ивану комнату рядом со своей спальней, ментальная аура любого живого существа имела свойство ослабевать пропорционально расстоянию (кроме случаев прямого телепатического контакта, но такими способностями обладали лишь эмгланы, Тени же воспринимали жизненную энергию и зашифрованную в ее эманациях информационную составляющую лишь на небольшом удалении от объекта их интереса), и теперь невольно прислушивалась к своему внутреннему восприятию.

Лучше бы она сдержалась, хотя неизвестно, чем бы тогда окончилась для Таманцева процедура чтения глубинных слоев памяти.

Флора не понимала процессов, происходящих с ним, она никогда специально не тренировала в себе способность воспринимать эмоции другого человека, не потому что считала это зазорным, среди жителей Рока эмоциональная аура была сродни выражению лица или интонации голоса в общении обычных людей, за одним преимуществом или недостатком – смотря как взглянуть – мимикой и речью можно управлять, чувства же в большинстве случаев не поддавались столь строгому контролю.

Шодан уставала от окружающего ее равнодушия, от налета циничности, что вырабатывался вследствие богатого жизненного опыта. В

последние время она постоянно жила в нервном ожидании, словно ее душа предчувствовала грядущие события.

…Иван думал о ней. Похоже, он вновь и вновь переживал схватку с метаморфами, будто эти существа имели для него исключительно важное значение.

Флора не смогла долго выдержать муку неизвестности. Огонь и лед сходились в ее душе, в глазах появилось едва ли не демоническое выражение, напряженность движений, когда она встала со смятой постели и подошла к окну, все более обретала угрозу близящегося срыва.

Она не могла думать ни о чем. В мыслях только Иван.

В отголосках его ауры, которые воспринимала Шодан, все явственнее прорывалась надсадная боль.

Подстрахуешь меня? – полыхнули в памяти его слова.

Она не выдержала, накинула легкий халат и решительно вышла в коридор.

Дверь его комнаты была не заперта.

Войдя, Флора включила ночник. Уже сгустились сумерки, терпкий воздух, напоенный ароматами отцветающих роз, казался ей сейчас тяжелым, удушливым.

Иван лежал на кровати бледный, с землистым оттенком кожи, он напрягся и вытянулся, будто все его мышцы свело судорогой, на лице резко обозначились скулы, ментальная аура стала жестче, явственнее. На фоне душевной боли, рожденной какими-то давними и неразличимыми для Флоры воспоминаниями, таял и вновь возникал ее образ, словно рассудок Таманцева цеплялся за него, как за единственную спасительную соломинку, пытаясь выбраться из водоворота принадлежащих не ему мыслей, остаться в связи с существующей реальностью.

Флора поняла одно – ему плохо. Так плохо, что последствия непонятного процесса мыслительной деятельности почти наверняка проявят себя сильнейшей моральной травмой.

Я не должна допустить этого… Но как?

Весь ее прошлый опыт сейчас не мог пригодиться. Применить стандартные приемы поддержания жизненных сил, как поступила она с эмгланом в момент ментальной травмы, полученной им при соприкосновении с мыслями находившегося в состоянии агонии Орана?

Мало.

Мало и неэффективно.

Флора чувствовала, что теряет драгоценные секунды.

Подчинись инстинктам. Сила Тени поможет тебе. Твоя любовь

поможет.

Она присела на край кровати, коснулась ладонью покрытого испариной лба Ивана, но только усугубила свое восприятие боли, исходящей от него.

Тогда Флора легла рядом, прижалась к нему и, выбросив из сознания все желания, мысли, оставила только один порыв – она представила его рассудок как свечу, которую в данный момент пытается задуть порывистый ветер призванных воспоминаний, и сама, находясь на грани реальности, отдала все силы, которые отыскались в ее душе, чтобы поддержать трепетный огонек его самосознания.

В конечном итоге и она начала терять связь с реальностью, лишь рефлекторно обнимала Ивана, теснее прижимаясь к нему, а освещающий ее сознание огонек свечи вдруг стал преображаться, превращаясь в бледную сферу голографического монитора.

* * *

Им обоим снился один и тот же странный, страшный и не совсем понятный, будто вырванный из контекста более объемного информационного массива сон-воспоминание…

…Три прожектора освещали грязно-зеленую листву, колоннады бурых стволов. Своеобразная прослойка между «верхним» и «нижним» лесом, в которой двигался автоматический разведывательный корабль, была полностью затенена кронами исполинских деревьев.

Пятиметровый серебристый диск АРК неторопливо огибал препятствия, пока не оказался на краю поляны.

Здесь было значительно светлее. Зеленый подлесок отсутствовал, а кроны деревьев стали широкими и плоскими, с непомерно длинными ветвями, которые образовывали жиденький заслон, словно растения протягивали друг другу ветви-руки, пытаясь прикрыть поляну от жгучих лучей звезды.

Где и когда происходило действие, оставалось совершенно непонятным…

…Разведчик тем временем облетел периметр прогалины и поплыл к ее центру, где среди опавшей листвы торчали, словно иссохшие скелеты, обломки стволов и ветвей, затем выдвинул в сторону скопления древесных останков датчики анализаторов, как вдруг…

…Экран взорвался стремительным движением. Что-то приподняло ковер мертвой листвы, взметнув его шелестящим смерчем. Через мгновенье листья опали вниз, обнажив скрывавшееся под ними жуткое образование.

Посреди поляны стоял десятиметровый столб живой плоти… Столб пульсировал, демонстрируя выпуклую анатомию лишенных кожи мышц, вздрагивающие нити кровеносных сосудов и желтые связки напряженных сухожилий…

Разведчик, продолжая съемку, отступил назад, на безопасное, по мнению его компьютера, расстояние.

Столб мгновенно отреагировал на это движение. Он странно изогнулся, на глазах сворачиваясь в шар, из которого стремительно вырос десяток многометровых щупалец. Каждое из них венчалось лишенной кожи мордой.

Из контрастного объема стереоэкрана смотрели десятки глаз, на мордах пульсировали вены, клыкастые, безгубые рты роняли тягучую пену…

Внезапно щупальца потекли назад – другое слово подобрать невозможно, – они не втягивались, не поджимались, их плоть перетекала в мышечную ткань тела, которое неожиданно начало менять свой цвет, наружный слой мышц костенел, на глазах трансформируясь в роговой панцирь, и вдруг… его прорезала трещина, и из нее опять показались голые мышцы. Они выбивались сквозь узкий разлом, оплетая по краям роговой щит, который слегка приподнялся на четырех мускулистых лапах. Прущие из чрева монстра мышцы громоздились одна на другую, закручиваясь в кольца, образуя бесформенную пульсирующую массу…

Однако данная метаморфоза уже пришла к финалу: змеящиеся кольца потеряли форму, растворялись в общей груде, меняя цвет и фактуру, пока посреди поляны не сформировался трехметровый голубой глаз в оправе из роговых пластин. Черный зрачок внезапно описал плавный полукруг и застыл, уставившись в объективы видеокамер разведчика.

В этот момент из-под глаза стремительно выросло толстое щупальце, заканчивающееся прямым двухметровым бивнем. Масштабная сетка видеокамер позволяла отлично оценить размеры нового образования, когда оно рванулось прямо на них.

Яркая вспышка, и экран погас.

В пустом объеме замельтешили помехи, мелькнул код включения резерва, и изображение возникло вновь, но уже немного в ином ракурсе, теперь съемку вел включившийся аппарат катастроф.

Чудовище застыло. Такую противоестественную картину не наблюдал, наверное, еще ни один человек… Иван и Флора, чьи мысли смешивались воедино, видели приподнятый на четырех лапах громадный глаз и десятиметровое щупальце, все в узлах напряженных мышц,

удерживающее полуторатонный бронированный диск АРК, насаженный на коготь, словно жук на булавку!..

Развязка не заставила себя ждать.

Черный вертикальный зрачок пришел в движение и уставился на серебристый диск разведчика, изучая добычу.

И вдруг поверхность глаза претерпела ряд странных изменений, словно по нему пробежала мгновенная рябь… Это было действительно страшно… Во взгляде жуткой, нечеловеческой твари появилось выражение крайнего удивления, затем испуга, и наконец – зрачок расширился от неподдельного ужаса, словно это невероятное порождение чуждой эволюции устрашилось содеянного!..

Коготь внезапно исчез, поверхность глаза моментально подернулась костяными пластинами, десятиметровая лапа втянулась под панцирь, и ксеноморф бросился прочь, круша на своем пути исполинские деревья…

Серебристый диск разведчика мягко упал на землю и исчез среди бурой листвы. Экран вспыхнул и погас. Запись закончилась, а вместе с ней истончился кошмарный сон…

* * *

Иван смутно помнил руки Флоры, обнимавшие его, пытавшиеся унять дрожь, снять губительное напряжение рассудка, помнил ее глаза, полные непонимания и тревоги, понимал: находясь рядом, отдавая своему вчерашнему спасителю жизненные силы, теперь уже она спасала ему если не жизнь, то разум.

…Когда он пришел в себя, Флоры рядом не оказалось.

Видения – неполные, обрывочные, не желающие складываться в логичную информационную картину, продолжали стыть осколками чужих воспоминаний.

Он с трудом встал, пошатываясь, дошел до двери ванной комнаты, открыл воду в душевой кабине.

Прохлада упругих, массажирующих тело струй воды принесла облегчение.

Потеряв ощущение времени, Таманцев не знал, какой сейчас день или час. Да и не важно… Главное, что жив, сохранил рассудок, но Флора… Где она?

Блуждать по незнакомому дому в поисках? Нет, не годится…

Коммуникатор. Он вспомнил о приборе мобильной связи, лежащем на столе.

Накинув халат, Иван вернулся в комнату, чувствуя, как понемногу

проходит дурнота, возвращаются силы. Коммуникатор действительно лежал на столе подле кровати, но воспользоваться им Иван не успел: открылась дверь, и вошла Флора, следом за ней показался андроид с подносом в руках.

Увидев, что Иван уже встал и даже принял душ, она едва не бросилась к нему, но что-то удержало ее от порывистых проявлений чувств.

Несмотря на смутную память о событиях ночи, едва не стоивших ему рассудка, Таманцев вдруг почувствовал, что растерялся. Возникла неловкая пауза, но он преодолел внезапную несвойственную ему нерешительность, сделал шаг к своей спасительнице, взял Флору за руки, взглянул в ее бездонные, тревожные глаза и тихо произнес:

– Спасибо, милая…

Последнее слово обдало Флору жаром, словно горячая волна окатила ее с ног до головы, почему-то заставило обоих смутиться, отвести взгляд, но ситуацию спас андроид, вежливо вклинившийся между ними, стремящийся во что бы то ни стало поставить поднос с фруктами и напитками на низкий столик, подле которого располагались два кресла.

– Извините, позвольте мне пройти… – Он быстро расставил бокалы, затем, завершив нехитрую сервировку, отступил на шаг, повернулся к Шодан и спросил: – Я могу быть свободен?

– Да, ступай. – Флора присела на краешек кресла. – Не забудь подать машину к девяти часам вечера.

– Будет исполнено. – Бытовой сервомеханизм удалился, неслышно прикрыв за собой двери.

– Ты уезжаешь? – спросил Иван, также сев в кресло.

– Мы уезжаем, – поправила его Флора. – Сегодня ежемесячный Совет саттов. Большой прием, будут почти все жители города.

– Прошли сутки? – Иван все еще был погружен в обрывочные воспоминания. – Как ты? – Он посмотрел на Флору.

– Уже нормально, – улыбнулась она, но за улыбкой и кажущейся беспечностью Иван увидел несколько едва приметных морщинок, разбегающихся от уголков ее глаз.

Сколько же ты отдала мне сил?

Хотелось встать, отбросить дурацкие условности, обнять ее…

Не вышло. Вопрос Флоры остановил его порыв:

– Что случилось ночью? Ты едва не погиб…

– Произошел сбой, – ответил Иван. – Информация, которую должен был получить мой рассудок, блокировалась. Видимо, мозг в результате изменения подвергся определенной перестройке – данные начали

поступать, но возник внутренний конфликт между передающими и принимающими нейросетями. Точнее сейчас объяснить не смогу, выяснить причину сбоя без специальной исследовательской аппаратуры невозможно. Нужно знать, каким структурным изменениям подвергся мой мозг.

– Я ненадолго уснула рядом с тобой, – призналась Флора, отщипнув веточку винограда от грозди. – Мне приснился очень необычный сон. Могу рассказать, если тебе поможет?

– Конечно, расскажи.

* * *

Рассказ Флоры кое-что прояснил для Ивана. Во-первых, он понял, что все же получал информацию, и его видения теперь начали обретать недостающую целостность – она видела то же самое, только более полно и подробно…

Во-вторых, Таманцев осознал, что между ним и Шодан существует ментальная связь, более глубокая, чем это обычно для Теней. Она возникла в момент наивысшего напряжения моральных сил и теперь вряд ли исчезнет.

В-третьих, он остро почувствовал, что должен любым мыслимым способом получить недостающую часть данных, не принятых Флорой и пропущенных его сознанием. Ситуация (по меркам галакткапитана) складывалась крайне тяжелая. Сейчас он еще не был готов делать окончательные выводы, но внутри уже засело чувство тревоги, ощущение незавершенности событий, словно кто-то намеренно выбил несколько звеньев логической цепи.

– Нам пора… – пальцы Флоры коснулись его руки, выводя Ивана из состояния глубокой задумчивости. – Машина уже у входа. Тебе нужно переодеться.

Иван кивнул.

– По дороге объяснишь правила поведения?

– Конечно. Хотя никто не ждет, что ты станешь с первого дня придерживаться наших условностей.

– Не люблю привлекать к себе чрезмерное внимание. – Таманцев говорил и одевался, а думал о своем.

Неслучайно он оказался тут.

Информация, паролем к открытию которой, несомненно, являлся образ метаморфа, пусть даже неполная, ясно указывала на иную планету, где существовали подобные формы жизни. Однако среди полученных данных не нашлось даже намека на присутствие Теней, Эмгланов или

Избранных. Да и метаморф, запечатленный «автоматом катастроф» АРК, отличался от обитающих на Роке, отличался настолько, словно был, по меньшей мере, их эволюционным предком, но Таманцев прекрасно понимал: подобная жизненная форма не может возникнуть в результате эволюции. Метаморфы – плод генной инженерии.

Кто-то создал их, так же как создал Теней и Эмгланов.

Главные вопросы сейчас: кто, когда и с какой целью разработал генетические модификаторы, способные (по опыту, полученному здесь, на Роке) воздействовать на уже взрослый, сформировавшийся организм, добавляя ему определенные способности?

Ответ придется искать тут.

Планета Рок. Здание Дворца Правосудия

Анфилада огромных залов блистала великолепием: повсюду царил свет, колонны, подпирающие своды, истекали пурпуром, потолки, куда проецировались постоянно меняющиеся, находящиеся в повествовательном движении голографические фигуры, почему-то отливали ядовитым оттенком зеленого, пространство наполнял объемный золотистый свет, то собирающийся в сгустки, то рассыпающийся искрами солнечных зайчиков.

Похоже, Иван оказался единственным, кого интересовала феерия спецэффектов, особенно фигуры людей, устало бредущих по дороге, и контуры машин, следовавших на уровне капителей бесчисленных колонн. Некоторое время он смотрел на картины, явно выхваченные из прошлого: усталые люди с изможденными лицами и лихорадочным блеском в глазах, медленно ползущие, выворачивающие гусеницами пласты мха вездеходы, вооруженные андроиды, тесно замыкающие колонну людей и машин в периметр подвижного оцепления…

Флора попросила его подождать и куда-то исчезла, как только они вошли во Дворец Правосудия. Иван, ожидая ее возвращения, рассматривал голографические проекции, потом, когда сюжет короткого фрагмента начал повторяться, перевел внимание на людей, что группами, парами или поодиночке появлялись со стороны главного входа и тут же, подхваченные водоворотами общего движения, сливались с массой незнакомых Таманцеву лиц.

Так часто происходит, когда человек попадает в абсолютно незнакомое ему окружение. Некоторое время взгляд не выделяет деталей и отдельных лиц, все кажется немного странным, немного чуждым и едва ли не однотипным.

Иван старался, но не мог выделить из общей массы собравшихся ни метаморфов, ни эмгланов, ни теней, – все казались нормальными людьми, старающимися подчеркнуть собственную индивидуальность – взгляд Таманцева не сумел отыскать двух одинаковых нарядов или похожих лиц, и в то же время не возникало ощущение пестроты, напротив, общее восприятие страдало непонятной монотонностью.

Иван еще не понимал, что его рассудок уделяет больше внимания и значения эмоциональному настрою собравшихся, чем их нарядам или лицам…

Его созерцательность нарушили легкое прикосновение к плечу и тихий голос, шепнувший почти на ухо, но как будто отдавшийся эхом под сводами залов:

– Милый, ты не соскучился?

Он обернулся. Флора тихо подошла сзади и теперь смотрела на него с иронично-выжидательной улыбкой, но что-то холодно сжалось в груди Ивана, подсказывая: *это не она…*

В следующий миг на лестнице, уводящей к идущим по периметру зала балконам, появилась еще одна Флора, она легко сбежала до середины широкого марша, на миг остановилась, нахмурившись, а затем строго, но не зло произнесла:

– Райбен, хватит придуриваться!

Метаморф поспешно отступил от Ивана, его черты и одежда (которая оказалась вовсе не одеждой, а генерацией кожных покровов) подернулись рябью, как это бывает при помехах в проекционном устройстве, и спустя миг подле Таманцева уже стоял элегантно одетый мужчина средних лет с острыми чертами лица и ироничной улыбкой на тонких, кажущихся бескровными губах.

– Шодан, ты, как обычно, все испортила.

– Не место и не время дурачиться, Райбен. – Флора коснулась руки Ивана. – Позволь представить тебе моего старого друга.

– Мы уже познакомились, – беззлобно отшутился метаморф.

* * *

Через минуту музыка стала глуше, шум голосов собравшихся также начал стихать, люди отступали к стенам, намеренно формируя широкий проход по центру.

– Иван, сейчас нам предстоит пройти к залу заседаний Совета, – шепнула Флора. – Веди себя естественно, ничего не бойся, я обо всем договорилась.

– Да я и не боюсь, – ответил Таманцев.

– Вот и хорошо. Это не более чем формальность. – Флора взяла его под руку.

Веди себя естественно…

Легко сказать…

Они шли через анфиладу залов, и Иваном все глубже овладевало чувство гнетущей тоски, словно он ощущал шепот, исходящий от окружающих, расступающихся перед ним и Флорой. Он, конечно, не читал их мысли в буквальном понимании, но воспринимал эмоциональный настрой каждого из присутствующих, – мнемонические эманации сотен собравшихся накладывались одна на другую, но разнообразия не наступало, лишь усиливался невнятный шум, окрашенный в тоскливые, равнодушные тона…

Ощущение не являлось фантомным. Таманцев уже имел возможность неоднократно убедиться, что новые способности рассудка – не бред больного сознания, а лишь еще одно проявление реальности, ранее недоступное, а теперь воспринимаемое остро, почти болезненно.

Он был уверен, что Флора давно научилась абстрагироваться от сотен накладывающихся, усиливающих взаимное воздействие аур, но для Ивана все происходящее являлось новым, важным, и тем сильнее становилось ощущение тоскливой пустоты…

Таяли блеск и великолепие архитектуры, гасли спецэффекты, на первый план сознания выдвигалось мнемоническое восприятие, и обострившиеся чувства, теряя связь с реальностью физических тел, взамен получали новое качество ощущений: машинально шагая вровень с Флорой, Таманцев начал воспринимать *оттенки* эмоционального настроя окружающих.

Ему стало страшно.

Иллюзии бились в рассудке, растворяя в миражах сознания стены строения. Теперь он видел огромное мелководное озеро с мутной водой, заключенное в кольцо неприступных скал. Над мутно-серой зеркальной гладью медленно поднималось кружево испарений, формируя фантомные очертания человеческих фигур, бредущих по колено в воде. Все они казались похожими, как близнецы или клоны, но туман, струящийся над зеркальными, неподвижными водами, объединял и выдавал различия: серые тона означали равнодушие, наступившее вследствие моральной усталости, потери смысла бренного существования, но, не позволяя серости затопить все сущее, поглотить с головой сотканные из испарений-мыслей фигуры, рябью пробегал страх. Они боялись потерять свое

гарантированное существование, боялись в большинстве неосознанно, на уровне инстинкта неприятия смерти, панического ужаса перед ней, и уж совсем мелкими на открывшемся фоне выглядели и воспринимались робкие, почти неотличимые от составляющей фигуры субстанции порывы сиюсекундных желаний, чаяний, истертых временем надежд…

Еще одна ловушка вечности, в которую попали души людей.[10] Им незачем и некуда рваться, в жизни нет иных проблем, кроме саднящей скуки, даже борьба за существование не играет роли и не имеет смысла, ведь за них все сделают машины, обеспечивающие людей максимумом удобств и не требующие ничего взамен.

Жуткое, стылое озеро…

В рассудке Таманцева творилось что-то неладное.

Он ощущал себя бредущим по колено в мелководье безвременья, но его рассудок, еще живущий критериями кипящей жизни множества Обитаемых Миров, вносил свои коррективы в тягостную иллюзию, сотканную помыслами сотен окружающих людей.

Зеркальная гладь озера внезапно всколыхнулась, искажая фантомные фигуры, из центра ударил мощный гейзер, поднявшийся до высоты окружающих скал, окропивший их вершины серой моросью, Иван мысленно ужаснулся происходящему, но не в его силах было остановить процесс внезапных, глобальных перемен: фигуры, захваченные бьющим ввысь гейзером, рвало в клочья, – подсознание Таманцева, постоянно ищущее ответ на многие вопросы, уже определило структуру грядущей вероятности, – замкнутый мир будет вторично открыт, но сила, грозящая взорвать зеркальную гладь забвения, все еще оставалась безликой, неопределенной, хотя и явно преследующей собственные цели, не обращающей никакого внимания на уносимые ввысь, разорванные фигуры…

…Возвращение походило на толчок, после которого иллюзии медленно и неохотно уступили место реальности, но за краткие мгновения погружения в грезы здесь что-то случилось.

Таманцев понял, что они с Флорой стоят неподвижно, а вокруг разрастается внезапно, необъяснимо вспыхнувшая паника, – сначала окончательно смолкли голоса, потом вдруг оборвалась, взвизгнув на полуноте, величественная мелодия, затем люди начали инстинктивно пятиться от Ивана, напирая друг на друга, а секундой позже, повторяя виртуальный взрыв, ударила тугая волна *настоящей паники*. Не отдавая себе отчета в совершаемых действиях, большинство присутствующих

бросились вон из залов, они сбивали друг друга с ног, стремясь к выходам, желая только одного – убежать как можно дальше от источника напугавших их мыслей.

– Иван, что ты делаешь?! Прекрати!

– Флора, давай уйдем, – хрипло выдохнул Таманцев. – Я не специально…

– Пойдем. Сюда. – Шодан проявила свойственное ей в критических ситуациях хладнокровие, увлекая Ивана к одному из запасных выходов, куда не ринулась толпа.

Оказавшись в небольшом пустующем помещении, они отдышались.

– Что произошло? – Таманцев считал, что внезапное помутнение рассудка касается только его лично, и никак не предполагал подобного резонанса.

– Ты Тень. Не забывай этого.

– Объясни толком, Флора. Ты ведь понимаешь, для меня многие явления – загадка.

– Сначала ты совершил бестактный поступок. У нас не принято обобщать восприятие жизненных аур, а уж тем более выплескивать свое личное восприятие на всеобщее обозрение. – Флора все же нашла в себе силы ободряюще улыбнуться, хотя ей сейчас приходилось нелегко. – Затем ты попросту взорвал мнемосферу собственными предчувствиями грядущего. Понимаешь? Ты показал сотням собравшихся, что видишь в недалеком будущем гибель многих из них!

– Нехорошо получилось… – согласился Иван. – Не люблю оправдываться, но я действительно не хотел. Все произошло спонтанно. Хотя произведенное впечатление теперь уже не изменишь…

– Я попробую все объяснить.

– Кому? Перепуганной толпе?

– Нет. Совету саттов.

– Флора, давай я сам отвечу за собственный поступок. В конце концов они ведь разумные люди и тоже когда-то проходили через обретение новых для себя способностей.

– Иван… – Флора вздохнула, нежно посмотрев на него. – Ты чужд условностям, формировавшимся на протяжении многих веков. Боюсь, твое появление вторично вызовет взрыв. Позволь, я переговорю с Советом сама.

Таманцев немного помедлил, потом кивнул.

– Хорошо, поступай, как считаешь правильным. Если честно, то вины я за собой не чувствую. Но все равно – я не хотел причинять зла кому бы то ни было.

– Понимаю. Подождешь меня тут?

– Конечно.

– Я постараюсь не задерживаться. – Флора коснулась губами его щеки. – Все будет хорошо.

Сомневаюсь… – мысленно ответил ей Иван, почувствовав, что она инстинктивно отстранилась.

– Ты что-то сказал мне?

– Подумал. Если сможешь, попробуй убедить Совет, что мои негативные предчувствия имеют под собой конкретную почву. Они – следствие обработки уже известной информации на подсознательном уровне.

– Чтобы Совет выслушал доводы, нужно их сформулировать и подтвердить фактами. Иначе они спишут все на твою «молодость» и богатое воображение. Так удобнее. Никому не нужна всеобщая паника.

– Конкретных фактов у меня пока нет, – с досадой констатировал Таманцев. – Их еще предстоит найти.

– Тогда позволь, я буду действовать сегодня по своему усмотрению, ладно?

Он кивнул, провожая Флору взглядом, пока она не исчезла за дверями, ведущими в злополучную анфиладу смежных залов.

* * *

Оставшись один, Иван осмотрелся, стараясь отбросить все дурные предчувствия. Небольшое помещение с удобной мягкой мебелью имело еще один выход, который, по всей видимости, вел из дворца.

Ему было душно.

Открыв дверь, он оказался во внутреннем дворике величественного здания. Уже давно наступила ночь, ветер покачивал единственный тусклый фонарь, освещавший небольшое пространство нездоровым желтоватым светом.

Видимо, здесь располагались хозяйственные пристройки. Спустившись по ступеням крыльца, Иван увидел мусорные баки, рядом – нечто напоминающее трансформаторную будку и закрытые на ночь створчатые ворота полуподвальных помещений.

В сумраке хозяйственного дворика, на фоне медленного танца угловатых теней, внезапно прозвучал хриплый, простуженный голос:

– А ну убирайся прочь!

Иван сначала подумал, что возглас адресован ему, но ошибся: в дальнем углу у мусорных баков раздались явственные звуки борьбы, а

затем на освещенное фонарем пространство с лязгом и тонким подвыванием работающих вхолостую сервомоторов вылетел технический механизм.

– Что, железка тупая, думаешь, у меня силы иссякли? – раздался из полумрака все тот же хрипловатый голос. – Сколько тебе говорить: тут я хозяин!

Серв подогнул суставчатые лапы-манипуляторы, ловко перевернулся, пользуясь сферической формой корпуса, приподнялся и молчаливо бросился назад.

Вновь до Ивана донеслись звуки борьбы, затем раздался глухой удар, и технический механизм вторично вылетел на освещенное пространство, на этот раз у него были сломаны два манипулятора из шести.

Вслед за ним из сумрака выступила человеческая фигура.

Впервые с момента появления в городе Таманцев видел старика. По крайней мере, так ему показалось вначале, из-за сгорбленной осанки, шаркающей походки и невнятного бормотания незнакомца, который подошел к серву и с чувством глубочайшего удовлетворения пнул механизм, сопроводив удар словами:

– В другой раз будешь знать, с кем связываешься.

Серв, не оборудованный синтезатором речи, воспринял пинок со стоическим молчанием.

– Что вы не поделили с механизмом, уважаемый? – обозначил Таманцев свое присутствие.

Старик резко обернулся. Его водянистые глаза обожгли Ивана неприветливым и одновременно изучающим взглядом.

Видимо, облик капитана вверг незнакомца в замешательство.

– На дройда не похож… – пробормотал старик. – Ты человек, что ли?

– А разве не видно? – миролюбиво осведомился Иван, хотя по поведению старика уже понял, что ожидать можно любой выходки.

– Не знаю я тебя. Откуда в городе взяться незнакомцу?

– Ну, допустим, из космоса. – Таманцев и тут не упускал возможности проверить, насколько полно население планеты сохранило знания.

– Врешь ты. Наверное, из диких? Хотя… – старик задумался, – откуда диким знать о космосе? – глубокомысленно изрек он, глядя на Ивана с растущим подозрением. – Что, неужели и вправду оттуда?

– Оттуда, – подтвердил Таманцев. Ему стало любопытно, почему старик так неряшливо одет, и с сервом он, похоже, дрался из-за содержимого мусорного бака. – А что, дедушка, с механизмом не поделили?

– Какой я тебе дедушка? – внезапно обиделся тот, сжимая кулаки. – Хочешь попробовать?

– Драться не буду, – предупредил Иван. – И вам не советую.

– А что так? Слабо?

– Нет, не слабо. Только зачем?

Старик опять задумался.

– Действительно… Делить мне с тобой нечего… Ладно, драться не будем. Только ты мне расскажи, как там?

– Где? – подыграл ему Таманцев.

– Ну, на Земле, конечно!.. Ты же сам сказал, что прилетел к нам из космоса. Ладно, давай выкладывай. – Глаза старика вспыхнули лихорадочным, нездоровым огнем. – Как там старушка Земля? Еще не загнулась от смога и глобального потепления? Четвертая мировая была? Я когда воевал в колониях Юпитера, все к тому шло.

– Хотите сказать, что помните Землю?! – вырвалось у Ивана.

– Ты мне не «выкай». Будь проще… – Старик закашлялся. – Конечно, помню. Как же забыть-то? Вышвырнули нас, как слепых котят, – лети туда, не знаю куда.

Таманцев несколько раз слышал от Флоры упоминания о «старожилах», но к подобному информационному удару готов не был.

Казалось, что старик врет. Полтора тысячелетия… Не может быть…

– Что ты так на меня уставился? Не веришь? Спроси у кого угодно. Тебе подтвердят. Нильс Хорхе – позор сатта избранных. А мне плевать, что они говорят, понял? Живу как хочу.

– А у кого служил? – спросил Таманцев, принимая предложенный тон общения.

– У Тиберия Надырова. Канониром на новом крейсере. «Тень Земли», может, слышал? Его только построили, и сразу на тебе – восстания на лунах Юпитера.

Иван кивнул, хотя ему становилось все больше не по себе. Нильс, похоже, не лгал, будь он колонистом в энном поколении – вряд ли помнил бы об адмирале Надырове, не говоря уж о локальных конфликтах внутри Солнечной системы и таких подробностях, как название флагманского крейсера третьего ударного флота Альянса…

Нужно будет спросить у Флоры, слышала ли она об адмирале Надырове?

Иван присел на ступеньку. Нильс, кряхтя, опустился рядом. От него пахло пищевыми отходами и давно не мытым телом.

Серв тем временем уковылял в темноту на четырех уцелевших

манипуляторах и теперь возился во мраке, видимо, запечатывал контейнер с мусором, готовя его к транспортировке.

– Нильс, а почему ты назвал себя позором сатта избранных?

– Кичливые они. Те, кто постарше, совсем одурели от долгой жизни, правила выдумывают всякие, этикеты дурацкие, а молодежь вообще – ни рук, ни головы, одно потребительство. Все за них сервы делают, разве что с ложечки не кормят. Никчемные поколения. Не хочу с ними даже разговаривать. Все в игрушки играют, интриги там разные между саттами, бывает, и руки на себя накладывают, а все от безделья и скуки беспросветной. А я наплевал на их условности. Живу, где хочу, думаю, как умею, ни к кому не лезу, но и к себе не подпускаю.

– Дом-то у тебя есть?

– А как же. И дом, и машина, и слуги-андроиды. Только я там редко бываю.

– Почему?

– Там меня легко застать. Приходят из сатта, стыдят за что-то. Меня стыдят, понимаешь? Они не вспоминают, кто вел их по Дороге Отчаянья, кто отбивался от сошедших с ума, превратившихся в метаморфов людей, пока нынешние правители города дрожали, сидя в вездеходах. А теперь как же – я позор сатта, а они – избранные. Тьфу…

Таманцев слегка побледнел. Внезапно открывшаяся ему информация требовала проверки, в глазах Нильса он видел лишь муть равнодушия, перемежающуюся вспышками гнева. Нормален ли старик – еще предстоит проверить.

В здании приглушенно хлопнула дверь, раздались негромкие голоса.

– Мне пора. – Таманцев встал. – Нильс, где тебя можно найти?

– А зачем? – с подозрением спросил Хорхе.

– Рассказываешь ты интересно. Да и я о Земле так ничего и не успел поведать.

– А я не знаю, где завтра окажусь. Город большой. Вот в коммуникаторе своем через поисковую систему набери «Хорхе», я тут один с такой фамилией. Созвонимся. Пойду и я, а то серв все контейнеры упакует, стервец.

Хорхе исчез в темноте, откуда донеслась его невнятная брань.

Иван, ошеломленный неожиданной встречей, поднялся по ступеням, открыл дверь и услышал резкие голоса разговаривавших на повышенных тонах Флоры и Дерека Келгана – главы сатта избранных.

Он не хотел подслушивать, но так вышло.

– Флора, разговор окончен. Я уже сказал – незачем было приводить с

собой ребенка!

– Дерек, он не ребенок. Взрослый мужчина.

– Ой ли? – насупился глава сатта. – Сколько же ему лет?

– Тридцать с небольшим. – Голос Шодан стал сухим, как порыв осеннего ветра. – Ты и все окружающие должны усвоить – мир, откуда он прилетел, существует в ином измерении времени человеческой жизни!

– Трудно представить. Тридцать лет – даже не юность. Младенчество.

– Знаешь, Дерек, я поняла, возраст зрелого человека не всегда измеряется веками.

– Ты заблуждаешься, Шодан. Уходи сама и уведи своего мальчишку. Я не хочу, чтобы из-за своей влюбленности и горячности он тут и дальше устраивал неприятности.

– Дерек, ты не прав. Мы, естественно, уйдем. Но за нанесенное оскорбление ты ответишь.

– Неужели? И кто же привлечет меня к ответу?

– Я, – в негромком голосе Флоры прозвучала леденящая ярость.

– Будешь драться за мальчишку? Со мной? Или со всеми сразу? Лучше остынь, пока не наделала глупостей. Ты для меня – привлекательная, сексапильная девочка, не больше. Сломаю одним движением пальца, ясно? А не угомонишься – сама знаешь, во благо города я могу принимать самые радикальные решения!..

– Говори прямо.

– Я прикажу убрать тебя, дорогая. Вместе с мальчишкой. Чтобы не возмущали спокойствия.

– Ты не посмеешь… – Флора осеклась, потому что внезапно увидела Ивана, появившегося на пороге.

Он не проронил ни слова, молча подошел к Дереку и резким движением схватил его за горло, заставив захрипеть и конвульсивно впиться ногтями в запястье «мальчишки».

– Еще что-нибудь можешь, *избранный?* Или только оскорблять женщин и угрожать? Может, попробуешь устранить нас сейчас?!

Ледяной тон Таманцева не оставлял сомнений – еще секунда, и он окончательно сожмет пальцы.

– Я… не… хотел…

От избранного разило ужасом. Его мнемоническая аура окутывала Ивана, как зловонный запах.

Первый порыв капитана был вполне понятен и оправдан, но Иван все же заставил себя мыслить здраво. Люди на Роке живут очень долго. Если Флоре триста лет, то по сравнению с ней он действительно ребенок.

Дереку повезло – у офицеров подразделений специального назначения, призванных действовать в условиях различных миров, где бытовали порой диаметрально противоположные системы этических ценностей, вырабатывались жесточайшие рамки самоконтроля.

Таманцев лишь слегка побледнел, на его лице не читалось ни ярости, ни удовлетворения.

– Я согласен подчинятся вашим законам, но до тех пор, пока они не противоречат моим понятиям о чести и справедливости. Могу публично извиниться за неконтролируемый мнемонический всплеск.

– Не… нужно… – прохрипел Дерек.

– В таком случае ты сейчас извинишься перед Флорой. И запомни, *избранный*, я не по своей воле оказался тут, но если уж так случилось, находиться в стороне от событий не стану. А они грядут. Если я сумел попасть на Рок, сумеют и другие. Подумай о недавнем происшествии. Ответь себе на вопрос: кто сумел дважды преодолеть Рубеж, не потревожив ни один из ваших датчиков? Большего не скажу, пока не позовешь сам. А теперь…

Он отпустил Дерека, с силой оттолкнув его к стене.

– Извини… Шодан… – хрипло выдавил тот под пристальным взглядом Таманцева и, пошатываясь, будто пьяный, скрылся за дверями.

Когда Флора повернулась к нему, Иван просто взял ее за руку и тихо произнес, не давая полыхавшей в ее глазах ярости ни единого шанса выплеснуться необдуманным действием:

– Я все слышал. Просто давай уйдем отсюда.

Грудь Флоры тяжело вздымалась от сбившегося дыхания.

– Ты… Ты мог его убить!..

– Да. Но ведь я остановился. – В глазах Таманцева также блеснула ярость. – Нас учили – у каждого народа своя мудрость, и нужно уметь проявлять терпение. Я достаточно выслушал о себе, не порываясь вмешаться.

– Тогда зачем? Зачем ты схватил его за горло?

– Не «зачем», а «почему».

– Почему? – упрямо переспросила Флора; она еще не отошла от только что пережитого шока.

– Ненавижу, когда при мне оскорбляют женщин. А за тех, кто мне дорог, могу и убить.

У Флоры внезапно перехватило дыхание.

– Ты?..

Несколько секунд они, встретившись взглядами, смотрели в глаза друг

другу.

Как легко…

Рок все-таки удивительный мир, где зачастую не нужно тратить слов…

Их пальцы сплелись, души наконец соприкоснулись, захлебываясь долго сдерживаемыми чувствами…

* * *

Проходит ночь.

Наступает бледный рассвет, и в его лучах, словно утренний ветерок, затихает порыв страсти.

Флора спит. Ее дыхание ровное, едва слышное, в нем безмятежность…

Иван встал, подошел к окну, испытывая подсознательное смешение чувств: он смотрел на город, простирающийся вокруг, нисходящий исполинскими уступами утопающих в зелени уровней к стенам Рубежа, отделяющим человеческий мегаполис от иных пространств материка, и вместе с мыслями о Флоре, о личном, еще не до конца осознанном изменении приходили и другие, острые, как бритва, откровения.

Основание города, *вырезанное* из монолита горных пород, как и стены Рубежа, создано не людьми, – у колонистов, появившихся на Роке в эпоху Великого Исхода, не было ни техники, ни технологий, чтобы изменить формы горного хребта в соответствии с архитектурным замыслом.

Планета таила загадку, покрытую мраком времен. Отрешиться от вопросов, возникающих при взгляде на поистине циклопические сооружения, капитан Таманцев не мог. Разговаривая с Флорой, он чувствовал: для поколений, родившихся тут, окружающее уже не несет вопиющей загадки, оно всего лишь привычная данность, но как поступать ему – человеку со свежим взглядом?

Ладно бы только город и Рубеж, – думал Иван, наблюдая, как солнечные лучи, вырвавшись из-за ломаной линии близкого горизонта, озарили сиянием умытую утренней росой зелень.

Ранним утром мысли кристально чисты.

Бессмертие. Во что оно превращает душу? Сегодня ночью он увидел лишь маленькую частицу жизни города, услышал и отчасти *почувствовал* людей с тысячелетним опытом.

Где же их мудрость? Где чувства, выкованные веками? Или подлец и трус останется таковым, сколько жизни ему ни отмерь?

Надменность одних, добровольное одиночество других, интриги,

страх, липкий страх при любом изменении привычного окружения – ужас перед физической смертью, нежелание понимать и принимать что-то новое.

Нет, они не все такие, как Келган.

Ровное дыхание Флоры… Она ворвалась в его жизнь, как вихрь, как яркий теплый луч утреннего света, настойчиво побуждающий к жизни.

Статус Тени совсем не подходит ей.

Я отдам за тебя жизнь, милая… Но, ради света Элио, зачем нужны такие жертвы?

Чувство, вспыхнувшее, как пламя, было взаимным. Иван не хотел думать, что сейчас оно – страсть. Неодолимое, помрачающее рассудок влечение друг к другу, желание быть рядом, несмотря ни на что.

Флора проснулась. Ее дыхание стало более частым.

Он вернулся к постели, коснулся губами ее щеки, заставив открыть глаза.

– Не притворяйся. Ты не спишь.

Она сладко потянулась, ответила на поцелуй и спросила:

– Давно встал?

– Нет. Может, с полчаса назад.

Флора снова закрыла глаза.

– Как хорошо и спокойно… Мне это не снится?

– Нет. – Губы Ивана тронула улыбка, душа ловила мгновения внезапно пришедшего счастья, хотя рассудок и тут пытался вмешаться, внести свою лепту далеко не радужных мыслей.

– Ты встревожен.

– Да.

Флора вздохнула.

– Зачем только наступает утро? Дела, проблемы…

– Жизнь, – ответил Иван и тут же спросил: – А что у тебя за дела?

– Нужно встретиться с Генри Оланом.

– Кто он?

– Глава сатта Теней.

– Речь пойдет обо мне?

– Сейчас все в городе говорят о тебе. Вернее, о нас. Олан звонил вечером, оставил сообщение.

– И что ему нужно?

– Хочет выяснить подробности моего спасения. Оказывается, он посылал специальную группу к месту схватки.

– Зачем?

– Не поверил, что тебе удалось уничтожить метаморфов. – Флоре

была неприятна тема разговора, истончалось, исчезало ощущение безмятежности, но она, как и Иван, не могла проигнорировать реальность. Действительно наступило утро, а вместе с ним вернулись неотложные дела. – Ты обещал… – Флора перевернулась на живот, – обещал подробно объяснить, как тебе удалось справиться с метаморфами.

– Это так важно сейчас? – Иван присел на край кровати.

– Важно. – Флора на секунду нахмурилась. – Генри звонил мне не просто так. Видимо, Келган что-то задумал.

– Метаморфы подчиняются ему? Он сможет использовать их в роли убийц? – Иван мгновенно вспомнил прозвучавшие накануне вечером угрозы.

– Некоторых сможет, – неохотно признала Флора. – Мне даже думать не хочется, что он способен на такую… подлость.

Иван промолчал. У него как раз создалось противоположное впечатление.

– Любой человек из числа Теней способен ощущать биоэнергетическую ауру живого существа? – спросил он.

– Конечно. Я даже знаю, что ты сейчас хмурился в мыслях, – ответила Флора.

– Может быть, – согласился Иван, подумав, что ему вольно или невольно придется научиться контролировать внутренние эмоции, хотя бы в присутствии посторонних. – В таком случае мои способности, – продолжил он, – основаны на иной, нежели привычно Теням, интерпретации картины, которую предлагает внутреннее зрение. Ты должна четко уяснить – кроме Рока, существует необъятная Вселенная, в Галактике множество обитаемых систем, где живут люди и иные разумные расы, там жил и я, пока прихоть гиперсферы не привела мой истребитель на орбиты Рока.

– Я понимаю. Но каким образом обилие заселенных миров связано с десятком уничтоженных тобой метаморфов?

– Дело в ином способе осмысления получаемых данных. По сравнению с реальностью Рока, жизнь в Обитаемой Галактике кипит, ситуации меняются ежеминутно. Я был офицером специального подразделения. Кроме способности хорошо стрелять, у меня есть и другие навыки. В Обитаемой Галактике сотни планет, множество кибернетических систем, тысячи космических кораблей, бесчисленное количество различной планетарной техники. У нас есть приборы, при помощи которых пилот или солдат может видеть энергию, выделяемую машиной.

– Приборы? – удивилась Флора.

– Да, не врожденная способность, а специальное приспособление, целый комплекс с датчиками, сенсорами и прочим. Конструкция не важна, главное – суть применения. Я многие годы имел дело с картами распределения энергий, учился безошибочно распознавать по сигнатурам тип противостоящего мне механизма и его уязвимые места. Когда произошла схватка на дороге, я еще до конца не осознавал, что вижу мир иначе, чем раньше. Восприятие жизненной энергии метаморфа машинально воспринималось мной как сигнатура, полученная от сканеров экипировки.

– И что?

– Я увидел карту распределения жизненных энергий. Проще говоря – сигнатуры метаморфов. В бою – я имею в виду космические бои – пилоту отпущены лишь секунды на осмысление ситуации и принятие решения. В критических ситуациях мой рассудок мобилизуется. Остальное ты поймешь легко. Наиболее ярко на общем фоне жизненной ауры выделялась энергия нервной системы метаморфа. Навыки стрельбы у меня отличные. Как бы ни менялись эти существа, мне был виден их мозг, я машинально читал жизненную энергию, словно карту сигнатур, и бил в самое уязвимое место.

Флора некоторое время молчала, осмысливая услышанное.

– Хочешь кофе? – спросила она, нарушая воцарившуюся тишину.

– Не откажусь.

– Сейчас сварю. – Она встала.

– Погоди, а бытовые дройды? – попытался удержать ее Иван.

– Я сама. Утренний ритуал. – Она улыбнулась. – Я быстро, – добавила Флора, накинув на плечи халат.

* * *

Утро за окном наступило яркое, солнечное.

Флора готовила кофе, ее будто подменили, исчезла сумеречная загадочность, истаяли льдинки усталости во взгляде, легкая улыбка скользила по губам. Она думала об Иване, невольно сравнивая его даже не с конкретными мужчинами, что когда-то присутствовали в ее жизни, а с городом, его жителями…

Он был другим. Настолько другим, не похожим ни на кого, что начинала кружиться голова от его уверенной, открытой и мощной жизненной энергии, внезапно наполнившей дом, словно озарившей привычные помещения, изменившей их до неузнаваемости.

В мыслях Флоры сейчас царил милый хаос влюбленности.

Она пугалась собственных чувств, их необычной глубины, внезапности, свежести и в то же время боялась утратить даже малую частицу этих ощущений.

Сейчас не хотелось даже вспоминать три столетия, прожитые будто в иной реальности, она воспринимала свою душу как новорожденную, полную внезапного света…

…Вернувшись в спальню, она застала Ивана стоящим у окна. Он успел одеться и теперь снова смотрел вдаль.

Поставив поднос, Флора подошла к Ивану, обняла его, прикоснувшись губами к щеке.

– Куда ты смотришь?

– Любуюсь городом.

– Тебе нравится? – Она тоже окинула взглядом привычные, утопающие в зелени террасы уровней, четкую планировку дорог, домики, кажущиеся игрушечными с такой высоты.

– Зрелище потрясающее, – ответил он. – Даже не нахожу, с чем можно было бы сравнить его. – Иван протянул руку, открыл окно, впустив в комнату свежий, напоенный запахами рассвета воздух.

Они сели у окна за низкий столик.

Легкая тень промелькнула на лице Таманцева. Он нахмурился на секунду, но Флора чутко уловила мимолетное изменение в его настроении.

– Тебя что-то тяготит? – спросила она, разливая по чашкам ароматный напиток.

– Не тяготит. Волнует, – ответил Иван.

– Поделишься? – Флора сделала глоток, удивляясь, как волшебно может изменяться реальность: даже вкус напитка, который, казалось, давно приелся, стал другим, словно в городе вдруг появился новый сорт кофе.

– Раз уж у нас с тобой начался разговор о ночных событиях, ты могла бы помочь мне разобраться?

– В чем именно?

– В своих ощущениях. Они субъективны. К тому же неполнота информации может завести меня в тупик ложных рассуждений. Давай пока забудем о произошедшем. Расскажи мне о городе, о жителях, так, словно преподаешь мне урок истории и современной жизни Рока.

Флора задумалась.

– У нас не принято говорить на подобные темы, – внезапно призналась она.

– Запрет? – удивился Иван.

– Не запрет, но считается дурным тоном ворошить прошлое. Да и

немногие помнят его. Я принадлежу к последнему поколению, рожденному на Роке. Школ как таковых у нас нет, воспитанием детей занимались родители…

– Извини, а почему ты говоришь в прошедшем времени?

– Потому, что последний ребенок в городе появился около трехсот лет назад.

– Если я правильно понимаю, люди не стареют, но постепенно у них исчезает возможность иметь детей?

Флора кивнула.

– Большинство живущих в городе опасается перемен. Мы застыли в развитии, новшества обычно не одобряются, поскольку могут привести к серьезным потрясениям. Раньше сатты соперничали между собой, но постепенно даже такая борьба стихла, наступило равновесие, которое каждый страшится нарушить.

Флора немного помолчала, собираясь с мыслями, а затем, сделав глоток кофе, продолжила:

– Я родилась в сатте Теней. Все способности, которыми я обладаю, получены по наследству, но так было не всегда. Мои предки появились в системе Рока на борту колониального транспорта «Надежда». Насколько я знаю, посадка прошла успешно, но спустя некоторое время после того, как машины стали пробуждать людей, начались странные события. Поселенцы без видимых причин вдруг заболевали, хотя, как мне рассказывали немногие из очевидцев, вся техника работала нормально, обеспечивая стерилизацию зоны посадки.

– Я был на том месте, – произнес Иван.

– Мы называем пустошь в лесу «Поляной Ужаса».

– Почему?

– Люди сходили с ума. Сначала наступало беспамятство, иногда оно длилось по нескольку дней, затем те, кто сумел побороть болезнь, приходили в себя, но уже изменившимися, понимаешь?

– Изменения были разные или одинаковые?

– Разные. Я объясню чуть позже, когда перейду к рассказу о саттах.

– Я больше не буду перебивать.

Флора слабо улыбнулась.

– Собственно, я знаю не так уж много. На тему высадки старожилы говорят особенно неохотно. Там произошла трагедия, машины, которые отвечали за стерилизацию зоны посадки, перестали воспринимать изменившихся как своих хозяев. Они попытались их уничтожить, следуя заданным программам, но в результате столкновения люди, перенесшие

болезнь и сохранившие рассудок после наступивших изменений, одержали верх. Они частью истребили, а частью отключили взбунтовавшиеся машины, но без поддержки механизмов стало невозможным строительство первичного поселения.

Флора вздохнула, продолжая рассказ:

– На борту космического корабля происходило пробуждение новых и новых партий колонистов, а вместе с ними активировались и машины в технических боксах. Процесс не сумели вовремя остановить, и в результате опять возникли столкновения, к тому же большинство людей не смогло принять происходящие в их организме изменения, они теряли рассудок, разбредались кто куда, вступали в яростные, но бессмысленные схватки друг с другом.

В конце концов в зоне посадки осталась только четвертая часть из общего числа прилетевших на космическом корабле. Практически вся техника была либо уничтожена, либо отключена, люди не знали, как жить дальше, ведь они понимали, какие страшные перемены произошли с ними. Однако нашелся один человек – Сатт Валторн, который сумел убедить остальных, что еще не все потеряно. Он одним из первых подвергся воздействию биосферы Рока – так мои предки назвали планету. Сатт, в отличие от других, не был погружен в период полета в состояние низкотемпературного сна, кажется, он являлся командиром корабля и при посадке видел некие постройки, расположенные в предгорьях. Он предложил выжившим собрать технику, которую можно было перепрограммировать, и, загрузив вездеходы, покинуть место посадки, чтобы основать поселение в другом месте.

Готовясь к эвакуации, колонисты обнаружили древнюю дорогу, которая вела в направлении виденных Саттом Валторном построек.

Переход оказался долгим, трудным и трагичным. Те люди, что не смогли принять произошедших с ними изменений, несколько раз нападали на колонну, к тому же в лесах обитали другие жизненные формы, настроенные не менее агрессивно по отношению к пришельцам. В итоге до защитной стены, которую мы теперь называем Рубежом, добрались немногие.

– Получается, что и город, и Рубеж созданы не людьми? – спросил Иван, проверяя свои предположения.

– Города в то время не существовало, – ответила Флора. – Выжившие колонисты обнаружили две стены Рубежа и расположенные за ними вырезанные в скалах исполинские террасы. Никаких признаков присутствия на планете разумных существ найти не удалось.

– А как образовались сатты? В чем различие между ними?

– Различия заключаются в полученных людьми изменениях. Существует пять саттов – избранные, воины, тени, метаморфы и эмгланы, хотя изменений всего три: тени получили возможность к мимикрии и восприятию энергетики живых существ, метаморфы могут видоизменять структуру своего тела, эмгланы обрели способность к телепатии. Сатт избранных образован людьми, которые не получили видимых изменений, но живут так же долго, как измененные, оставаясь молодыми. Сатт воинов – смешанный, в него входят и тени, и метаморфы, и эмгланы, и избранные. Основной критерий отбора в сатт воинов – нежелание его сторонников жить размеренной городской жизнью. Они – натуры ищущие, беспокойные, охрана Рубежа, можно сказать, – их единственная отдушина.

Иван слушал рассказ Флоры, пытаясь представить картины далекого прошлого.

– Флора, – спросил он, – скажи, а кто-то пытался разобраться, найти обоснование случившемуся?

– Зачем?

– Я задаю не праздные вопросы. – Таманцев встал, подошел к окну, посмотрел на залитый солнечными лучами город. – В моем мире люди редко умирают от смерти насильственной. Срок жизни на самых благополучных мирах колеблется от ста пятидесяти до двухсот лет. Дольше не выдерживает организм. Он изнашивается, понимаешь?

– Как механизмы у сервов? – нашла наиболее понятное ей сравнение Флора.

– Да. Но те самые старожилы, о которых ты упоминала, помнят Землю, помнят, что были смертными. Потому я и спрашиваю: неужели за все время существования колонии никто не задался закономерным вопросом, не проводил серьезных исследований, не искал причин произошедших изменений?

– Я не слышала ни о чем подобном.

– Странно.

– Иван… – Она тоже встала, подошла к нему, и спросила: – Нам с тобой обязательно обсуждать такие темы?

– Тебе они неприятны?

– Не знаю, – честно призналась Флора. – Но разговор держит меня в напряжении. Не могу объяснить почему.

– Ты самая красивая, милая и непредсказуемая женщина, какую я встречал.

– Льстишь?

– Даже не думаю. Твое настроение, как погода на Данасии – есть такая планета. Там все изменчиво, минуту назад сияло солнце, и вдруг ливень… – Он улыбнулся.

– Наверное, твой мир тоже показался бы мне странным, – по-своему расценила его слова Флора. – И у меня тоже появилась бы куча разных вопросов… Иван, а твои слова, сказанные ночью Келгану… Ты всерьез полагаешь, что город ждут потрясения, связанные с повторной колонизацией Рока?

Иван кивнул.

– До того как мне стали известны некоторые подробности покушения на Орана, я считал, что мое появление на Роке – случайность, – ответил он. – Но все сказанное тобой заставляет задуматься: не преследовали ли меня? Или, что тоже вероятно, не являлось ли мое бегство спровоцированной и тонко просчитанной акцией? Мне сложно объяснить тебе теорию гиперсферы, скажу лишь, что мой истребитель двигался вдоль линии напряженности, которая считалась искаженной, оборванной, ведущей в никуда, говоря проще – в пустоту межзвездного пространства.

– Ты полагаешь, что тебя могли использовать для проведения опасного эксперимента?

– Я не исключаю такой возможности. Слишком много странных совпадений. Допустить подобный вариант можно лишь при одном условии – кто-то в Обитаемой Галактике знает о Роке гораздо больше, чем я или ты – коренная жительница планеты. Вслед за мной мог двигаться другой корабль. В таком случае в городе побывала разведывательная группа, обладающая современной экипировкой боевых подразделений.

Флора, слушая Ивана, непроизвольно покусывала губы. Она волновалась и не могла скрыть своего состояния.

– Ты предполагаешь, кто именно мог последовать за тобой?

– Нет. Разброс вероятностей слишком велик. Сам факт существования в реальности Рока хорошо сохранившихся древних сооружений говорит о том, что планета однажды уже подвергалась колонизации.

– Но не людьми? – уточнила Шодан.

Иван кивнул.

– За полтора тысячелетия звездной экспансии человечество столкнулось с четырьмя расами древнего космоса. Любая из них могла оставить следы в виде подготовленных площадок для возведения города и Рубежа, отделяющего его от остальных территорий планеты.[11]

– Мне кажется, ты что-то не договариваешь, – проницательно

заметила Флора.

– Метаморфы, – ответил Иван. – Наш общий сон – не более чем информация, имплантированная в мою память. Люди уже встречались с подобной формой жизни. Но где и когда? Данные явно неполные…

– Может быть, речь шла о Роке?

– Нет. Ты сама могла видеть – во сне присутствовали существа намного крупнее и опаснее метаморфов Рока. К тому же не было никакого намека на существование теней или эмгланов. Да и растительность иная. Нет, речь в закодированном послании шла о другой планете.

– Иван, ты разбиваешь вдребезги мое представление о мире… – тихо произнесла Флора. Она выглядела подавленной, но не испуганной.

– Все не так плохо, как тебе кажется, – постарался смягчить ситуацию Таманцев. – Я более чем уверен, если за мной кто-то последовал, то флот и Конфедерация тут ни при чем. Меня не стали бы использовать вслепую – это раз, во-вторых, слишком сложный и, я бы сказал, зыбкий, ненадежный способ разведки опасной гиперсферной трассы. На подобный шаг могла пойти небольшая группировка, например черные археологи с Окраины, раскопавшие какие-то неизвестные ранее сведения, оставшиеся в наследство от древних рас, или исследователь-одиночка, действующий на свой страх и риск, но имеющий связи в кланах Ганио или просто заплативший ганианцам деньги.

– Чем все обернется для нашей цивилизации?

– Пока затрудняюсь даже предположить, – признался Иван. – Любая экспедиция, гражданская или военная, обречена на провал. Опасность скорее грозит Обитаемой Галактике. Если произойдет экспорт жизненных форм Рока на иные миры, последствия будут тяжелейшими. Повторится трагедия, которую пережили твои предки, но в иных масштабах.

– И что нам делать?

– Пока – ничего. Ближайшие несколько дней покажут, насколько справедливы мои опасения. Если тут побывала разведгруппа и гиперсферные координаты Рока стали достоянием некой третьей силы, последует попытка повторной высадки на планету.

– Узнаем ли мы об этом? – с тревогой высказала свои сомнения Флора.

– Обязательно. Но мне необходимо наладить конструктивный контакт с кем-то из сатта избранных.

– Зачем?

– Чтобы собрать из имеющихся кибернетических компонентов необходимое следящее оборудование.

– Иван, это практически невозможно.

– Почему?

– Ты убедил и даже испугал меня. Но сатт избранных потребует прямых, неопровержимых доказательств существующей угрозы. Они не отдадут в твои руки ни одного кибернетического механизма, не позволят ничего конструировать. Тебе еще предстоит понять психологию саттов. Сейчас просто поверь мне на слово.

– Я тебе верю. Но бездействовать сложа руки тоже не дело, верно?

– Не вижу выхода.

– Давай поищем его вместе.

– Хорошо. А если ты ошибаешься и никто к нам не прилетит?

– Тогда я останусь тут и, надеюсь, буду счастлив. – Иван протянул руки, сжав дрожащие пальцы Флоры. – Так или иначе – все будет хорошо. Я тебе обещаю.

– Ты прав, – вздохнув от недобрых предчувствий, ответила Флора. – Сидеть сложа руки нельзя. Но что мы можем предпринять?

– Подумай, есть ли у тебя настоящие друзья среди саттов? Те, кому можно довериться?

– Сначала скажи, что необходимо получить или узнать?

– Нужна полная информация о периоде высадки колонистов на планету. О проводимых исследованиях, картографии материка, обнаруженных постройках типа Рубежа.

– Хорошо. Я попробую раздобыть нужные сведения. – Флора украдкой посмотрела на часы. – А сейчас мне придется покинуть тебя. Ненадолго.

Глава 5

Планета Рок. Четырнадцатый уровень мегаполиса…

Флора уехала.

Оставшись один, Таманцев, продолжая размышлять над вероятными вариантами развития ситуации, взял коммуникатор, отыскал через систему поиска номер Хорхе и вызвал его.

Ответили сразу.

– Да? – раздался уже знакомый голос. – Кому я еще понадобился?

– Нильс, это Иван. Помнишь, мы разговаривали ночью?

– А… помню, конечно.

– Есть пара вопросов. Ответишь?

– Ну, попробуй, может, и отвечу…

– Ты был свидетелем ночной сцены?

– С Келганом, что ли? Знаешь, парень, зря ты его не придушил.

– Он мстительный? На что он может пойти?

– На все. Вплоть до убийства. У Келгана давно крыша съехала от безраздельной власти.

– Ты уверен, Нильс?

– Более чем. Если позвонил, чтобы получить совет, то слушай – уходи на Рубеж, пока не поздно. Там тебя будет трудно достать. Да и девочку они оставят в покое.

Иван не сразу нашелся, что ответить на столь откровенное предупреждение.

– Спасибо… Я подумаю…

В коммуникаторе внезапно раздался сигнал отбоя.

Флора вернулась взбешенной.

Иван, еще не до конца освоившийся с новыми возможностями рассудка, ощутил ее приближение как некую тугую волну, давящую на разум с каждой минутой все сильнее, потом он увидел машину, стремительно въезжающую в едва успевшие раскрыться ворота.

Визг тормозов слился с ощущением ментального давления, грозящего обернуться взрывом.

Шодан стремительно вошла в дом, увидела Ивана и как-то вдруг обмякла – не успокоилась, но сдержала яростный порыв.

– Что случилось? – Несмотря на оглушающую новизну неприятных ощущений, Иван подошел к ней, взял за руки. Ее пальцы показались ему

ледяными.

– Я говорила с Оланом. – Дыхание Флоры выдавало едва сдерживаемую ярость. – Он отказался принять тебя в сатт Теней. Сказал, чтобы ты уходил на Рубеж. Мол, Лаймел принял его, пусть и отвечает за последствия, представляешь?!

– Во-первых, успокойся. – Иван заставил Флору сесть в кресло. Второй раз за последние четверть часа ему предлагали уйти на Рубеж. Сначала совет, теперь прямое, недвусмысленное указание. А может, Олан действовал в интересах Флоры? Ведь он хорошо знает Келгана.

– А что во-вторых, Иван? – На щеках Флоры еще пылали пунцовые пятна, но ее ярость стала глуше, на фоне эмоционального всплеска появилось даже ощущение некоторой растерянности.

– Во-вторых, я воин. Был и остаюсь им. И, в-третьих, мне самому нужно побывать на Рубеже, осмотреться там, может, даже провести некоторое время.

– Ты – Тень. Тебе нанесли оскорбление!

– Флора, успокойся.

– Хорошо. Но объясни, зачем тебе вдруг понадобилось на Рубеж? Когда я уезжала, ты ведь даже не помышлял об уходе!

– Все не так просто, как кажется. – Иван старался говорить спокойно и убедительно. – Дело не в стычке с Келганом и не в отказе Олана признать меня членом сатта. Я чужд условностям твоего мира, и для меня перенаправление в сатт воинов – не оскорбление.

Флора слушала его, не понимая, что стряслось, лишь чувствуя, как растет в душе горький комок.

– Иван… А как же мы? Мы с тобой? – наконец тихо спросила она.

– А разве что-то изменилось?

– Не знаю. Ты действительно собираешься уйти?

– Флора, мы теперь неразделимы. – Иван говорил искренне, он действительно не видел большой беды в том, чтобы провести несколько дней на Рубеже. Пусть бы в городе все успокоилось, а если Келган желает мстить – что ж, – он к его услугам, но действия главы сатта избранных не затронут Флору… – Я думал, что наши отношения… не изменятся.

– Ты внезапно решаешь уйти и говоришь, что ничего не случилось?

– Ты неправильно понимаешь меня.

– Тогда объясни.

– Пока тебя не было, я о многом успел подумать, – честно ответил Иван. – Но чем больше я размышлял, тем запутаннее для меня становилась ситуация…

– Сложно понять нашу жизнь? – Флора вздохнула, по-своему истолковав его слова. – Интриги, вялотекущая кулуарная борьба между саттами, даже сама не знаю за что… Редкие происшествия. И жуткий, уничтожающий все иное страх. Страх перед физической болью, перед смертью. Многие из нас не рискуют даже в такой малости, как езда на автомашине.

– Милая. – Иван встал, привлек Флору к себе, подвел ее к окну. – Посмотри. Я никогда не видел подобного великолепия. Неужели оно – лишь ширма?

Шодан зябко поежилась.

– Я же сказала тебе – городом правят страх и надменность. Я прожила триста лет среди его «великолепия», и что в итоге? Кто-то бежит на Рубеж, кто-то сводит счеты с жизнью, потому что столетиями невозможно смотреть на одни и те же лица, слушать одни и те же слова, знать друг друга практически наизусть…

– Я понимаю тебя. Но и ты должна меня понять: я никуда не бегу, тем более от тебя. Но что прикажешь мне поделать со своей памятью, знаниями, опытом?! Если для меня становится очевидным: то, что произошло с колонистами после высадки, – не случайность, такое быстрое, а главное – целенаправленное воздействие чуждой биосферы, изменившее людей, но не приведшее к массовым летальным исходам, *противоестественно.*

Флора вновь поежилась.

– Ты упорно подводишь меня к мысли, что на нас воздействовали целенаправленно? Но кто?

– Пока не знаю. Но постараюсь выяснить. Давай не будем сейчас форсировать события. Пусть уляжется шум, поднятый моим появлением. Я тем временем освоюсь на Рубеже, присмотрюсь к воинам, определю, как можно защитить город в случае внезапного вторжения извне.

– Тебя не поймут, Иван. Сатт воинов тоже скован многими условностями. Ты просто разобьешь себе голову о непреодолимую стену непонимания.

– Флора, так нельзя… жить! – вырвалось у него.

– Но мы живем именно так! – Она внезапно взорвалась, выплескивая копившуюся во время разговора горечь. – Ты не изменишь правил тысячелетия, все усилия разобьются о страх перемен. Ну, а если еще и окажешься прав – тебя станут ненавидеть еще больше!

– Извини. – Иван чувствовал, что ситуация стала просто невыносимой. Флора не желала понимать его. Все приведенные доводы для

нее – сказка. Повествование о какой-то иной вселенной, которая никогда не объявится тут, на Роке.

Флора ошибалась. Он чувствовал ее неправоту, но не мог сейчас ничего доказать.

В любом случае, он должен уйти. Иван не считал себя вправе подставлять ставшего дорогим и близким человека под удар безумца Келгана. Но сказать Флоре о существующей угрозе и остаться тут, отдавшись вспыхнувшему чувству, было бы похоже на пир во время чумы.

– Ты куда? – Шодан вздрогнула, посмотрев на него сначала испуганно, а потом в ее взгляде проступила обида и гнев. – Все же уходишь?!

– Флора, я просто проведу несколько дней на Рубеже. Ты сама сказала – люди там более раскованные. Возможно, я сумею найти ответ на многие вопросы…

– Значит, вот что для тебя важнее? Важнее меня?! – Она внезапно сорвалась: – Уходи! Я не хочу тебя видеть! – Щеки Флоры вспыхнули пунцовыми пятнами.

– Ты не права, милая, – спокойно ответил Иван.

В голосе Флоры внезапно прозвучали эгоистичные нотки, будто у девочки, у которой отнимают игрушку. Чувство должно стать взрослым. Порыв страсти и Любовь – еще не одно и то же.

– Я воспользуюсь твоей машиной?

Флора не ответила, лишь кивнула, не глядя на него.

Иван мягко закрыл за собой дверь, вышел, не оглядываясь, сел в машину и направил ее к Рубежу.

Там, среди стен циклопического барьера, он сможет разобраться в себе, а она…

Мысль осеклась.

Он любил Флору. Но разница в восприятии реальности мужчиной из обычного мира и вечно юной жительницей Рока разверзлась в эти минуты, словно пропасть.

«Пусть больно сейчас. Зато месть Келгана не коснется ее», – единственное, о чем думал Иван, принимая решение.

Покидая дом Флоры, Иван постарался отрешиться от мыслей о личном.

Осознанное действие, возможное благодаря мнемонической подготовке. Только так он имел возможность закрыть свой разум от чрезмерного любопытства эмгланов. Держать постоянно включенными защитные устройства импланта – опасно. Обретенные способности в

условиях плохо оснащенного Рубежа обороны наверняка сыграют значительную, если не решающую роль в мироощущении, и пренебрегать ими не следовало.

Он настроил себя на восприятие окружающего так, будто не существовало вчерашнего вечера, и новый мир вторично открылся навстречу обострившемуся восприятию, однако прекрасный город, равных которому Ивану не приходилось видеть ни на одном из миров Обитаемой Галактики, не принял чужака – он мягко, но настойчиво отстранил его, не сказав: «*иди прочь*», но дав понять – ты здесь чужой. Поищи другое место или попробуй стать одним из моих обитателей, только не притворно, на время, а по-настоящему, навсегда.

Таманцев не смог.

Сады и дворцы, обширные террасы, великолепие архитектуры, торжество зелени – все поначалу казалось прекрасным, но прозрение приходило быстро: город брал мзду, он превращал людей в тени, жизнь – в спектакль, смысл бытия – в поиск сомнительных удовольствий.

Городу нужны счастливые, беззаботные, в меру порочные, а значит – безопасные обитатели.

Таманцев оказался у стен Рубежа спустя час после того, как покинул особняк Флоры.

Он знал: тут его примут. Сатт воинов, как стало понятно Ивану, никогда не отвергал новых бойцов.

Заодно познакомлюсь с системой укреплений, прикину что к чему.

Жизнь научила капитана Таманцева готовиться к наихудшим вариантам развития событий, чтобы все остальное, как говорится в древней поговорке, являлось приятным сюрпризом.

Мысли о Флоре смешивались с тяжелыми предчувствиями.

Думай, капитан. Думай… У тебя нет времени на раскачку… Уже исчерпал свой лимит…

Он оставил машину на стоянке.

Внутренняя стена Рубежа вздымалась на высоту тридцати метров. Вырезанная с использованием лазеров из материала горной породы, она когда-то являлась частью горного хребта. Сам вид циклопического сооружения, равно как и лежащего за ним города, свидетельствовал о высоком уровне развития цивилизации, применявшей столь нестандартные приемы изменения ландшафтов.

«Но строительство на вырезанных в камне террасах так и не началось», – напомнил себе Таманцев, направляясь к одному из немногочисленных входов во внутренние помещения Рубежа.

В стену у бронированных дверей, явно изготовленных из фрагмента обшивки колониального транспорта, была встроена нехитрая, но надежная система доступа.

Личный микрочип, имплантированный под кожу запястья правой руки, служил универсальным ключом, отпирающим большинство дверей. Учитывая, что колония Рока не деградировала, но застыла в развитии на уровне технологий эпохи Великого Исхода, вполне приемлемый вариант.

Дверь перед ним дрогнула, сдвигаясь в сторону и открывая взгляду тускло освещенный проем, от которого начиналась вырезанная в камне лестница с истертыми ступенями.

Совсем как на Ганио, – промелькнула мысль.

Поднявшись на второй уровень укреплений, о чем свидетельствовала поясняющая надпись, нанесенная на стену, он оказался в просторном помещении с узкими, расположенными горизонтально окнами-амбразурами, через которые проникал рассеянный дневной свет. Кое-где в материале бронестекла виднелись шаровые опоры-вставки для ручного оружия.

Оглядевшись, Иван вместо ожидаемой спартанской обстановки увидел мягкую мебель, ковры, огромные столы, украшенные резьбой, за ними комфортабельные кресла, в стенах множество дверей, по всей видимости, ведущих в личные апартаменты воинов.

Людей он заметил не сразу, поначалу казалось, что в зале присутствуют лишь андроиды, бесшумно занимавшиеся наведением чистоты и порядка.

Таманцев не привык тушеваться в подобных ситуациях, в свое время ему пришлось сменить немало гарнизонов, и повидал он всякое. Проигнорировав дройдов, Иван направился вдоль столов, пока не увидел двух воинов, по-видимому, недавно сменившихся с постов. Их ранний обед (или поздний завтрак) уже завершился, и сейчас оба сидели, комфортно расположившись в глубоких креслах, с бокалами в руке. Их неторопливая беседа выдавала старых друзей, находящих общение приятным, а жизнь вполне сносной.

Странная пара, с какой стороны ни взгляни.

Метаморф и эмглан.

Иван замедлил шаг, наблюдая за воинами. Эмглан был облачен в экипировку, включающую легкий металлокевларовый бронежилет, закрывающий спину, плечи и грудь, но не стесняющий движений. Боевой шлем с проекционным забралом и датчиками системы БСК лежал рядом, на специальной подставке у кресла. Тут же были предусмотрены

приспособления для стрелкового оружия.

Метаморф, напротив, был облачен в нечто бесформенное и, видимо, легко рвущееся. Неудивительно, ведь любая иная одежда только помешала бы его мгновенным трансформациям. Оружия при нем не оказалось.

– Не помешаю? – откашлявшись, спросил Иван.

Оба воина повернулись к нему, не скрывая откровенного любопытства при узнавании. Метаморф, который в данный момент сохранял формы и строение человеческого тела, заговорил первым, сделав приглашающий жест:

– Присаживайся.

Таманцев не стал отказываться от приглашения, сел, одновременно ощутив мощную ментальную волну, исходящую от эмглана.

Оба – и метаморф, и эмглан, – по ощущениям галакткапитана, были настроены вполне дружелюбно. Ментальная волна окатила его эманациями тепла, спокойствия, уверенности, – телепат не пытался прочесть его мысли, он лишь проверял реакцию новичка на сам факт своего существования.

Иван ответил ему легким кивком, доброжелательно улыбнувшись.

Испытанный прием возымел положительное действие, оба воина вновь расслабились:

– Дитрих, – коротко представился метаморф.

– Васибо, – отрекомендовался эмглан.

– Капитан Таманцев. – Иван решил, что представляться нужно по полной, хотя был уверен: в городе все знают о его появлении и сопутствующих обстоятельствах. – Можно просто – Иван. Наверное, слышали обо мне?

Оба кивнули.

– Я ищу командира любого из подразделений сатта.

– Зачем? – осведомился метаморф.

– Хочу провести некоторое время на Рубеже.

– Здесь бывает опасно. – Эмглан усмехнулся. – И, как говорят у нас, дальше Рубежа не убежишь. – Он ожег Таманцева вопросительно-насмешливым взглядом.

Неужели им уже известно о моей размолвке с Флорой? Или он все же читает мысли, а я не чувствую этого? Как принимать его слова – оскорбление или…

– Ситуация трудная, верно? – Васибо вдруг расхохотался. – Ты очень интересный человек.

– Чем же?

– Своей решимостью перевернуть мир, – ответил эмглан. – И не

спорь, я чувствую твой настрой. Только скажу прямо – вряд ли тебе позволят нарушить вековые устои и что-либо изменить.

– Да я, честно говоря, менять ничего и не собираюсь. Подумай сам, что можно сделать, едва появившись у вас? – Таманцеву не хотелось играть перед эмгланом, и он говорил то, что думал, хотя понимал причину нервозности Васибо – тот все же не сумел прочитать его мысли: все офицеры спецподразделений проходили специальную мнемоническую подготовку на случай столкновения с инсектами, являвшимися природными телепатами.

– Тебе не понравилось в городе? – подключился к разговору метаморф.

– Светская жизнь не по мне. Я воин, по вашим меркам.

– Хорошо, а как же Флора?

Вопрос, заданный в лоб, мог показаться бестактным, Иван не знал – так принято или его все же провоцируют, поэтому ответил нейтрально:

– В обществе, где я вырос, статус воина не мешает отношениям между мужчиной и женщиной.

– Мудрые слова. – Эмглан потянулся. – Я командую сегментом Рубежа. Можешь остаться тут. Оружие и экипировку тебе подберут андроиды, они же укажут свободные комнаты. Дежурства на Рубеже по восемь часов. После – сутки отдыха, когда ты можешь свободно покидать укрепления, с единственным условием – коммуникатор всегда держать при себе включенным.

– А кто объяснит мне обязанности?

– Они просты, – пожал плечами эмглан. – Тебе будет отведен участок для патрулирования. В экипировку встроен сканер личных датчиков, если в зоне твоей ответственности появится кто-то, не обладающий имплантированным чипом, ты обязан уничтожить тварь.

– Зачастую разглядеть их нелегко, – вставил свое слово Дитрих. – Особенно диких теней и метаморфов.

– Обязательно их убивать? – спросил Таманцев. – Разве они не были когда-то людьми?

– Убивать обязательно, – твердо ответил эмглан. – А кем они были в прошлом, людьми или иными существами, пусть тебя не волнует. У них – я имею в виду диких тварей – в распоряжении вся планета. Жалость тут неуместна и даже опасна. Один дикий метаморф, прорвавшийся за Рубеж, причинит неисчислимые беды, а выловить его в городе будет очень непросто. К тому же он первым делом уничтожит любого вставшего на пути воина, если тот промедлит, испытывая сомнения.

– Я понял. – Ивана очень заинтересовала фраза Васибо относительно «иных существ». – А что, кроме людей, есть иные формы жизни, подвергшиеся изменениям?

– А ты как думал? – Эмглан опять усмехнулся. – До нашего появления на планете существовала собственная жизнь. Дикие метаморфы, тени – собирательный образ, который не подразумевает только людей, потерявших рассудок вследствие изменения.

– Так все же на Роке существовала цивилизация?

– Не цивилизация, а исконная жизнь, – поправил Таманцева Дитрих. – От кого, по-твоему, подхватили заразу изменения наши предки? Ты ведь сам недавно испытал все это на собственной шкуре.

– Да. Я потерял сознание, несколько суток находился в полубреду, потом очнулся с ощущением, будто долго болел и едва смог выжить.

– Вот именно. Изменение, конечно, не болезнь, но наступает оно после попадания в организм какой-то заразы. Ее можно подхватить по-разному. Если тебя ранит метаморф или тень – ты изменишься. Но существует и иная возможность заразиться – просто побывав в определенных регионах материка, вдохнув отравленный спорами изменения воздух.

– А бывали случаи вторичных мутаций? – как бы между прочим поинтересовался Таманцев.

– Нет, – уверенно ответил Дитрих. – Ни о чем подобном я даже не слышал. А ты всегда такой любопытный?

– Всегда, – поддержал его полушутливый тон Иван. – Мне же интересно, куда я попал и что тут происходит.

– Со временем все узнаешь, – успокоил его Васибо. – Иди, выбирай себе комнаты, вечером заступишь на первое дежурство. Советую отдохнуть. И будь внимателен, большинство новичков обычно гибнут в течение первого месяца.

– Учту. – Иван встал. – А что, никаких формальностей больше не будет?

– К чему они? – Эмглан махнул рукой. – Основное правило я тебе объяснил. Все остальное – лишняя суета. Твой чип уже получил особую отметку. Теперь ты в сатте воинов.

* * *

Иван выбрал себе две комнаты.

Помещения показались ему удобными, здесь благодаря каменным стенам и необычной меблировке царила особенная атмосфера, постоянно

напоминающая ему, что он попал в условия уникального мира. Произведения современного искусства, мебель, произведенная уже в колонии, и суровые предметы, сохранившиеся еще со времен появления людей на Роке, создавали неповторимый колорит, не лишенный собственной эстетики.

Оружие и экипировку ему принес андроид серийной модели «Хьюго».

У Таманцева еще оставалось около десяти часов до начала дежурства, Васибо сказал, что к вечеру зайдет за ним, чтобы отвести на пост, а пока советовал отдохнуть, но спать Ивану не хотелось, да и времени, по внутренним ощущениям, было в обрез.

Он с тоской подумал о Флоре. Мысль о ней причиняла боль, Иван впервые так остро переживал сложности в отношениях с женщиной.

Задумавшись, Таманцев прилег на широкую кровать, заложил руки за голову и полностью погрузился в мир внутренних образов и рассуждений, пытаясь проанализировать все произошедшее с ним за последние дни.

Некоторое время мысли о Флоре не отпускали, не давали сосредоточиться на проблемах, связанных с цивилизацией Рока, но потом он все же сумел сконцентрироваться, не отогнав боль, но мягко, с ласковой горечью отстранив ее.

Иван в который раз попытался взглянуть на случившееся беспристрастно, принимая к рассмотрению все версии развития событий.

Результат такого переосмысления собственного бегства с Ганио привел к тому, что червячок сомнений, таившийся в душе, вновь дал о себе знать.

Случайно ли обрывавшаяся (по данным навигационных справочников и карт) линия гиперсферы подхватила лишенный энергии истребитель, фактически сформировав гиперпространственный тоннель, связавший воедино две звездные системы?

Маловероятно. При всплытии Иван четко видел на масс-детекторе расхождение силовых линий аномалии. Подобное «ветвление» характерно для искусственно созданных транспортных коммуникаций, принадлежавших древним расам, – в частности, широким внедрением и постоянным совершенствованием технологии гипертоннелей занимались инсекты.

Последние исследования существующей в рамках скопления О’Хара древней транспортной сети убедительно показали, что разумные насекомые добились немалого прогресса в области проектирования стационарных тоннелей, они научились разделять материальные тела по массам, сортируя прибывающие объекты и направляя их к порталам различной пропускной

способности. Несовпадение в данном случае заключалось в том, что все входы и выходы стационарных тоннелей располагались на поверхности планет или иных космических тел, а истребитель Таманцева отторгло в трехмерный космос на границе стратосферы Рока.

Хотя все ли технологии трехмиллионолетней давности нам известны?

Думай, Иван. Думай…

Хорошо, положим, что акция на Ганио была спланирована заранее. Таманцев понимал: в принципе, просчитать его логику принятия решений не так уж и сложно. Если знать, что угнанный «Фантом» не обладает энергией для полноценного гиперпрыжка, то легко предположить, какой именно линией напряженности воспользуется опытный пилот. Скачок на несколько световых лет, своего рода «слепой рывок», который оканчивался среди межзвездной пустоты, являлся идеальным решением для бегства.

Допустим, мой характер и логику просчитали, что дальше? Я ушел на необходимую линию гиперсферы, но ведь и раньше предпринимались попытки ее исследования. И никакого гиперпространственного тоннеля не возникало. Напротив, все оканчивалось быстро и предсказуемо.

Размышляя, Ивану пришлось сделать ряд допущений.

Что, если на истребителе было заранее смонтировано устройство, послужившее ключом для реактивации древнего тоннеля? Но какая выгода во всем этом той силе, что спровоцировала ситуацию? И кто стоит за его внезапным появлением на Роке?

Файзулло отпадал. Иван не испытывал к ганианцам презрения, но, несмотря на высокий уровень технической оснащенности кланов, последние не обладали необходимыми знаниями. Даже если в их руки попало какое-то древнее устройство, они вряд ли разобрались бы в его истинном предназначении. Нет, здесь действовал кто-то другой, использовавший Файзулло как ширму или пешку, а может, просто заплативший ему за совершение определенных действий.

Ладно, примем за рабочую версию.

Что толку от совершенного «Фантомом» прыжка?

Активация тоннеля?

Иван вдруг понял, что в своих рассуждениях ухватил ниточку.

Его использовали в качестве смертника, настроив дополнительную аппаратуру истребителя, чтобы тот покинул гиперсферу, находясь в заранее гибельном положении. Но импульс, сформировавший гипертоннель, должен был активировать и стационарные порталы! Скорее всего, один из них расположен на Ганио, но где именно – вот этого неведомый кукловод не знал. Зато мог определить при активации древнего канала

транспортировки.

Вот, пожалуй, и разгадка, объясняющая, почему его так небрежно охраняли, позволив совершить рискованное, но все же не выходящее за рамки разумного бегство.

В таком случае, неведомый противник обладал более глубокими познаниями в области локального участка аномалии космоса, в частности, он знал о существовании Рока и искал пути проникновения на планету?

Кто он?

Кроме инсектов, исследованиями аномалии занимались логриане и, возможно, дельфоны.

Следов разумной деятельности насекомых на Роке не наблюдалось. Логриане? Но, памятуя о существовании на планете метаморфов, эмгланов и теней, стоило задуматься, а соответствуют ли подобные эксперименты в области генной инженерии духу цивилизации логриан?

Скорее нет. Они шли иным путем развития, уделяя большое внимание техническому прогрессу и практически изолировав себя от природы планет в космических станциях-поселениях.

Дельфоны? О них практически ничего не известно. Цивилизация дельфонов погибла под ударом предтеч. Однако с точностью установлено, что они обитали в океанах. Опять не то…

Хараммины?

Сомнительно. Пока – сомнительно, хотя никто не знает их истинных путей развития, существовавших до того, как вторжение инсектов и порабощение логриан в корне не изменили цивилизацию хозяев скопления О’Хара.

Однако, будь в их распоряжении технологии, способные создавать метаморфов и эмгланов-телепатов, разве вторжение инсектов не было бы остановлено?

Иван чувствовал, что в своих рассуждениях он упускает что-то важное.

Прежде чем строить гипотезы относительно происходящего, следовало проверить, действительно ли его использовали для активации древнего гиперпространственного тоннеля?

Существовал лишь один способ проверки – нужно вернуться к обломкам истребителя и тщательно исследовать их в поисках дополнительного и, скорее всего, не принадлежащего к сумме человеческих технологий оборудования.

Мысли Ивана, обозначив проблему, невольно скользнули дальше по цепочке вопросов и рассуждений.

Внезапно в сознании Таманцева начали возникать сначала смутные, а потом все более четкие образы. Как будто пробуждались глубинные участки памяти, и вместе с этим опять резко ухудшилось самочувствие, сознание стало нечетким, размытым, перед внутренним взором появлялся и исчезал образ уже виденного однажды гигантского метаморфа, атаковавшего автоматический разведывательный корабль и…

Недостающая информация внезапно нашла выход, была воспринята сознанием, став частью знаний.

Иван с трудом сел.

На этот раз «включение» имплантированной памяти прошло, можно сказать, почти безболезненно. Встав, Иван налил себе воды, затем ополоснул лицо, чувствуя, как проясняется сознание.

Рассудок уже осмысливал новые, полученные только что данные, он словно жил своей жизнью, не обращая внимания на легкие физические недомогания.

Итак, к моменту посадки колониального транспорта «Надежда» планета обладала собственной биосферой и формами жизни, подвергшимися радикальной перестройке организмов под воздействием внешней и, несомненно, разумной силы. Таманцев сел в глубокое кресло, стараясь не расслабляться. Пример подобного воздействия теперь известен: какая-то из древних рас осуществляла глобальные эксперименты на планете Рай, где в результате этого погибли все представители животной жизни, а итогом эксперимента стало создание метаморфов, обладающих признаками всех когда-либо существовавших на Рае животных. К сожалению, изучить их не представлялось возможным – координаты планеты были утрачены, остались лишь свидетельства побывавших там очевидцев, обнаруженные в архивах колониальной администрации Аллора.

По словам (и сохранившимся документальным отчетам) галактбиолога разведывательного корабля Геи Силборг, метаморфы Рая обладали способностью практически мгновенно изменять не только облик, но и структуру мышечных тканей, рефлекторно принимая тот вид, который наиболее полно отвечал внезапно меняющимся условиям внешней среды.

Невольно сравнивая только что полученные из глубин имплантированной памяти данные по Раю с реальностью Рока Таманцев не мог не обратить внимание на несколько знаковых явлений.

Во-первых, исконная жизнь планеты на Роке не уничтожалась.

Во-вторых, кроме метаморфов, здесь появились еще эмгланы и тени.

В-третьих, вопреки утверждению Васибо, Иван считал, что глобальные изменения коснулись большинства животных, обитающих на

Роке, ведь при резком увеличении срока жизни катастрофически нарушался природный баланс, и животный мир планеты так или иначе был бы обречен на гибель, или в лучшем случае здесь могли сохраниться лишь несколько доминирующих видов жизненных форм.

«Но я видел различных животных во время перехода от места крушения истребителя до Поляны Ужаса. И звери, встреченные по пути, не выглядели измененными, не демонстрировали качеств теней или метаморфов, не говоря уж о способностях эмгланов.

Можно ли сделать вывод, что в результате экспериментов на планете Рай неизвестная цивилизация достигла желаемого результата: были созданы виды биологического оружия, воздействующие на определенных существ, придающие им необходимые качества?»

Иван не мог ответить себе – «да». Три миллиона лет назад человечество еще находилось на начальных этапах развития, и «затачивать» биологическое оружие для воздействия на людей у гипотетической цивилизации не было никакого смысла.

Мало. Слишком мало информации. Но времени на ее сбор практически нет. Иван интуитивно чувствовал – события вокруг Рока уже набирают ход, если он правильно осмыслил детали своего побега с Ганио, то рассказ Флоры о таинственном происшествии уже не трактовался двусмысленно: здесь побывала разведгруппа из двух или трех человек, действовавших скрытно, но слишком жестко.

Ганианцы?

Похоже на их почерк, особенно бессмысленное избиение Орана. Техника колонии не так уж сложна, ни к чему было ломать приборную панель, соединять напрямую провода, требовалось только проявить немного терпения, тщательно отсканировать схему устройства интересующей машины и завладеть ею без лишнего шума.

Так действовал бы он.

Иван встал, прохаживаясь по комнате. Хорошо, если дело ограничится вторжением одного из кланов через устройство обнаруженного древнего портала. Но Таманцев, не сбрасывая со счетов Файзулло и его людей, сомневался, что именно ганианцы – организаторы акции.

Тот, кто ищет возможность проникнуть на планету, знает о ней нечто большее, чем факт наличия гиперсферной связи между Роком и Ганио.

Фрайг… Замкнутый круг. Информация нужна как воздух…

Его размышления прервал стук в дверь.

Открыв, Иван увидел эмглана.

– Тебе пора заступать на пост, – без долгих вступлений заявил он. –

Пошли, я познакомлю тебя с людьми и выдам необходимую экипировку.

* * *

Флора стояла у окна, бессильно опустив руки.

Скольких мужчин она знала в своей жизни? Не хотелось ни вспоминать, ни считать, все они сейчас являлись для нее лишь бледными подобиями Ивана.

Она действительно не знала настоящей любви. Лишь редкие порывы страсти, как правило, угасающие к утру. И тем противнее становилось на душе, когда вдруг в памяти всплывали истеричные сцены, гнусные поступки тех, кто ни за что не хотел расставаться с ее красотой, был готов унижаться… Как скверно вспоминались прожитые годы, а он… Он ушел, даже не оглянувшись.

Машина Ивана давно исчезла из вида, а Шодан стояла, по-прежнему *чувствуя* его. Он оставил за собой горьковатое манящее тепло, греющее без всяких обещаний, заставляющее слезы самовольно срываться с дрожащих ресниц.

Он не играл. Он жил. Жил, как давно разучились жить мудрые, спокойные и… трусливые обитатели Рока.

Флора не выдержала, разрыдалась, но от слез, как ни странно, стало легче, будто впервые прорвалось ее настоящее, не сыгранное и не придуманное чувство, такое же горькое и теплое, саднящее у самого сердца…

Она по-своему оценивала происходящее и отчасти была права в горьких, жалящих сердце мыслях.

«Я проведу на Рубеже несколько дней…» Эти его слова были сказаны не просто так. В них таился недопонятый ею смысл…

Зачем Ивану эти несколько дней? Она ведь чувствовала – он любит ее, и его уход – действительно не бегство.

«А что если он прав? Если городу и на самом деле грозит неведомая опасность?»

Мысли путались. Слишком много случилось за последние дни, причины и следствия сплетались в клубок противоречий.

Он ушел, чтобы дать ей шанс полюбить. Так, словно каждый новый день нужно проживать, как последний. Но им двигало что-то еще… Флора интуитивно чувствовала – Иван пытается поднять непосильный груз ответственности, принять неведомый удар на себя…

«Я должна помочь ему… Но как?»

Обида вдруг отступила. Как все глупо… Медленно собрав чашки,

Флора хотела привычным жестом позвать кибермеханизм, потом поставила поднос, села, еще глубже и горше переживая случившееся, а затем медленно протянула руку, взяла коммуникатор и набрала номер.

– Ник?

– Да.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Насколько срочно?

– Немедленно.

– Хорошо, я подъеду. А что случилось?

– Все скажу при встрече. Жду тебя. – Она отключила коммуникатор. Кого еще вызвать? Райбена? Можно ли ему доверять?

Без эмглана и метаморфа нам не обойтись…

Флора вновь начала набирать номер.

– Райбен? Сможешь подъехать вечером? Да, и позвони Найву, мне потребуетесь вы оба. Что? Нет. Объясню при встрече.

* * *

Шодан приняла Николая в гостиной.

Ожидая его приезда, она размышляла: а действительно, много ли у нее друзей?

Вышло, что не очень. Появление в ее жизни Ивана сломало устоявшиеся взгляды, он словно дуновение свежего порывистого ветра растрепал ее мысли, перемешал их и… внезапно утих, предоставив возможность разобраться во всем самой.

Состояние Флоры трудно было охарактеризовать одним словом. Оно менялось. Таманцев задал ей столько вопросов, дал столько новой информации, что впору схватиться за голову, а к мыслям постоянно примешивались чувства, и получался такой коктейль…

Ник приехал как раз вовремя, когда Шодан уже была готова опустить руки и разрыдаться.

Не в ее характере проявлять слабость, но чувство к Ивану на поверку оказалось столь сильным, что никак не сопоставлялось с состоянием обыкновенной влюбленности или порывом страсти.

– Проходи. – Она пропустила Николая в гостиную.

Он сразу заметил ее состояние, но истолковал его по-своему.

– Переживаешь из-за Ивана?

Флора настолько глубоко погрузилась в свои мысли, что вздрогнула, услышав его фразу.

Она мгновенно преобразилась, возвращаясь в привычное состояние, и

спросила, не скрывая презрения в голосе:
– Что, город уже полнится слухами?
– Свежие новости, сама знаешь. – Ник развел руками, усаживаясь в глубокое кресло.
Как не похожи они… – мысленно ужаснулась Флора.
– Ты ошибся, я позвала тебя не для того, чтобы выплакаться в жилетку. Есть дело, – сухо произнесла она.
Лорген вопросительно приподнял бровь.
– Я весь внимание.
– Ник, мне нужна определенная информация. – Шодан решила, что лучше говорить прямо. С Николаем ее связывали давние отношения, он являлся одним из немногих, кого Флора могла бы назвать другом.
– Надеюсь, ты не попросишь меня выдавать тайны своего сатта?
– Попрошу.
Николай нахмурился.
– Ладно. Продолжай.
– Мне нужны сведения, относящиеся к периоду появления наших предков на Роке.
– Ты могла бы спросить об этом у кого-нибудь из старшего поколения, – попробовал уклониться от возможных неприятностей Николай. – Ты же знаешь, из первого поколения ныне здравствуют многие.
– Вопрос доверия и времени, – ответила Шодан. – Мои вопросы будут восприняты с подозрением. Я вряд ли получу правдивые ответы. А они крайне необходимы, причем нужны они срочно.
– Так чего же ты хочешь от меня конкретно?
– Кроме очевидцев из числа людей, существуют еще и машины, верно? Есть информация, которая хранится веками, и ею владеет сатт избранных.
– Флора, ты склоняешь меня к предательству?
– Ник, я прошу у тебя содействия. Думаю, случай с Ораном свеж в твоей памяти?
– Естественно.
– Ты хотел бы повторения подобного, только в масштабах всего города?
– Нет, конечно. Но ты говоришь крайне скрытно и неубедительно. Что за опасность нам угрожает?
– Именно это я и пытаюсь выяснить. Иван рассказал мне о сотнях обитаемых звездных систем, о технологиях древних цивилизаций, которые умели связывать свои колонии каналами внепространственной

транспортировки. Существует вероятность, что Рок входил в одну из таких транспортных сетей.

– Флора, наша колония существует полторы тысячи лет. И за это время никто не вторгался сюда.

– Ты прав. Но все когда-нибудь случается впервые. Случай с Ораном. Ты можешь объяснить его?

– Нет.

– А Иван смог. С точки зрения тех технологий, что существуют в Обитаемых Мирах.

– Уверена, что он сказал тебе правду?

– Ему нет никакого смысла лгать. – Шодан говорила, перебирая в пальцах нанизанные на прочную нить камушки разных цветов. – Ник, я не прошу тебя о многом. Ты, как оперативник своего сатта, имеешь доступ к информационному хранилищу. Просто посмотри, предпринимались ли попытки исследования, поиска причин, приведших к изменениям в наших организмах, и что немаловажно – изучалась ли территория материка в поисках… ну, скажем так – необычных сооружений.

– Принадлежащих иной цивилизации?

– Рубеж тоже построен не нами, – напомнила ему Флора.

– А если я найду эти сведения?

– Ты волен решать – передать их мне или оставить все как есть. Я не могу просить тебя пойти против сатта. Если найдешь подобную информацию – изучи ее и прими решение.

– Какое?

– Я думаю, ты поймешь, что существует ряд проблем, касающихся всех нас. Без деления на сатты.

– Флора, я ничего тебе не обещаю. – Николай встал.

– Информация нужна мне к вечеру Ник. Так что думай быстрее, ладно?

– Не дави на меня. – Он прикоснулся губами к ее руке. – Я позвоню.

* * *

Информаторий сатта избранных располагался глубоко под землей, в помещениях, найденных под искусно вырезанными в скалах террасами, на которых был выстроен современный город.

Ник бывал тут несколько раз. Нужно сказать, что аппаратура, демонтированная сервомеханизмами с борта колониального транспорта, содержала массу информации, которой никто не пользовался.

К своей досаде, Николай не умел обращаться с машинами,

требующими ввода команд с терминалов управления. Обычно сервомеханизмы воспринимали голос человека, распознавали речь и исполняли полученные распоряжения.

Может быть, кто-то из старшего поколения и умел пользоваться установленными в зале компьютерами, но Ник никогда не стремился овладеть древними знаниями, да ему никто и не предлагал подобного обучения.

Он ни за что не признался бы Шодан в неумении обращаться с древними машинами.

Для Николая ее просьба оказалась серьезным испытанием. Он давно уже не скрывал своих чувств к Флоре, но она, к сожалению, принимала лишь его дружбу. И вот теперь, когда она впервые за много лет обратилась к нему с настоящей просьбой, Лорген испытывал жгучее желание исполнить поручение, тем более что информация, хранящаяся здесь, не относилась к разряду секретной, по крайней мере, его никто об этом специально не предупреждал.

«Не будет ничего дурного, если я просмотрю древние архивы, вот только как это сделать?»

Николая в данный момент заботила вовсе не судьба колонии, а личные отношения с Флорой. Шодан вообще старалась вести себя так, чтобы как можно меньше зависеть от других, и сейчас у него появилась уникальная возможность оказать ей услугу, о которой она не сможет забыть.

В конце концов он нашел выход из ситуации.

На уровнях подземных коммуникаций полно технических механизмов, среди которых есть и человекоподобные машины, такие же старые, как аппаратура колониального транспорта. Они наверняка умеют обращаться с древними компьютерами.

Николай не ошибся. Ему быстро удалось отыскать андроида, способного найти для него нужные данные, выполняя команды, отданные голосом.

Поручение Флоры на поверку оказалось не таким уж трудным и опасным, но пусть она думает иначе.

Информация, которая начала поступать на древний дисплей в виде текстовых файлов, мало заинтересовала Николая. Он и не собирался ее осмысливать.

Цивилизация… Лорген никогда не задумывался над этим термином, не пытался понять его глубинный смысл. Он не искал свои корни, не интересовался связью времен, важным для него являлся лишь день сегодняшний, и даже должность оперативника была не призванием, не

обязанностью, а скорее данью скуке, попыткой разнообразить свое существование.

Разница между ним и Шодан заключалась в том, что Николай никогда бы не ринулся за границу Рубежа, не стал бы рисковать жизнью – он слишком дорожил ею, как и большинство населяющих город людей.

Вот и сейчас, глядя на страницы текста, меняющиеся в глубинах стереоэкрана, он не вникал в документы, предоставляя застывшему за спиной андроиду самому делать выборку по заданному алгоритму поиска.

Другой бы на месте Лоргена ужаснулся, спросил себя: что стало с нами, где настоящие знания, как мы сможем выжить, если вдруг остановятся все обслуживающие город машины, но Николая заботили проблемы иного толка – он думал, где бы сегодня провести вечер, мысленно репетировал свою речь перед Флорой, подсчитывал все еще весьма призрачные шансы на ее *особую* благосклонность…

– Информация скопирована, – нарушил его мысли синтезированный голос машины.

Ник обернулся. Андроид явно ждал дальнейших распоряжений.

– Отправляйся по адресу: уровень четырнадцать, строение семьсот двенадцать. Передай Флоре Шодан все, что сканировал с экрана. Скажи ей, что Николай Лорген зайдет вечером, ровно к одиннадцати часам.

Андроид, получив приказ, удалился.

Ник отключил аппаратуру и собирался покинуть зал древнего информатория, когда внезапно открылась дверь, и на пороге помещения возникла фигура Ричарда Лоргена – его отца.

– Ник? Что ты тут делаешь?

Николай не видел отца очень давно. В их отношениях не было особенно теплых чувств, и они мало интересовались жизнью друг друга.

– Смотрел кое-какую информацию, – с притворным безразличием в голосе ответил Николай.

– Кто тебе позволил совать сюда свой нос без специального разрешения? – В голосе Ричарда прозвучал плохо скрытый гнев.

Николай отреагировал спокойно:

– Никто не объявлял об ограничении доступа к информации. Не зарывайся, отец, я уже давно не юноша.

– Ты бездельник! Бессовестный бездельник, как большинство так называемых оперативников! Хотя, признаться, я поражен – у тебя хватило ума или смекалки включить аппаратуру… Ты растешь, Ник…

– Ну, хватит, – прервал его речь Николай. – У меня нет желания упражняться в риторике. Извини, спешу.

– Нет уж постой! – Ричард внезапно схватил сына за плечо и рывком усадил его назад в кресло. – Ты сошел с ума от скуки? Решил устроить проблемы всему городу, чтобы повеселиться от души?!

В голосе родителя звучал неподдельный гнев, и Николай оторопел.

– В чем ты пытаешься меня обвинить? – дрогнувшим голосом спросил он.

– Сначала я взгляну, что так заинтересовало тебя в древних базах данных, – угрожающе ответил Ричард, вновь активируя только что отключенные терминалы компьютеров.

В отличие от Николая, его отец обладал всеми необходимыми навыками и знаниями. Он являлся одним из немногих *настоящих* техников, кто еще помнил, как следует обращаться с кибернетическими системами, демонтированными с борта основного модуля колониального транспорта «Надежда».

Спустя некоторое время он сурово взглянул на Николая.

– Итак, с каких пор ты озабочен древними исследованиями? Или я ошибался в тебе?

– В смысле? – машинально произнес Ник, у которого одно дурное предчувствие сменялось другим.

– Ты никогда не проявлял интереса к наукам, насколько я помню. Неужели со дня нашей последней встречи мой сын поумнел? – В голосе Ричарда прозвучал нескрываемый сарказм.

– Отец, я не понимаю ни твоего гнева, ни сарказма. – Николай нашел силы взять себя в руки. – Что произошло?

– Здесь хранятся сведения, разглашение которых запрещено. Система доступа не препятствует входу в информационный центр, но немедленно оповещает старейшин сатта о факте обращения к древним базам данных.

– О секретности сведений следовало бы предупредить заранее, – с вызовом ответил Николай. – Сами создаете проблемы, а потом решаете, кого сделать крайним?

– Прекратим бессмысленную пикировку. Зачем тебе потребовались отчеты о первичных исследованиях биосферы Рока?

– Стало любопытно.

– Не лги. Что ты понял из отчетов?

– Ничего. Ничего я не понял! – Ник начал заводиться.

– А ты читал их? – задал Ричард неожиданный вопрос.

– Какое твое дело? – огрызнулся Николай. – Повторяю, меня никто не извещал, что доступ к данным ограничен!

Его отец посмотрел на часы.

– Сигнал из информатория поступил четверть часа назад. Количество затребованных документов невозможно изучить или прочесть за столь короткий срок. Ты их скопировал. Куда? Где носитель информации?

– Можешь обыскать меня. – Ник нашел в себе силы, чтобы ответить спокойно, даже безразлично.

– Ладно, попробуем иначе. – Ричард коснулся нескольких сенсоров на расположенной отдельно от других текстоглифной клавиатуре, и в объеме одного из стереоэкранов внезапно появилось изображение, снятое камерами системы видеонаблюдения.

Ник понял, что попался. Внутри все обмякло, от брезгливой высокомерности не осталось и следа, когда он увидел себя и застывшего за спиной андроида.

– Прекрасно. Я так и думал. – Пальцы отца больно впились в плечо Николая. – А теперь скажи мне, куда отправился дройд? Мы все равно узнаем – для тебя же лучше рассказать все самому.

– Я не знал, что информация секретна! – Ник, осознав какие неприятности ему грозят, совершенно пал духом.

– Куда ты отправил данные?

– Шодан. Она попросила меня об услуге.

Ричард побледнел.

– Ты выдал сведения сатту Теней?!

На несколько секунд в информатории наступила гнетущая тишина.

Пальцы Ричарда машинально сжимались все сильнее.

– Отпусти, мне больно! – Николай попытался вырваться, но хватка отца оказалась железной.

– Тебе будет еще больнее, – холодно ответил отец. – Зачем Флоре потребовалась информация? Отвечай быстро!

– Шодан ничего не говорила мне! – Николай терял остатки мужества. «Зачем я только согласился ей помочь?..» Он знал, на что способны сатты ради сохранения существующего порядка вещей. Его сметут, как пылинку, раздавят, инсценируют несчастный случай, – теперь он запоздало жалел, что даже не попытался вникнуть в смысл затребованной информации… Что же делать? Как выкрутиться?

От страха стало трудно дышать.

Флора… Ник обожал ее, едва ли не боготворил, а она расчетливо подставила его… Зачем ей потребовались данные по древним исследованиям? Почему раньше она не интересовалась ими? Мысль работала лихорадочно: сухим из воды уже не выйти, но почему не перевалить вину на счастливого соперника?

Внезапно пришедшее решение показалось спасительным, оно не выходило за рамки интриг, сеть которых зачастую плелась просто от скуки.

– Отец, Флора тут ни при чем… Виной всему спасший ее пришелец!

– Вот как? Откуда тебе известно, что данные исследований нужны именно ему?

– А кому еще?! Зачем Флоре копаться в прошлом?

– Вот видишь. Страх – хороший стимулятор. – Пальцы Ричарда наконец разжались. – Сейчас иди домой и не смей высовывать нос на улицу. Считай, что ты под арестом. И не вздумай предупредить Шодан. Мы сами с ней разберемся.

* * *

Городским сервомеханизмам не положено пользоваться транспортом.

Андроиду, выполняющему поручение Николая Лоргена, пришлось бы пешком преодолевать десятки километров, но в приказе, отданном человеком, фигурировало значение времени: по подсчетам он не успевал прибыть к указанному адресу до одиннадцати часов вечера, и потому дройд воспользовался автомобилем технической службы.

К тому моменту, когда Ричард Лорген, отправив сына под домашний арест, предстал перед Советом сатта, андроид уже миновал ворота усадьбы Флоры Шодан и, оставив машину на парковочной площадке, двигался по аллее к входу в дом.

Установив контакт с кибернетической системой особняка, он передал сведения о цели визита.

Флора ожидала вестей от Николая, но была удивлена, когда голос домашней киберсистемы оповестил ее о прибытии человекоподобной машины.

– Хорошо, пусть войдет.

Что ты задумал, Ник?

Через минуту андроид появился в дверях гостиной.

– Ну? – Флора обернулась.

– Доставлена информация от Николая Лоргена. Мне необходимо внешнее запоминающее устройство для передачи данных.

Флора указала в сторону персонального терминала кибернетической системы.

– Активируй его сам.

Она отвернулась к открытому окну. Действия андроида ее не интересовали.

Почему Лорген не появился сам? Не похоже на него…

– Тебе поручено передать еще что-то?

– Николай Лорген просил уведомить, что заедет ровно в одиннадцать часов.

Напрашивается на романтический вечер? – Флора поморщилась. – *Неужели не мог просто оказать мне дружескую услугу?..*

* * *

События начали развиваться со стремительностью, не присущей обычно размеренной жизни города.

Флора обернулась, взглянув на часы.

Четверть двенадцатого… Николая она недолюбливала за излишнюю самоуверенность, развязность по отношению к женщинам, хотя в пунктуальности и способности использовать *подходящие* ситуации ему не откажешь. Зная, что Лорген давно и безнадежно мечтает о свидании с ней, Флора была уверена, он появится вовремя.

Что-то помешало ему.

Его поймали? На несанкционированном доступе к интересующей ее информации?

Допустим. В таком случае здесь замешаны главы всех саттов, никто не хочет повторения давней войны, и решения принимаются коллегиально, без исключений.

Голова шла кругом. Минули всего сутки, а сколько всего произошло.

Райбен и Найв ждут в соседней комнате. Оба не раз обязаны ей жизнью. Можно ли полагаться на них?

«А что мне остается? Иван ушел на Рубеж, до него еще нужно добраться с полученной информацией. Знать бы наверняка, подсунули мне ложные данные или сатты не смогли отследить маршрут андроида через город?»

Да, но за ее домом наверняка установлено наблюдение. Значит, сейчас что-то произойдет, если же нет, то информация, доставленная сервомеханизмом, – фальшивка.

Мысли вихрем пронеслись в голове Шодан, она снова стала прежней, сейчас Иван не узнал бы ее: посреди гостиной вновь стояла прежняя Флора – оперативник сатта Теней, женщина, способная затмить большинство мужчин города в способности быстро и логично мыслить, принимать решения и не испытывать сомнений, претворяя их в жизнь.

Она обернулась. Андроид стол вплотную к терминалу, но еще не соединился с ним.

– Остановить процесс передачи данных! Сесть на пол. За выступ

терминала. Живо! Исполнять! – Шодан щелкнула пальцами, и в проеме дверей появился домашний сервомеханизм, внешне неотличимый от того, который доставил информацию.

– Подойди к терминалу, активируй соединение! – Отдавая приказы, Шодан переместилась так, чтобы заслонить окно.

Когда бытовой дройд исполнил распоряжение, она сместилась, открывая предполагаемым наблюдателям обзор, и тут же, подтверждая ее догадку, сдавленно пискнул простейший датчик охранной системы.

Направленное излучение…

Флора подсознательно готовилась к подобному обороту событий, за несколько секунд она вспомнила и проанализировала возможности городского оборудования, которое могло использоваться в целях слежки за ее домом, но произошедшее в следующий миг буквально выбило почву из-под ног, швырнув душу в бездонную пропасть…

Отдаленный хлопок выстрела слился со звоном разбитого стекла, и застывшего у компьютерного терминала бытового андроида с невероятной силой ударило в грудь, швырнуло об стену и оставило лежать на полу, переломленного пополам, с огромной дымящейся дырой в корпусе.

Флора ничком упала на пол, машинально откатившись к стене, и следующая пуля, выпущенная из крупнокалиберного оружия, прошила пустоту на уровне человеческой головы, пробила навылет стену гостиной, и…

Шодан поняла – стреляли в нее.

Следующий выстрел разнес компьютерный терминал.

Они не станут врываться сюда… Источник информации, по их мнению, уничтожен. Проще подставить кого-либо, имитировав техническую поломку в системе сервомеханизма, завладевшего оружием и принявшегося палить в людей, или оставить тело стрелка, имитировав самоубийство… Скорее спишут на ревность. Жертвой может стать тот же Лорген. Только сначала… Сначала они поквитаются с Иваном.

Предательство.

Он и только он был прав, увидев сущность людей, окруживших его во Дворце Правосудия.

Мутное болото, а не озеро…

Флоре стало жутко.

Вставать нельзя. За домом следят, но систем проникающего обнаружения в распоряжении убийц нет.

Найв… Не двигайтесь. Кто-то еще может прочесть мои мысли?

Нет. Я не чувствую других эмгланов.

Кто стрелял, можешь определить?
Серв. Он уже убрался с позиции…
Хорошо. Повторяю – не двигайтесь.

* * *

Флора ползком добралась до разбитого терминала. Спрятавшийся за ним андроид, к счастью, не пострадал, она вовремя сообразила и вывела его из-под вероятного удара.

– Следуй за мной. Ползком.

Оказавшись в столовой, окна которой выходили в сад, Флора коснулась сенсора, активируя антирадиационную защиту. Массивные металлопластиковые жалюзи, предохраняющие помещение в периоды редких солнечных вспышек, медленно опустились, автоматически включился свет, Флора встала, брезгливо отряхнувшись, и решительно направилась к стойке.

Взяв нож, она начала закатывать правый рукав, намереваясь извлечь из-под кожи персональный датчик.

– Это бунт? – заинтересованно спросил внимательно наблюдавший за нею Райбен.

Флора обожгла его колючим взглядом.

– Ты не понял суть происходящего?

– Понял. Только не нужно вскрывать себе вены. Позволь? – Указательный палец метаморфа превратился в отросток с присоской. – Думаю, смогу обойтись без крови.

Флора спокойно протянула руку.

– Действуй. Только быстрее. Ивану грозит опасность.

– Думаю, нам тоже, – проворчал Райбен, неуловимым движением выбросив на поднос крошечный шарик личного датчика.

– Найв, твоя очередь.

Эмглан протянул руку.

– Больно не будет. – Флора ласково коснулась его затылка.

– Меня беспокоит твоя боль, Шодан. Ты сейчас способна убивать.

– Меня предали.

– Нас всех предали.

– А мне нравится бунт. – Райбен выбросил на поднос еще один шарик. – Келган будет очень сильно удивлен. Он не думал, что зацепит три сатта сразу.

– Келган сошел с ума от высокомерия, – яростно выдохнула Флора. – Он не понимает, что Иван не солгал ни в чувствах, ни в словах. Может, он и

не принес на вчерашний вечер явных доказательств своей правоты, но…

– Флора, не горячись. Явных доказательств пока что нет ни у кого. Вопрос, как мы их добудем. А для Келгана и совета саттов спокойствие в городе превыше всего.

– Спокойствие, которое обернется сотнями смертей, если Иван прав хотя бы наполовину!..

– Мы с тобой попробуем мыслить здраво и отыскать необходимые доказательства, способные убедить Совет. Улики против Келгана в моей голове. – Найв невесело усмехнулся. – Так что берегите меня.

На поднос со стуком упал третий шарик.

– Вот и все, – произнес Райбен. – Мы дома. Совещаемся. Пока разберутся, что к чему… Кстати, Флора, как нам выбраться из твоей усадьбы? Ты подумала об этом?

Шодан кивнула в сторону андроида, обладавшего некоей бесценной информацией.

– Он выведет нас. По системе сточной канализации.

– Ты сможешь? – обратился метаморф к человекоподобной машине. – Назови свой код. Как к тебе обращаться?

– Код «К-237».

– Хорошо. «К-237», ты слышал задание? Сможешь вывести нас из данного строения по системе слива дождевых вод?

– Конечный пункт маршрута?

– Рубеж, – коротко осведомила его Флора.

– У меня приказ передать информацию.

– Ты будешь пререкаться с людьми? – удивленно спросил эмглан. – Слышал, что тебе приказали? Исполняй, а то…

– Не нужно угроз, сэр. Пока не передана информация, я полностью подчиняюсь Флоре Шодан.

– Тогда выведи нас отсюда. Безопасным маршрутом. Безопасным – значит, тем, где нет датчиков обнаружения. Понял? – уточнила Флора.

– Задача ясна, – бесстрастно ответил андроид.

– Тогда вперед.

– Мы не возьмем оружия? – поинтересовался Найв.

– Я взяла, а вам незачем. Прикрою, если что.

– А я, знаешь, привык руками. – Метаморфу, похоже, нравилось начавшееся приключение, и он не пытался скрыть свое удовольствие от происходящего.

* * *

Система городской ливневой канализации была проложена не людьми. Как и основание города, огромные цилиндрические тоннели вырезались в толще горных пород при помощи неизвестного инструмента. Продуманная система коммуникаций проходила внутри каждой искусственно созданной каменной террасы, которые образовывали пирамидальную архитектуру выстроенного уже людьми мегаполиса.

Особняки жителей города возводились с учетом наличия необходимых коммунальных структур, поэтому попасть в систему ливневой канализации, через которую сбрасывались дождевые воды, не составило труда – один из люков дренажной системы располагался во внутреннем дворе усадьбы Флоры.

– Мрачновато тут, – прокомментировал Райбен условия освещенности в уходящем под небольшим отрицательным углом тоннеле.

– Можно подумать, ты не способен видеть в темноте.

– Я могу включить подсветку, – предложил андроид.

– Было бы кстати, – проворчал эмглан, не привыкший к подобным путешествиям. Для Найва длительные физические усилия вообще относились к разряду экзотики, он привык путешествовать по городу *мысленно*.

– Как рассчитываешь действовать дальше, Шодан? – уже серьезно осведомился метаморф, когда плечевые прожекторы андроида осветили тоннель и они начали движение.

– Нужно отыскать Ивана. Только он сможет оценить важность или бесполезность доставленной дройдом информации.

– Согласен. Но я спросил – что дальше? Контакт с Иваном подразумевался.

– Дальше мы будем действовать по обстоятельствам, – ответила Флора. – Я думаю, придется покинуть город и совершить путешествие к месту крушения истребителя – Иван упоминал о такой необходимости.

– Пешком?! – ужаснулся эмглан.

– У сатта воинов есть машины. Я поговорю с Анжи.

– Он нас выдаст.

– Не думаю. – Флора упрямо встряхнула головой. – Анжи чем-то похож на Ивана. Он воин.

– С каких пор статус «воина» приобрел такой неоспоримый авторитет в твоих глазах, Флора?

– Я много пережила за последние дни. Воины рискуют жизнью. Каждый день. Они единственные, кто сумел побороть свой страх, кто не соблазнился гарантированной серой вечностью городского существования.

– Сильно сказано. Почему же ты не задержалась в сатте воинов?

– Я тогда была еще совсем юной. Мне казалось что Рубеж – это романтично. На самом деле – там риск. Ежечасный, ежесекундный риск. Я не выдержала, – призналась Шодан. – А потом не решилась вернуться, стала оперативником.

– Знакомое чувство, – вздохнул Райбен в унисон собственным мыслям. – Компромисс между скукой и реальной угрозой смерти. Если вдуматься, то наше приключение может обернуться радикальными переменами для всех живущих на Роке…

– Разве ты еще не понял, что перемены наступят вне зависимости от нас? – Флора обернулась и посмотрела на Райбена. – Иван предполагает, что генетические модификаторы, изменившие наших предков, кто-то создал. И теперь я склонна ему верить. Тем более, есть вероятность, что поработавшая над биосферой Рока сила вновь очнулась или вернулась… не знаю. Но перемены придут к нам. И меньшее, что можно сделать, – встретить их не слепым стадом, готовым к закланию… Ты понимаешь меня?

– Смутно. Но я готов дождаться встречи с Иваном. Только скажи, для чего он ушел на Рубеж? Вы вправду с ним поссорились?

– Думаю, он ушел, чтобы отвести от меня месть Келгана.

– Я начинаю его уважать. – Райбен, несмотря ни на что, пребывал в хорошем расположении духа. – Не представляю мужчину, способного не просто спорить с тобой, а поступить по-своему вопреки твоей воле, Шодан. Поверь, он – скала.

– Хватит, – осадила его Флора. – Иван оказался прав, хотя и недооценил мстительность Келгана.

– Хм… Обычно ты из мужиков вила веревки…

– Райбен, заткнись. Ляпнешь что-то подобное при Иване, я…

– Шодан, умолкаю. Из меня вить ничего не нужно, настанет случай, сам все сделаю.

– Ты неисправим.

– Какой есть…

Андроид, двигавшийся впереди, остановился.

– Что такое?

– Нужно менять направление. Но не представляю, как перейти на следующий уровень, мисс Флора. – Рука сервомеханизма указала на перепад высот. – Я взберусь, а вам туда не попасть.

– Райбен, как насчет «витья веревок»? – Флора насмешливо посмотрела на метаморфа.

– Вот влип… – наигранно расстроился тот. – Я же не думал, что подобный случай представится так быстро…

Они все еще шутили, пытались создать видимость *приключения*, не подозревая, какие жестокие испытания ждут их впереди.

Глава 6

Планета Рок. Система древних укреплений

Рубеж протянулся в ночи, будто река света, плавно огибающая некоторые детали рельефа.

С обеих сторон его ограничивали отвесные, неприступные скалы.

Время тут резко уходило в прошлое, по крайней мере, субъективные ощущения Ивана толкали рассудок к подобному выводу. Две стены, одна тридцати метров в высоту – внутренняя и двадцатиметровой высоты – наружная, образовывали основу Рубежа. Через равные промежутки возвышались конические башни – все было *вырезано* из прочных базальтовых горных пород. Между двумя гладко ошлифованными стенами Рубежа зажата стометровая полоса запретной зоны – каменного мешка, простреливаемого коридора, где незваного гостя ждала лишь смерть.

Почему время казалось Ивану отброшенным вспять?

Наверное, из-за архитектуры Рубежа и технологий, применявшихся для его охраны. Высокие стены, укрепленные башни, примитивная электроника, стрелковое вооружение, даже не времен Галактической войны, а эпохи Великого Исхода. Фрагмент данности, застывший на уровне далекого прошлого, словно тут всего пару лет назад коснулся планетной тверди колониальный транспорт Первого Рывка и машины, зачистив зону посадки от исконных жизненных форм, возвели периметр защиты, протянув линию сплошных укреплений, отгородив зарождающийся очаг цивилизации людей от губительного воздействия чуждой биосферы.

Нет, машины, будь они предоставлены сами себе, выстроили бы все иначе… – подумал Иван, отпирая массивную металлическую калитку. Постройки Рубежа резко контрастировали с архитектурой мегаполиса, от защитных сооружений веяло чем-то древним, труднообъяснимым, проходящим на уровне чувств.

Почему здесь нет машин? – спрашивал себя Таманцев. – *В городе полно сервомеханизмов, но границу между освоенными территориями и остальной площадью материка охраняют исключительно люди?*

Очень много странного, если не сказать – загадочного, видел Иван. Однако объяснить что-либо новичку не спешили. Создавалось ощущение, что его сейчас бросали, словно котенка в пруд: выплывешь – будешь жить, утонешь, испугаешься, не сможешь в минуту опасности защитить себя и других – твои проблемы.

Рубеж глухо ждал. Он, как и город, желал испытать чужака на прочность.

Железная калитка лязгнула, закрываясь за спиной. После яркого прожекторного света пространство между стенами казалось погруженным во мрак.

Будь тут в наличии хоть малая толика современных технологий, то присутствие людей вряд ли бы понадобилось. Кибернетические системы охраны – нетребовательные, надежные, самодостаточные – отлично зарекомендовали себя в недавно образованных колониях.

Иван зарядил автомат и шагнул в пространство между двумя стенами. Впереди лежали пять километров пути – его зона патрулирования. Легкая экипировка не сковывала движений, по нервам била неестественная тишина, в которой невольно ждешь резкого, тревожного звука срабатывания системы охранной сигнализации. Молчал и коммуникатор, стационарные посты, расположенные в башнях, станут вызывать его только по необходимости.

Он медленно пошел в заданном стенами направлении, первая сотня метров далась с напряжением, но предчувствия не оправдывались, и он постепенно перестал напрягаться, позволив мыслям течь в такт шагам. Душа Ивана словно смешалась с сумраком, растворилась в нем, стало легко, спокойно, мысли изменились: он ощущал ладонью прохладную сталь «АРГ-8», почему-то в груди зародилась и уже не покидала уверенность – случись что-то непредвиденное – оружие не подведет.

…К исходу второго километра пути, ответив на несколько вызовов от тех, кто нес службу на башнях, Иван окончательно успокоился: больше не давила неопределенность, в замкнутом стенами пространстве «запретки» все воспринималось иначе, мир поделился на черное и белое, на тех, кому тут дозволено быть, и тех, кто может прийти извне.

Со щемящей грустью вернулись воспоминания о Флоре. Она ведь не так далеко, в каких-то пятидесяти километрах отсюда. Огней города не видно за высокой стеной, но воображение легко ткало нить иллюзии, Ивану стало казаться, что она даже ближе, чем полагал здравый смысл. Или думает сейчас о нем? Словно их души не расставались, и частичка ее сознания сейчас кружит где-то рядом.

Откуда я могу знать? Может быть, так и есть?

Мысли Ивана нарушил тонкий предупреждающий сигнал. Приближался блокпост, там, где в стенах периметра смутно очерчивались контуры ворот. Жадные лучи прожекторов ворочались из стороны в сторону, выискивали что-то, изредка били в глаза, по коммуникатору

пришел очередной запрос, Иван ответил условной фразой, и столбы света отвернулись, потеряв к нему всякий интерес.

…К полуночи он дошел до отметки границы сектора и повернул назад.

Еще на построении, перед выходом на посты, Таманцев заметил, что лишь он один воспользовался шлемом БСК из комплекта экипировки.

Остальные воины пренебрегали той малостью электронных систем, что сохранились за тысячелетие существования колонии. Они больше полагались на свои чувства, обострившиеся в результате полученных изменений. В условиях Рока такой подход, наверное, был справедлив, но Иван еще не настолько освоился, чтобы отказаться от привычного, дающего чувство уверенности набора сканирующих устройств.

Сейчас особенно остро ощущалась двойственность восприятия мира, временами ему начинало казаться, что некоторые чувства обманывают его, или шлем БСК действительно мешал – один вид восприятия наслаивался на другой, создавая путаницу в ощущениях.

Почему ему кажется, что Флора где-то рядом?

Мысли о ней не отпускали. Вокруг царила необыкновенная тишина, и тем неожиданнее, тем резче внезапно взвизгнул сигнализатор аларм-процессора, фиксируя направленное на него излучение.

Рефлексы отработали мгновенно. Иван едва успел осознать сигнал тревоги, как тут же оказался за закруглением ближайшей башни, а секундой позже одиночный выстрел из крупнокалиберного оружия порвал звонкую тишину, пуля с ноющим звуком ударила о камень и ушла в рикошет, выбив сноп искр.

Таманцев не открыл немедленно ответный огонь: от стрелка его закрывал закругляющийся выступ стены, индикатор направленного излучения тревожно помаргивал, сигнализируя, что он все еще на прицеле, вариатор целей проекционного забрала после недолгого перебора сигнатур оконтурил алым условное обозначение человекоподобной машины.

Серв?

Иван не спешил. Прежде чем покинуть укрытие, он прислушался к своим ощущениям. Рядом со стрелявшим в него дройдом находился кто-то живой. Однако, даже учитывая свой мизерный опыт, Таманцев сумел определить, что человек находится без сознания.

Вызовов по связи не поступало, хотя воины на верхней площадке укрепления не могли не слышать выстрела.

Да, но они не фиксировали серва. Сколько ни напрягай приобретенные в результате мутации способности, механизм с их

помощью не обнаружить.

Таманцев понял – действовать придется самому. Он чуть подался вперед, провоцируя андроида не на выстрел, но на движение – тому нужно сместиться лишь на пару метров в сторону, чтобы мишень вновь оказалась на линии огня.

Давай!.. – мысленно подстегнул его Иван, приготовившись открыть огонь, как только механизм начнет движение и его контур перестанет сливаться с сигналом личного датчика, исходящим от потерявшего сознание человека.

Есть…

Короткая очередь «АРГ-8» разорвала вновь наступившую тишину, хоботок пламени на срезе компенсатора разогнал тьму частыми вспышками, на гребне внутренней стены что-то сверкнуло, и сервомеханизм, сорвавшись с тридцатиметровой высоты, с лязгом рухнул на каменное покрытие запретной зоны.

Вокруг все пришло в движение: вновь заворочались прожектора, тонко заверещал коммуникатор Таманцева, в мечущихся столбах света промелькнули бегущие фигуры воинов, отбросившие длинные тени.

– Таманцев, слушаю.

– Васибо на связи. Что за стрельба?

– На меня покушался сервомеханизм, – спокойно ответил Иван.

– Иду. Ничего не трогай.

* * *

Неожиданное происшествие взбудоражило сатт воинов.

Васибо, тщательно осмотревший рухнувшего со стены серва, в манипуляторах которого была крепко зажата крупнокалиберная модификация «АРГ-8», лишь покачал головой, потом посветил фонарем на выщербину, оставленную пулей, и произнес:

– Крепко ты насолил кому-то, парень. Пойду докладывать Лаймелу.

– А что с человеком на стене? Чувства меня не обманули? Он без сознания?

– Да, – неохотно ответил Васибо. – Не нравится мне происходящее. Знаешь, кто там наверху?

– Нет, конечно.

– Николай Лорген. Сын Ричарда Лоргена, старейшины сатта Теней. Похоже, его приволок сюда дройд, которого ты срезал.

– Зачем?

– Ник был влюблен во Флору. Все знали о его страсти. Интрига, но

зашла она слишком далеко. Кто-то решил убрать тебя, а подставить Николая.

– Смысл?

– Ты кому-то мешаешь. А Лоргена признали бы невменяемым. Ну, помешался на почве ревности, с кем не бывает? Вот только помешательство, сопровождаемое стрельбой, мне лично не нравится.

– Мне тоже, – согласился Таманцев.

– Ладно, разберемся, – буркнул Васибо. – Надеюсь, ты не станешь предъявлять претензии парню?

– Свои претензии я уже предъявил, – ответил Иван, указав на разбитый сервомеханизм. – Тому, кто стрелял.

Васибо одобрительно посмотрел на Таманцева, хотел что-то сказать, но осекся, насторожившись.

– Не пойму… Кто-то приближается… Без личных датчиков. – Он резко обернулся, подозвав ближайшего воина. – Вслушайся. Что-нибудь чувствуешь?

Иван, хоть обращались не к нему, также напрягся.

– Метаморф. С ним еще двое. Не могу разобрать кто.

– Где они?

– Под землей. В тоннелях.

– Проклятье. – Васибо уже готов был объявить тревогу, но его остановил Иван:

– Подожди. Мне кажется, я чувствую Шодан. Она где-то рядом.

– Дитрих! – зычно выкрикнул Васибо. – Живо подойди сюда.

Раньше Дитриха появился заспанный и злой Лаймел.

– Что происходит? – резко осведомился он, мельком посмотрев на Таманцева.

– Сейчас выясним. Дитрих!

– Да тут я.

– Тоннели. По ним кто-то движется. Личных датчиков не зафиксировано, но он, – Васибо указал на Ивана, – утверждает, что узнал ментальную ауру Флоры Шодан. Проверь.

Дитрих некоторое время стоял неподвижно, затем произнес:

– Они в ливневой канализации. Движутся к ближайшему выходу на поверхность. Я ручаюсь – там Райбен и Флора. Возможно, с ними Найв.

– Где точка выхода? – спросил Лаймел.

– Метров двести отсюда.

– Бегом. Окружить люк. Огня не открывать, но и не медлить, если это не они.

* * *

Когда из открытого люка появился Райбен, а вслед за ним Флора и Найв, воины, окружившие лаз, отступили в стороны. Последним из тоннеля выбрался сервомеханизм.

– Так. – Лаймел посмотрел на Флору и сказал: – Вы трое следуете за мной. Таманцев, ты тоже. Серва своего не забудьте. Остальные – по постам.

Объяснения в личных апартаментах главы сатта воинов длились недолго. Флора быстро изложила всю хронологию событий и логику принятия решений, Иван также рассказал о произошедшем в пределах Рубежа инциденте.

– Значит, Келган решил, что ему теперь позволено убивать? – Анжи хмуро посмотрел на собравшихся, машинально барабаня пальцами по столу.

– Келган сейчас – меньшее из зол, что грозят городу, – неожиданно произнес Таманцев.

– Поясни! – потребовал Лаймел. – А ты, – он повернулся к Флоре, – пока подумай, мне нужна действительно убедительная причина, по которой вы решились на удаление личных датчиков.

– Анжи, – Флора гневно и недоуменно посмотрела на Лаймела. – Ты считаешь выстрел в спину недостаточной причиной для нарушения *правил?!* – Она выделила последнее слово едва ли не презрительной интонацией. – До чего мы докатились, подумай? Я должна была оставить себе личный датчик, чтобы Келган имел возможность в любую минуту знать, где я и куда направить убийц?

– Ладно, не горячись. Я был неправ. Что скажешь? – Лаймел вновь обратился к Таманцеву. – Какие опасности грозят нам, кроме диких метаморфов и явного помешательства главы сатта избранных?

– Я постараюсь быть кратким. – Иван повернулся к Найву. – И не буду закрывать свои мысли. Пусть способности эмглана станут гарантией того, что я говорю правду.

– Согласен. – Лаймел включил коммуникатор. – Васибо, поднимись ко мне. – Он вдруг подмигнул Ивану и добавил: – Тебе ведь нет разницы – один эмглан или два?

– Никакой, – пожал плечами Таманцев.

* * *

Спустя полчаса, когда он изложил суть своих опасений, попутно введя присутствующих в курс современной истории Обитаемой Галактики,

Лаймел уже не выглядел столь беспечным. Он отвечал за Рубеж, а значит, и за безопасность города.

– Насколько я понял, прямых доказательств у тебя нет?

– Нападение на Орана так и не нашло разумного объяснения, – напомнила Флора. – Оно согласуется только с технологиями развитых миров Обитаемой Галактики.

– Ладно. Я согласен. Но чего нам ждать? Нападения ганианцев или возвращения тех, кто когда-то создал генетические модификаторы?

– Я смогу ответить, только осмотрев обломки истребителя.

– Что для этого нужно? Отпустить тебя с Рубежа? Дать охрану в сопровождение?

– Думаю, будет лучше, если все участники сегодняшних событий на время исчезнут из города, – ответил Иван. – Но, чтобы добраться до места крушения, необходима специальная техника, например планетарная машина, способная защитить экипаж, в том числе и от диких метаморфов.

– Есть у меня одна, – кивнул Лаймел.

– А как быть с Келганом? – насупилась Флора.

– Не горячиться. Дождемся результатов разведки, тогда и будем решать.

– Как всегда… – усмехнулась Флора. – Лаймел, ты не задумывался над тем, что чрезмерная осторожность – тоже порок?

– Шодан, уймись. Я и так многим рискую, прикрывая вас. Забирайте вездеход. И чем быстрее вы получите конкретную информацию, тем будет лучше для всех. Все, большего от меня сейчас не просите.

Флора наклонилась к Ивану.

– Что скажешь?

– Не акцентируй внимание на дройде. Заберем его с собой. Об остальном – потом…

– Хватит шептаться. Вы едете?

– Да. Спасибо, Лаймел.

* * *

Наступал рассвет, когда древняя планетарная машина покинула пределы Рубежа, направляясь по Дороге Отчаянья к месту крушения истребителя Таманцева.

Вездеходом управлял Райбен. Иван, подключив дройда к резервному компьютерному терминалу, просматривал информацию, полученную из информатория сатта избранных.

Флора задремала под монотонное покачивание, прижавшись к плечу

Ивана.

За несколько часов, прошедших после инцидента на Рубеже, они ни словом не обмолвились о своих чувствах.

Удивительный мир Рока позволял обходиться без слов. Здесь восприятие расширялось, эмоции становились явными, пронзительными, если человек намеренно не скрывал их, приходило внезапное осознание глубины некоторых, часто затертых до неприличия понятий.

Любовь, смерть, ненависть, равнодушие – все приобретало неожиданную глубину, объем, кричащую остроту – по крайней мере, так ощущал реальность Таманцев.

Он просматривал информацию, одновременно впитывая тепло любимой, тепло не физическое, но ментальное, имевшее свои оттенки, в зависимости от мыслей и образов, что вспыхивали и гасли в рассудке задремавшей на его плече Флоры.

Иван усилием воли заставил себя вернуться к просмотру данных.

Ничего. Вот уже час он искал хоть какую-нибудь зацепку и не находил ее. Исследования биосферы действительно проводились, но они не дали результата, способного прояснить природу мутаций. Ничего удивительного. Если источником изменений служат несколько различных штаммов генетических модификаторов – устойчивых соединений, постоянно присутствующих в атмосфере, способных статично ждать появления *цели* на протяжении миллионов лет, то выяснить механизм их воздействия на организм человека при помощи аппаратуры колониального транспорта – задача практически невыполнимая, особенно учитывая то, скольких специалистов потерял экипаж «Надежды» в первые месяцы после посадки.

Изучив документы, относившиеся к биологическим исследованиям, и не найдя в них ничего, способного пролить свет на природу и механизмы произошедших мутаций, Иван перешел к информации, относящейся к картографии планеты.

Рок имел всего один материк, со всех сторон окруженный океаном.

Здесь Таманцева ожидало столь необходимое сейчас открытие. Сатт Валторн, командир основного модуля колониального транспорта «Надежда», перед тем как направить корабль в зону посадки, произвел тщательную орбитальную разведку. Среди материалов, доставленных андроидом, был полный отчет по предварительной разведке Рока со снимками поверхности материка и заметками командира «Надежды».

Теперь Таманцеву стало ясно, почему колониальный транспорт осуществил посадку в отдалении от современного города.

Сатт Валторн прекрасно понимал, что на снимках, сделанных

разведзондами, видны следы деятельности иной цивилизации, и разумно опасался совершать посадку в непосредственной близости от монументальных, но кажущихся покинутыми построек. Оказалось, что Рубеж и расположенные за ним террасы, вырезанные в скалах, – не единственный след, оставленный на поверхности Рока деятельностью загадочных существ. Приблизительно в середине материка возвышался еще один горный хребет, и среди его пиков аппараты разведки зафиксировали комплекс сооружений, получивший название «Коготь».

Сатт Валторн выбрал точку для приземления примерно на равном удалении от Рубежа и «Когтя», намереваясь отправить к древним строениями разведывательные группы, но его планы были нарушены – сразу после посадки начались известные трагические события, в результате которых остатки колонистов увели всю технику к Рубежу, основав город на вырезанных в скалах террасах.

Однако Сатт Валторн, возглавивший колонию, не забыл о существовании «Когтя» – странного, обособленного комплекса сооружений, спрятанного в труднопроходимой горной местности.

Когда жизнь в колонии постепенно начала налаживаться, он собрал экспедицию и отправился к зафиксированным разведзондами постройкам, желая выяснить их предназначение.

Как свидетельствовали документы, экспедиция не вернулась.

Сатт Валторн и еще два десятка сопровождавших его людей бесследно исчезли. Что на самом деле произошло с группой первопроходцев, оставалось лишь гадать, их поиски были недолгими и безрезультатными. Больше попытки исследовать «Коготь» не предпринимались.

Глядя на сделанные более тысячи лет назад снимки, Иван по необычному виду построек, не имеющих, на его взгляд, аналогов среди известных архитектурных стилей и решений, присущих расам древнего космоса, предположил, что комплекс «Когтя», в отличие от Рубежа и террас современного города, – пример завершенного строительства.

Центральное строение, вздымавшееся на высоту ста пятидесяти метров, окружали постройки меньшего масштаба, следов разрушительного влияния времени не наблюдалось, к «Когтю», расположенному в труднодоступной горной местности, не вело явных дорог, зато среди сооружений взгляд пилота четко угадывал наличие посадочных площадок для небольших космических кораблей.

– Нашел что-то интересное? – раздался за спиной Таманцева голос Райбена.

– Нашел. – Иван слегка пододвинулся, стараясь не разбудить Флору. – Вот взгляни.

Метаморф некоторое время рассматривал снимки, затем высказал свое мнение:

– Похоже на изолированное поселение.

– Или лабораторный комплекс, – дополнил Иван. – При попытке исследовать его исчез Сатт Валторн.

– Даже так? – Райбен нахмурился. – Надо бы проверить? Как считаешь?

– Туда сложно добраться. Планетарная машина пройдет только предгорья. Дальше – пешком, без снаряжения. Как ты себе это представляешь?

– Просто, – пожал плечами метаморф. – Часть оборудования можно поискать на месте посадки колониального транспорта. На особо сложных участках я помогу.

– В смысле? – не понял Иван.

– В прямом. Я метаморф. Спроси у Флоры, она тебе расскажет, как правильно вить из меня веревки, – беззлобно усмехнулся Райбен.

– Тогда нужно откорректировать курс.

– Незачем. Путь Обреченных оканчивается Поляной Ужаса. Мимо не пройдем.

– Кстати. – Иван посмотрел на метаморфа. – А кто тебя подменил? Найв?

– Найв спит. Я разобрался с автопилотом.

– Умеешь обращаться с техникой?

– А ты как думал?

– Я ничего не думал. Сколько тебе лет, Райбен?

– Много, – уклончиво ответил метаморф. – Достаточно, чтобы помнить, как включается автопилот в вездеходе.

Флора проснулась и прислушалась к их разговору.

Иван обнял ее.

– Я пропустила что-то важное?

– Вот, взгляни. – Он указал на монитор. – Мы с Райбеном говорили по поводу построек, обнаруженных в горах. Возможно, там таится разгадка трагедии части колонистов с «Надежды».

* * *

Райбен вернулся в кабину управления, до места исторической посадки колониального транспорта оставалось менее пятидесяти километров.

Найв по-прежнему дремал, не проявляя никакого интереса к происходящим вокруг событиям. Подобное поведение казалось Ивану несколько странным, но кто разберет, что на самом деле воспринимает эмглан: внешние проявления или скрытые за ними мысли окружающих?

Иван развернулся вместе с креслом.

– Флора, скажи, животные Рока подвержены изменениям? – Он уже не раз задавал подобный вопрос, в том числе и самому себе, но пока не нашел однозначного ответа.

Она задумалась, но не надолго.

– Нет. Я не встречала исконных обитателей планеты в форме теней. За метаморфов не ручаюсь, они изменчивы, определить их исходную форму крайне трудно…

– Хорошо, милая, а эмгланы?

– Диких эмгланов я точно не встречала. – Флору невольно передернуло. – Нет, ручаюсь, они не могут жить вне города. В природе слишком много губительных для них ментальных явлений. Эмгланы очень чувствительны к любым проявлениям борьбы за существование, ведь они воспринимают не только мысли, но и неосознанные мнемонические сигналы, такие, к примеру, как ментальная боль.

– Подожди, я не совсем понимаю…

– Любое животное, испытывающее боль или агонию, будет источником мнемонического сигнала. Причем в природе всплески отрицательно окрашенных энергий происходят намного чаще и сильнее, чем положительные.

– Выходит, за пределами Рубежа эмгланы практически бессильны?

– Не бессильны, но уязвимы. Или, если выражаться точнее, ранимы.

– А как же Найв?

– Я забочусь о нем. – Флора взглянула на Ивана. – Он нуждается в защите.

– Подожди, а ты можешь его защитить? – В глазах Таманцева появился блеск.

– Ты что, ревнуешь?

– Да нет же, успокойся, расскажи мне подробнее. Ты можешь защитить эмглана?

– Могу. Да он и сам не так слаб, как другие.

– То есть тренировка, жизненная закалка делают их сильнее?

– Отчасти.

Иван задумался. Он все ближе подходил к разгадке изменений, настигших людей в реальности Рока, но пока из интуитивных

предчувствий не складывалось четких формулировок.

Например, только что он узнал о существующей взаимосвязи между эмгланами и тенями.

– Флора, а Найв когда-нибудь просил тебя о защите?

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

– Хочу понять – защищая эмглана от пагубных внешних воздействий, ты поступаешь сознательно или рефлекторно, машинально?

– Хороший вопрос… Никогда не думала об этом… – Флора нахмурилась. – Знаешь, Иван, а ведь ты прав… – спустя некоторое время призналась она. – Во многих случаях, защищая эмглана от негативных ментальных воздействий, я использовала свои возможности машинально…

– Такая связь взаимна, – внезапно произнес Найв, который, как казалось, по-прежнему дремал в своем кресле. – Тени, эмгланы и метаморфы в критической ситуации станут защищать друг друга в меру своих способностей.

– Откуда ты знаешь? – обернулась к нему Флора.

– Это рефлексы, полученные вместе с изменением. Просто жизнь в городе и особенности человеческого мышления притупили их со временем. Советую не торопиться с выводами, Иван. Думаю, обнаружим мы что-то в обломках твоего истребителя или нет, разгадку Рока действительно нужно искать в неисследованном комплексе «Когтя».

* * *

К месту крушения истребителя они добрались лишь к вечеру. Дорога, занявшая у Ивана больше недели, сейчас промелькнула незаметно.

Ему казалось, что уже прошла целая вечность, а на самом деле минуло всего десять дней с того момента, как «Фантом» вышел из аномалии космоса в границах стратосферы Рока.

Место падения обломков было отмечено следами очагового пожара.

Туша животного, подстреленного Иваном, исчезла, видимо, ее растерзали хищные звери, не оставив даже костей.

– Итак, что мы ищем? – осведомился Райбен, когда вездеход остановился на сухом островке среди болотистой низины.

Иван раздал всем самодельные детекторы, которые успел собрать во время пути.

– Ищем и обозначаем все обломки машины. Затем я осмотрю их. Особенно меня интересуют секции гипердрайва, их можно отличить по цилиндрической форме и усиленной обшивке.

– Понятно. – Райбен демонстрировал обычную жизнерадостность,

казалось, для метаморфа не существует сложных ситуаций, и все происходящее по-прежнему воспринимается им как приключение, способное разогнать надоедливую скуку.

Иван на всякий случай включил программы защиты, подняв две автоматические турели, входящие в штатную комплектацию планетарных машин. Кто его знает, что за «зверушки» обитают в окрестных болотах?

* * *

На поиск и осмотр фрагментов истребителя ушло около трех часов.

Постепенно начинало темнеть, пришлось включить прожектора вездехода. К счастью, при падении большинство обломков не разлетелось далеко, радиус поисков ограничился километровой зоной, густая растительность и заболоченная почва погасили инерцию удара, а места, отмеченные пожаром, существенно облегчали поиск крупных фрагментов.

– Иван, мне кажется, я нашел секции гипердрайва, – на исходе третьего часа поисков раздался по связи голос Найва. – Только цилиндры почти затонули в болоте.

– Где ты находишься?

– Не знаю, – честно признал эмглан. – Вокруг темно. Сейчас попробую подать сигнал фонариком.

Заметив вдалеке то проявляющееся, то исчезающее пятно света, Иван сориентировался.

– Оставайся на месте, сейчас подгоню вездеход. Будем вытаскивать обломки из болота.

– Нам возвращаться? – пришел по связи вопрос Флоры.

– Да, возвращайтесь.

Минут через десять, подогнав планетарную машину к месту обнаружения секций гиперпривода, Таманцев передал управление автоматике.

Мощные манипуляторы выдвинулись из брони планетарной машины, погрузились в болото и закрепили буксировочные тросы, затем раздался вибрирующий звук заработавшей лебедки, и из-под мутной поверхности, разгоняя пологие волны болотной жижи, начали медленно появляться обгоревшие части гиперпривода.

Два жестко скрепленных между собой пятиметровых цилиндра отбуксировали на сухой участок, затем при помощи механических манипуляторов машины Иван вскрыл обшивку, освобождая доступ к генераторам низкой и высокой частоты.

– Ты разбираешься в их устройстве? – поинтересовался Райбен, когда

покрытые окалиной керамлитовые плиты уступили напору грубой силы, с глухим ударом рухнув на землю, а в образовавшихся отверстиях в свете мощных прожекторов стали видны непосредственно генераторы гипердрайва.

– Знаю их, как свои пять пальцев, – заверил его Иван, вставая из кресла.

Чтобы осмотреть генераторы, Таманцеву пришлось забраться внутрь отсеков через одну из образовавшихся брешей в обшивке.

Основные контуры гипердрайва не пострадали при крушении, технологическая прочность гиперпривода, отточенная еще во время Галактической войны, позволяла считать данный элемент любого космического корабля неразрушимой конструкцией.

Освещая тесное пространство отсеков ручным фонариком, Иван осмотрел аппаратуру, практически сразу заметив искомое: оба элемента гиперпривода оказались соединены с дополнительным устройством, подключенным к специально установленному накопителю энергии.

Вид темно-серой обшивки неизвестного объекта, его размеры и форма ничего не сказали Таманцеву – он впервые видел подобный агрегат, и тут же сознание слегка помутилось, отмечая начало процесса интенсивного поиска аналога для сравнения в имплантированной памяти, но на этот раз поддержка Флоры и Найва не позволила развиться болезненным ощущениям – легкое недомогание быстро прошло, вместо него появилась уверенность, что ни один человек еще не встречался с подобной конструкцией.

Несмотря на обширный опыт человечества в изучении техники древних космических рас, Таманцев понял – он стал первым, кто видит перед собой это устройство.

Его опасения относительно срежессированности «побега» полностью оправдались, но что дальше?

Он по-прежнему не знал ответа на главный вопрос: кто стоит за тонко просчитанной провокацией и какие цели преследует неведомая сила?

Иван, возвращайся. Ты больше не увидишь ничего нового, – прозвучал в его сознании голос Найва.

И что теперь? Двигаться к «Когтю» в надежде разгадать, кто возвел монументальные сооружения?

Решение загадки, которое казалось таким близким, вновь ускользало.

* * *

Предгорья в утренний час скрывал густой туман.

Планетарная машина двигалась по показаниям приборов. Флора после суток пути вновь задремала, не выдержав изматывающего напряжения неопределенности.

Она поверила Ивану, как и Райбен, но метаморф провел половину дороги в состоянии дремы, не вступая в разговоры и почти не реагируя на происходящее.

Копит силы для восхождения, – подумала Флора, закрывая глаза.

«Коготь» царил над пластами тумана, действительно напоминая не то чуть согнутый в фалангах указательный палец, не то бивень исполинского животного.

От окружающих скал его отличала гладкость поверхности, не поддавшаяся бегу времени, выдающая искусственное происхождение загадочного сооружения.

Иван вел вездеход, стараясь полностью сосредоточиться на управлении, отгоняя ненужные сейчас вопросы и мысли. – Скоро, очень скоро все станет ясно, разгадка Рока таилась тут, и строить гипотезы, находясь фактически у подножия исполинского сооружения, уже не было никакой нужды.

Древняя дорога серпантином уходила ввысь, петляла, огибая острые выветренные горные пики, часто на пути попадались завалы каменных глыб, к счастью, преодолимые. Таманцев не сомневался: кроме обнаруженной ими дороги, существует и другой путь, скорее всего, проложенный по внутрискальным тоннелям, но явного указания на вход в подобные коммуникации они не увидели, а искать его среди нагромождения скал не оставалось времени.

…Через час, преодолев очередную осыпь, Иван остановил планетарную машину.

Дальше дорога обрывалась, впереди зияла неширокая, но неодолимая для вездехода расселина, за которой начинались отвесные утесы.

«Коготь» опирался на них, как на фундамент.

Выбравшись из отсека управления, Таманцев разбудил Флору и Райбена.

– Что случилось? – поинтересовался метаморф.

– Придется идти пешком. Дороги дальше нет, – пояснил Иван.

– Что ж, этого следовало ожидать, – философски заметил Райбен. – Далеко до основания «Когтя»?

– Километра три по прямой. Но перед нами отвесные скалы. И расселина.

Метаморф лишь потянулся в ответ, разминая мышцы.

Флора молчала, собирая приготовленное заранее снаряжение. Ее привычная жизнь рухнула, и только вера в любимого, в его правоту давала ей силы не опустить руки, жить дальше, несмотря на предательство со стороны тех, кого она знала с детства.

Покинув вездеход, они осмотрелись.

Райбен подошел к краю расселины, заглянул вниз, затем оглянулся на Ивана, распаковывавшего сооруженное из подручных материалов альпинистское снаряжение, и, внезапно выгнувшись, с шипящим звуком совершил мгновенное превращение: его руки непропорционально удлинились, куртка, которую он надел скорее из приличия, чем в силу необходимости, лопнула по швам, а мышечная масса стремительно росла, удлиняя конечности метаморфа, вместо пальцев появились загнутые когти, и через несколько секунд характерный скрежещущий звук возвестил о готовности «переправы», – Райбен вытянулся над пропастью, предлагая свое тело в качестве живого висячего моста.

Куда исчезла его голова, понять было трудно, Иван, подойдя к обрыву, видел лишь когти, глубоко и надежно впившиеся в камень, да узловатые, не покрытые кожей мышцы, дрожащие от напряжения.

– Ну, что застыл? – изменившийся голос Райбена отдался эхом в глубине ущелья. – Думаешь, разуваться или нет? Пошел!

Иван не заставил его повторять.

Ступив рифленой подошвой ботинка на оголенную, трепещущую плоть, он лишь на мгновенье испытал чувство дикой неловкости, а затем, поборов его, быстро прошел по живому мосту.

Флора прошла более спокойно, она не в первый раз пользовалась способностями метаморфов для преодоления преград. Любимый фокус Райбена, не гнушавшегося оказывать посильную помощь другим оперативникам.

Последним на другую сторону расселины переправился Найв.

– Ну что? – несколькими мгновениями позже спросил метаморф, принимая более или менее человеческий облик. – Будем стоять и разглядывать скалы?

Его реплика немного разрядила обстановку.

Перед ними высились отвесные кручи, над которыми царила чуть изогнутая вершина «Когтя».

– Готовим снаряжение, – произнес Иван. – Мы с Райбеном поднимаемся первыми, страхуя друг друга.

* * *

Подъем на небольшое плоскогорье отнял половину дня.

Даже метаморфу восхождение далось нелегко, что говорить о Флоре и Найве, которые не имели никаких навыков альпинизма?

Они едва дышали от усталости и нервного напряжения, но впереди их ждали еще большие потрясения.

Несмотря на то что все постройки комплекса «Когтя», так же как и Рубеж, были вырезаны из твердых базальтовых пород, сходства не ощущалось. Куполообразные здания с овальными отверстиями входов и окон несли неизгладимый отпечаток чуждой архитектуры, а возвышавшееся над ними центральное здание, почему-то слегка изогнутое, истончающееся к вершине, казалось, источает глухую угрозу.

– Мрачное место, – первым прокомментировал свои ощущения Найв.

Флора поежилась, оглядываясь по сторонам. Вокруг лишь камень, слегка разреженный холодный воздух, близкие облака, кажется, протяни руку – и дотронешься до них, но чувство угрозы, нависшего, сгущающегося напряжения действительно присутствовало, словно немые постройки признали в них чужаков, вторгшихся на территорию комплекса вопреки запрету.

– Не вижу реальной опасности, – пробурчал Райбен.

Иван достал автоматический пистолет (тяжелую и неудобную при восхождении «АРГ-8» пришлось оставить внизу), снял оружие с предохранителя и негромко скомандовал:

– Вперед. Осматриваем здания по очереди.

В первом «куполе» возвышались остатки непонятных, практически уничтоженных временем устройств. От металлических элементов конструкций не осталось даже ржавой трухи, сохранились лишь металлопластиковые или чисто пластиковые детали, но по их расположению уже невозможно было понять конфигурацию оборудования, изначально наполнявшего здание. Здесь могло располагаться что угодно, и гадать казалось делом бессмысленным.

– Что мы ищем? – спросила Флора.

– Пока точно не знаю, – ответил Иван, обняв ее левой рукой. – Ты дрожишь, – заметил он. – Холодно?

– Нервы, – призналась Флора.

Купола, расположенные по периметру «Когтя», когда-то объединялись герметичными переходами, впервые люди могли наблюдать остатки превратившихся в прах металлоконструкций, даже композитные материалы не выдерживали влияния времени – незащищенные, они истончались под порывами ветра, их шлифовала мельчайшая пыль, поднимаемая с

плоскогорья, пластик выцветал, терял свои свойства и в конечном итоге разрушался под лучами солнца.

Все свидетельствовало о невероятной древности и полной заброшенности комплекса.

– Вряд ли мы найдем тут что-то, способное пролить свет на историю происхождения и предназначение этих сооружений, – высказал свое мнение Найв, когда они осмотрели все «купола» и направились к зияющему, словно открытый в крике рот, входу в здание «Когтя».

– Посмотрим, – упрямо ответил Таманцев. – Если мне на глаза попадется что-то знакомое, будь готов поддержать меня вместе с Флорой.

– Без проблем. А что ты делаешь? – Найв удивленно посмотрел, как Иван совершает какие-то манипуляции со своим имплантом.

– Включаю программу поиска и распознавания зрительных образов с использованием всего объема как собственной, так и имплантированной памяти.

– Ты… Ты будешь работать, как машина?

– Почти. Если мне на глаза попадется что-то узнаваемое, будет осуществлен поиск, в том случае, если он приведет к успешному распознаванию образа, новая информация пройдет логическую обработку, с учетом современной обстановки и большинства накопленных цивилизацией знаний.

– Ты не сойдешь с ума? – встревожилась Флора.

– Не должен. Практика подобных включений почти не исследована. Автономное использование собственного мозга как сверхпроизводительного компьютера используется лишь в крайних, критических случаях, когда невозможно подключиться к глобальной межзвездной сети Интерстар.

– И все же подумай, нужно ли так рисковать?

– Я не знаю, какие именно сведения имплантированы в мою память, – ответил Иван. – Из-за произошедшего изменения некоторые из них могут оказаться блокированными. Я боюсь пропустить критически важную информацию. Единственный выход – перевести свой разум в режим «Машина» и открыть тем самым доступ ко всем данным без исключения.

– А что нужно сделать, чтобы вернуть тебя к нормальному для человека состоянию? – поинтересовался Райбен.

– Хороший вопрос. Посмотри, вот микропереключатель в импланте. Просто коснись его.

– Ладно. – Найву и Флоре пришлась не по душе затея Ивана, но они были вынуждены согласиться, что в данном случае риск оправдан. – Мы

будем поддерживать твой рассудок. Но сколько продлится процесс?

– Если я вдруг «вырублюсь», то для верности надо выждать пару часов, – скупо ответил Иван. – Но, надеюсь, до этого не дойдет.

* * *

Внутри «Когтя» царил полумрак.

Многие помещения пустовали, в некоторых угадывалось наличие давно разрушившейся аппаратуры, этажи исполинского здания соединялись между собой спиральными спусками с мелкими, похожими на скошенные ступени элементами.

Когда-то тут, несомненно, имелись лифты или шахты гравитационных подъемников, превратившихся теперь в бездонные, опасные колодцы.

Взгляд Ивана скользил по стенам. Они как раз вышли на третий этаж, когда на фоне камня его взгляд различил надпись, сложенную из непонятных для человека знаков.

На секунду Таманцев остолбенел, узнавая некоторые из символов, затем его губы шевельнулись, и все услышали фразу, произнесенную четким, *неживым голосом:*

– Сектор биологических лабораторий – направо.

Вязкая мгла поглотила его рассудок.

Он потерял способность двигаться, но не мыслить.

Теперь, после прочтения надписи, у него не осталось сомнений – загадочными существами, оставившими следы своей деятельности на Роке, были *хараммины.*

Мозг Таманцева работал сейчас как аналитическая машина, но мысли и образы, возникающие в сознании, все равно носили форму человеческих размышлений.

Обработка информации происходила на уровне подсознания, а выводы формулировались как собственные, ненасильственные мысли.

«У каждой разумной космической расы рано или поздно наступает свой миг богоподобного безумия, – отрешенно думал Иван, – когда отдельные представители науки, далеко опередив свою эпоху, вдруг преподносят открытия, к которым еще не готова цивилизация в целом.

У нас, к сожалению, подобные «прорывы» сопровождались войнами, даже атомная энергия, прежде чем быть использованной в мирных целях, послужила кровавому делу разрушения и уничтожения, утверждения одних наций над другими…

Хараммины…»

В сознании Таманцева начала вырисовываться четкая,

непротиворечивая картина событий далекого прошлого.

Цивилизация голубокожих гуманоидов к началу губительной миграции предтеч, в корне изменившей историю древнего космоса, еще не успела сделать шаг в эру стремительного техногенного развития, но они сумели перенять от логриан и инсектов часть технологий, позволивших им путешествовать через аномалию космоса.

Синтез собственных и заимствованных технологий дал хараммилам шанс совершить прорыв в космос, начать покорение иных миров раньше, чем предполагало бы их самостоятельное историческое и техническое развитие.

Именно освоение ближайших систем скопления, а затем рывок дальше, в глубокий космос, выявили в их цивилизации группу гениальных ученых, одержимых великими замыслами.

Первая Квота Бессмертных была задумана хараммилами, чья наука шла по пути изучения чуждых биосфер, задолго до известных людям событий.

На планете Рай они проводили эксперименты, равные по своей жестокости и гениальности открытиям физиков двадцатого столетия на Земле.

Они уничтожили животный мир планеты, добиваясь создания идеального существа, живущего вечно, стремясь выделить необходимые биологические компоненты и привить их себе на уровне генетического воздействия.

Судя по долголетию жителей Рока, хараммилам удалось создать биологические микромашины, изменяющие организм, но к моменту завершения исследовательской части в пространстве древнего космоса появилась новая угроза: началась известная людям миграция предтеч, в буквальном смысле «выдавившая» миллиардные семьи инсектов в скопление О’Хара.

Ставило ли вторжение насекомых цивилизацию хараммилов в зависимое либо катастрофическое положение?

По мнению Таманцева – да. Пусть не сразу, а с течением времени семьи инсектов, получившие в результате внезапного *панического* удара превосходство в космосе и новые жизненные пространства, расселились бы по всему скоплению, просто задушив цивилизацию хараммилов своей безудержной экспансивной плодовитостью.

Учитывая разные моральные ценности, такие как пренебрежение жизнью индивида в среде цивилизации инсектов, нетрудно предположить, что хараммины оказались поставлены перед выбором – либо они

принимают создавшееся положение вещей, либо начинают активное сопротивление, но… какими силами?

Вероятно, они могли сражаться в космосе, но на планетной тверди раз за разом проигрывали, оказывались бессильными перед многомиллионными армиями разумных насекомых.

Именно тогда группа ученых, завершившая успешные эксперименты на Рае и занятая окончательными исследованиями в комплексе «Когтя», который использовался уже в качестве полигона для испытания новых жизненных форм, получила задание: создать оружие, способное остановить инсектов.

В результате исследований, направленных на обретение бессмертия, несомненно, были сделаны многие иные открытия, проходящие как промежуточные вехи (удачные либо провальные) на пути к главной цели.

Именно они были востребованы ситуацией, и тут, на территории планеты, которую люди позже назовут «Рок», начали создавать оружие, заточенное против инсектов.

Тени – идеальные разведчики, эмгланы – телепаты, способные читать ментальное поле муравейника, метаморфы – бойцы, единственно способные не только противостоять ордам насекомых на поле боя, но и побеждать их. Учитывая то, что хараммины по строению тел и метаболизму во многом напоминают людей, становилось ясно, почему генетические модификаторы оказали воздействие на колонистов.

Однако та часть древней истории, что известна людям, говорит об ином сценарии развития событий.

Хараммины так и не использовали созданные в лабораториях «Когтя» генетические модификаторы, которые, вероятнее всего, намеревались распылять в атмосферах собственных, атакованных инсектами колоний, чтобы превратить их население в армии беспощадных бойцов.

Почему?

Иван находил только один ответ – миграция предтеч проходила стремительнее, чем ожидалось, гибель расы дельфонов послужила наглядным уроком для всех космических цивилизаций древности. Хараммины поняли, что если не предпринять срочные меры по защите скопления от вторжения неразумных орд, то конфликт с инсектами покажется им простой дракой в песочнице.

Проигрывая по времени, они решились на ряд рискованных, но принесших им победу и безопасность шагов – завладев техническими разработками погибшей цивилизации дельфонов, хараммины получили в свои руки страшный, но неоспоримый козырь – установку, способную

провоцировать вспышки звезд.

Под угрозой уничтожения Логриса[12] они вынудили расу логриан к полному повиновению и сотрудничеству – те приступили к созданию генераторов Вуали, закрывших скопление О'Хара от предтеч, одновременно хараммины поставили в известность планетные цивилизации инсектов, едва освоивших новые жизненные пространства, что их солнца будут взорваны, если те не остановят вторжение и не признают власть истинных хозяев скопления.

Вуаль логрианских устройств закрыла шаровое скопление звезд, исказила линии напряженности аномалии, сделав невозможным переход из внутреннего пространства О'Хара к внешнему космосу.

Лаборатории Рая и Рока оказались изолированными, но идея бессмертия успела прочно укорениться в умах правящей верхушки цивилизации хараамминов, они не желали отказываться от вечного существования.

Хараммины лихорадочно искали способ бесконечного продления жизни и нашли его в технологиях Логриса – единения фантомных вселенных, где обитали бессмертные разумы логриан.

Технология логров была узурпирована хараамминами – презрев законы его создателей, они создали копию уникальной машины, уничтожив при этом оригинал.

Дальнейшая история хорошо известна. Три миллиона лет Квота Бессмертных безраздельно правила в скоплении О'Хара, пользуясь иным принципом бессмертия – копии их разумов, сохраненные в лограх, переносились в клонированные тела, сформировав уже не цивилизацию, а анклав избранных существ, постепенно вырождающихся от скуки и бессмысленности вечного существования.

После проникновения людей через Вуаль логрианских устройств хараммины из числа Квоты, осознав новую угрозу, на этот раз исходящую от человечества, решили нанести превентивный удар по молодой и энергичной цивилизации, способной разрушить их власть, вернув логрианам и инсектам утраченную память о былой независимости.

В результате семидневной войны[13] хараммины потерпели поражение, в пространстве Рукава Пустоты был реанимирован разрушенный миллионы лет назад Логрис, и в конечном итоге пала более ненужная Вуаль логрианских устройств, открыв взглядам людей величественное шаровое скопление звезд.

Квота Бессмертных, ставившая своей задачей уничтожение

человечества, была разбита, лжелогрис уничтожен, и лишь немногие из харамминов сумели ускользнуть из-под ответного удара объединенного флота человеческих миров.

Иван пришел в себя и обнаружил, что он лежит на полу.

Его глаза по-прежнему смотрели на древнюю надпись, но теперь, после обработки известных данных, осмысления событий новейшей и древней истории в контексте новых, полученных на Роке знаний, он не сомневался – кому-то из Квоты удалось выжить и отыскать древние документы, свидетельствующие о первой, истинной попытке обретения цивилизацией харамминов бессмертия.

Теперь он точно знал, кто подготовил и осуществил операцию на Ганио.

Один или несколько членов Квоты хотят вернуть себе утраченное бессмертие и жестоко отомстить людям, заразив биосферы Обитаемых Миров штаммами генетических модификаторов.

Встревоженные глаза Флоры…

Райбен, на лице которого нет обычной усмешки.

Обессиленный Найв, читавший мысли Ивана и передававший их другим.

– Хараммины… – хрипло произнес Таманцев, пытаясь сесть. – Кто-то выживший из Квоты Бессмертных… – Он собрался с силами и добавил: – Здесь обязательно должен быть портал… Нужно отыскать его… Времени очень мало…

Часть третья Ответный удар

Глава 7

3802 год Галактического календаря.

Звездное скопление О’Хара

Планета обращалась вокруг желтого солнца.

Время и деятельность разумных существ давно и бесповоротно изменили ее рельеф и климат – из-за глобального потепления растаяли ледники, большинство поверхности суши поглотил океан, оставив лишь один остров, возвышающийся над бескрайними водными просторами, неприступными стенами скал, о которые бессильно бились пенистые волны прибоя.

Базальтовые утесы, упорно не поддающиеся разрушительному воздействию вод, плавно переходили в черные, будто отлитые из вулканического стекла постройки мегаполиса непривычной для человеческого глаза архитектуры.

Сердце Харма – исполинский город, воздвигнутый в незапамятные времена, являлся символом и оплотом власти харамминов. Его древние чертоги хранили множество тайн. Стены циклопического черного города, построенного рабами-инсектами, простояли уже не один миллион лет. Их, словно тело старого воина, покрывали шрамы и ожоги – свидетельства былых катаклизмов, бунтов, войн…

Здесь возрождались в новых телах члены Квоты Бессмертных, отсюда они управляли многочисленными звездными системами скопления, однако в пределах цитадели жизнь текла плавно, размеренно, будто само понятие «время» теряло свой смысл рядом с существами, живущими вечно.

Гоур, как и большинство харамминов, недолюбливал архитектуру инсектов, но Сердце Харма, куда ни глянь, носило неизгладимый отпечаток культуры разумных насекомых – черный как ночь, глянцевитый материал стен, неподвластный разрушительному бегу времени, являлся не чем иным, как выделениями их желез.

Обслуживали древнее сооружение обычные смертные из числа харамминов, не входящих в Квоту. Под их началом находилось определенное количество рабов – воинов-инсектов и техников-логриан.

Гоур давно потерял счет реинкарнациям своего разума, пробуждающегося в молодых, полных жизненной энергии телах. Таинство переноса последней прижизненной записи матрицы сознания на

биологический носитель происходило в святая святых Сердца Харма – огромном сводчатом зале, где царили технологии, некогда силой вырванные харамминами у логриан.

Первый взгляд на мир…

Очередное перерождение.

Над головой, в туманной дымке силового поля, в медленном и бесконечном танце извивалось нечто, отдаленно похожее на непомерно большой иероглиф, или, если быть точнее, на кристаллическую змею, тысячу раз свернувшуюся в кольца.

Вокруг змеящегося сгустка кристаллов, образуя исполинских размеров круг, тянулись неисчислимые сегменты камер биологической реконструкции.

Несколько тысяч отдельных ячеек, в которых зрели новые тела избранных, молчаливой стеной окружали причудливо изгибающееся скопление кристаллов, хранящих копии сознания бессмертных существ.

Гоур лежал неподвижно.

Как часто бывало после «пробуждения», он не хотел шевелиться и долго не мог оторвать взгляд от неторопливых метаморфоз медленного танца кристаллической змеи, окруженной напряженным мерцанием силового кокона; движение тысяч кристаллов завораживало, притягивало к себе, заставляя мышцы напрячься, а пальцы рук – непроизвольно скреститься в древнем знаке, хотя Гоур прекрасно знал: в Сердце Харма не присутствовало ни грамма мистики, никаких чудес или потусторонних сил. Все протекало строго в рамках технологий, некогда разработанных двухголовыми умниками, потомки которых до сих пор прилежно обслуживают комплекс, давно позабыв, что изначально он принадлежал их предкам…

Расслабленные мысли пришли, затем отхлынули, как отступает пенистый прибой от стен Сердца Харма во время штиля.

Очередное пробуждение между вечностью прошлого и бесконечностью будущего.

В молодом энергичном теле очнулся разум дряхлого, циничного существа, давно утратившего интерес к суетливым порывам души.

В подобные минуты Гоур испытывал смертную тоску. Все радости и горести физического существования давно утратили чувство новизны. Все самые острые переживания обернулись скукой. Что в мире может удивить или испугать его?

Жесткое ложе биореструктивной камеры внезапно отозвалось на мысль крупной дрожью, в которой ощущалась ритмика непонятной мощи.

Гоур впитал это ощущение, как пересохшая губка вбирает капли влаги. Неужели в Сердце Харма появилось нечто новое?

Мысль помогла ему собраться с силами и сесть.

Медленный танец извивающихся спиралей лжелогриса более не привлекал его.

Незыблемые стены Сердца Харма вновь содрогнулись от удара чудовищной силы. Гоур тяжело перевалился через борт камеры биореконструкции, затем встал, дрожа от холода.

Мимо пробежали вооруженные воины-инсекты. Никто из них не обратил внимания на реинкарнированного Гоура. В другое время подобная непочтительность стоила бы насекомым жизни, но сейчас хараммин лишь проводил их долгим пристальным взглядом. В глазах бессмертного стыл огонек злой заинтересованности – впервые за множество веков он наблюдал нечто необычное сразу по пробуждении.

Из-за временного «отсутствия» он, оказывается, пропустил очень много событий.

Гоур, в отличие от воинствующего крыла Квоты, не знал о тщательно подготовленной, но все же провалившейся атаке на человеческие миры. В последнее время он был занят собственными проблемами в подвластных лично ему системах скопления О’Хара и сейчас, очнувшись после реинкарнации, с болезненным, настороженным любопытством внимал отголоскам ответного удара объединенного флота возрожденной Конфедерации Солнц.

Гоур не знал в тот момент очень многого. Ему было неведомо, что разрушенный три миллиона лет назад Логрис восстановлен, а Вуаль логрианских устройств прорвана, но древний рассудок, очнувшийся в молодом теле, тут же шепнул: *спасайся, беги, разбираться в причинах происходящего будешь потом, когда окажешься в безопасности.*

Бессмертный покинул зал реинкарнаций за четверть часа до того, как туда прорвались серв-машины.

Люди пришли, чтобы уничтожить лжелогрис и положить конец владычеству харамминов в скоплении О’Хара.

Гоур успел вовремя укрыться, спастись от гибели, еще не осознавая, что стал обыкновенным смертным и единственным из Квоты, кто пережил ответный удар человечества.

Планета Ганио.

3870 год галактического календаря…

Когда взлетал истребитель, управляемый Таманцевым, в суматохе никто из ганианцев не обратил внимания на высокого сухопарого старика элианской наружности, который, устроившись неподалеку от древнего взлетного поля, на засыпанном песками почти под крышу здании диспетчерского пункта, с невозмутимым спокойствием наблюдал за стартом.

В его глазах отражались вспышки всепожирающего пламени, но их водянистый, старческий блеск не выдавал эмоций, словно неподалеку происходило некое театрализованное шоу, надоевшее ему до смерти.

Скрестив ноги, он сидел, отрешенно наблюдая за тускло сияющей в ночи сферой голографического монитора, спроецированной его кибстеком.[14]

«Фантом» оторвался от короткой взлетно-посадочной полосы; со стороны расчищенного от песка пространства раздавались крики и стоны – взрывная волна, уничтожившая препятствия, покалечила нескольких ганианцев, находившихся в оцеплении, а старик продолжал наблюдать, теперь его взгляд полностью сосредоточился на призрачном устройстве вывода данных, где внезапно начли появляться понятные только ему знаки разрастающейся с каждой секундой схемы.

Яркая точка аэрокосмического истребителя исчезла, растворилась на фоне звезд, щедро рассыпанных по ночному куполу небес, на земле продолжали бушевать ярость людей и пламя пожара, охватившее обломки трех машин, а в глазах старика отражалось лишь спокойствие да символы забытого языка, прочесть которые не смог бы ни один лингвист.

Наконец, когда управляемый Таманцевым истребитель ушел в гиперсферу, на схеме, отображавшейся в глубинах голографического монитора, появились тонкие линии, соединявшие между собой пять пульсирующих точек.

Четыре из них располагались на разном удалении друг от друга, тонкие трепещущие линии сходились в пятой, словно являлись курсовыми нитями некогда проложенных маршрутов.

Сфера монитора внезапно разделилась на несколько секторов. Рядом с пространственной схемой возникла трехмерная карта поверхности Ганио; на удалении от существующего в современности мегаполиса внезапно появился крупный непонятный знак.

В глазах старика впервые проблеснуло выражение чувства.

Не удовлетворение сделанным, не радость какого-то открытия, а злобное, почти мистическое торжество, такое глубокое, темное, что…

Он вздрогнул.

Сзади на его плечо легла рука, и гортанный голос на ломанном интеранглийском произнес короткую фразу:

– Пойдем. Хозяин хочет говорить.

Старика передернуло при слове «хозяин», но он сдержался, продолжая отыгрывать маску невозмутимости.

* * *

Файзулло был зол.

Очень зол, и причина заключалась не в гибели его людей, не в разбитой технике, а в том, что пленный галакткапитан повел себя именно таким образом, как предсказал странный старик. У Файзулло хватало мозгов, чтобы понять – случайностей не бывает. На «Фантоме» была установлена дополнительная аппаратура, предназначение которой не смогли понять его лучшие техники.

Конечно, с одной стороны, все происходящее – не его дело. За четыре угробленных истребителя, за поимку опытного пилота (которым, по стечению обстоятельств, оказался Таманцев), за приведенный в порядок и подготовленный к старту «Фантом», за вероятные человеческие потери и материальные убытки – за все было заплачено стариком, даже не соизволившим назвать свое имя.

Файзулло бесился, интуитивно понимая, что его просто используют как пешку в непонятной, но, несомненно, крупной игре, где щедрый гонорар командира наемников наверняка не составлял и миллионной доли того, что рассчитывал получить хитрый старик.

Как он догадался, что упрямый галакткапитан не замышляет ничего, кроме побега?

Что за аппаратуру установили на древний истребитель?

Зачем на борту понадобилось присутствие опытного пилота, выступающего (как ни крути) в роли самоубийцы?

Нужно знать истинную натуру ганианцев, особенно не рядовых воинов, а родовой знати, чтобы понять – три безответных вопроса и ощущение, что тебя просто обвели вокруг пальца, использовав как марионетку, было невыносимо для привыкшего к неограниченной власти Файзулло.

– Приведите ко мне старика, – наконец, не выдержав внутренней борьбы, отдал он короткое распоряжение.

Джентльмену с Элио следовало получше изучить психологию ганианцев и проявить побольше осторожности, тогда бы он понял, что щедрая оплата услуг наемников еще не гарантировала его личной

безопасности.

* * *

Когда старика привели в пещеру, он проявил не больше эмоций, чем при прежних встречах.

Усевшись на жесткую скамью, он не удостоил хозяина даже взглядом.

К Файзулло сбоку осторожно приблизился один из его людей и что-то прошептал на ухо.

Бровь командира наемников удивленно и многозначительно приподнялась.

Он медленно привстал со своего кресла и внезапно хищным, жестким, стремительным движением выбросил вперед руку с выхваченным из-за спины оружием.

Старик резко повернул голову, казалось, он готов совершить какое-то невероятное движение, уклоняясь от выстрела. Спокойная решимость и неожиданная пластика его тела, за секунду расправившего плечи, ставшего как будто выше и сильнее, не предвещали ганианцу ничего хорошего, хоть тот и был вооружен. Но в следующую секунду произошло непредвиденное: в руках командира наемников на поверку оказался не импульсный пистолет, а генератор ЭМИ, или в просторечии – электромагнитный станнер, средство для борьбы с кибернетическими механизмами.

Беззвучный разряд электромагнитного излучения привел к ошеломляющим последствиям.

Микроскопические фантом-генераторы, вшитые в одежду старика и формирующие его облик, отключились под воздействием импульса.

– Шайтан! – Файзулло невольно отшатнулся, даже его безрассудной храбрости, о которой на Ганио ходили легенды, не хватило, чтобы адекватно воспринять открывшийся глазам истинный облик загадочного старика. – Ванг Шииист… – сипло выдавил он древнее проклятье, увидев, что вместо сухопарого джентльмена на скамье вдруг появился высокий, стройный гуманоид с голубоватым отливом кожи, шестипалыми конечностями, жуткими чертами лица и все тем же уверенным, пронзительным взглядом.

Хараммин…

Файзулло напрягся так, что вздулись жилы на лбу.

Мистический шок от мгновенного перевоплощения еще стыл в крови, но все же ганианец неплохо владел собой, чтобы подавить замешательство, урезонив свой инстинктивный ужас здравым размышлением: сидящее перед ним существо состоит из плоти, а значит…

Файзулло отступил еще на шаг, требовательно протянул руку, в которую телохранитель, шепчущий про себя древнее заклятие, отгоняющее злых духов, вложил безотказную «Гюрзу».

Говорят, хараммины бессмертны…

Посмотрим.

Его мысли нарушил спокойный голос:

– Ты доволен, Файзулло? Или тебя интересует еще что-то?

Не таким уж спокойным оказался тон неузнаваемо изменившегося старика. В нем, как и во взгляде, читалась ледяная угроза.

Еще одна ошибка, допущенная голубокожим существом. Настоящего ганианца можно испугать, но его нельзя запугивать.

– Да. У меня есть пара вопросов.

– Ногр. – Незнакомое слово, прозвучавшее как непонятное оскорбление, резануло слух. – Я заплатил тебе, наемник. Наши совместные дела окончены.

– Ошибаешься. – Файзулло уже окончательно взял себя в руки. – Я хочу о многом узнать. И ты мне ответишь на все вопросы, клянусь Шиистом.

Хараммин хотел промолчать, но не смог. Выдержка изменила ему при виде лоснящегося от пота лица ганианца.

– Люди, как я ненавижу вас… – Он вдруг встал, выпрямившись во весь двухметровый рост, и Файзулло внезапно почувствовал себя маленьким, чуть ли не беспомощным, что не случалось с ним даже в детстве… – Я ненавижу вас за мое прерванное бессмертие, за мое состарившееся тело, за разрушенное Сердце Харма, и ты, – хараммин резко вскинул руку, ткнув в грудь ганианцу указательным пальцем с тремя фалангами, – ты умрешь, если посмеешь задать еще один вопрос, если встанешь на моем пути или просто проболтаешься кому-либо о том, что видел.

Файзулло как будто парализовало.

Он изнывал от желания выстрелить, но не мог даже пошевелить пальцем.

Тем временем фантом-генераторы постепенно восстанавливали свои функции: облик хараммина исказился, затуманился, и вновь в пещере стоял обыкновенный сухопарый старик.

Он еще раз пристально взглянул в глаза оцепеневшего командира наемников и вышел, не проронив больше ни слова.

Когда к Файзулло вернулся дар речи и способность двигаться, он без сил рухнул в кресло, прошипев телохранителю:

– Убирайся!..

– Господин, – тот не испугался гнева хозяина, а, напротив, приблизился. – Я видел. Когда старик сидел и смотрел в туманное зеркало.

– Что ты видел? – раздраженно спросил ганианец.

– Я учился. Знаю, как читать карты. Там было изображение пустыни, города, скал и еще точка. Яркая, мигающая точка, господин.

Файзулло молча включил кибстек. В туманной сфере голографического монитора возникла рельефная карта окрестностей Ганиопорта.

– Где?

– Вот тут, господин. – Палец телохранителя прошел сквозь воздух, уверенно обозначив на трехмерной модели местности группу скал, лежащих далеко к западу в пустыне.

– Хорошо. Собери людей. Нужно все проверить. Немедленно. – Файзулло еще находился под впечатлением событий и, похоже, не собирался внимать предупреждению хараммина. – Я сам возглавлю отряд.

* * *

В отличие от Файзулло, хараммин не стремился торопить события.

Ненависть к людям действительно клокотала в нем, но Гоур научился действовать осторожно.

С тех пор как ему пришлось бежать, покинув полуразрушенное Сердце Харма, многие из давно позабытых чувств возродились в его душе.

Больше не будет реинкарнаций. Если он погибнет, то навсегда.

Думать о таком исходе было невыносимо. Скуку вечного существования сменил страх, жуткий, панический страх смерти.

Гоур не знал, благодарить или же проклинать судьбу за свое чудесное спасение. Других членов Квоты Бессмертных постигла иная участь – большинство из них погибло, кто во время атаки на Элио, другие позже в Сфере Дайсона, третьих поглотила пучина О’Хара, где Семьи расы инсектов давно копили недовольство, а после падения Вуали логрианских устройств решились на открытый бунт против исконных хозяев скопления.

Он выжил.

Несколько лет спустя, вернувшись в Сердце Харма, Гоур с немалым удивлением обнаружил, что люди не уничтожили великий город, не тронули хараммилов из низших каст, они лишь прорвались к залу реинкарнаций и изъяли все кристаллы лжелогриса, лишив тем самым Квоту Бессмертных оплота своего могущества.

Теперь ему приходилось тщательно обдумывать каждое действие.

Прошли те времена, когда Гоур мог запросто шагнуть под пулю, из скуки или потому что его тело начало дряхлеть. Тогда он был уверен, что спустя небольшой промежуток времени очнется в Сердце Харма.

Теперь любая неосторожность несла пугающую окончательность.

Гоур вновь учился бороться за жизнь. Беспощадное время стало его врагом, он все сильнее ненавидел существ, разрушивших вечность для избранных, возродивших Логрис и вернувших силу закону, провозглашенному логрианами почти три миллиона лет назад.

Конечно, знания и опыт вечного существования не исчезли из сознания Гоура. Он по-прежнему оставался циничным, трезвым и расчетливым, но возможность реализации планов мщения, что вынашивал его рассудок, в создавшемся положении оказалась ничтожно мала.

Инсекты и логриане, обслуживавшие исполинский город, находясь на положении рабов, были освобождены людьми и покинули планету. Немногие из хараamминов, не принадлежавших к Квоте Бессмертных, сами влачили жалкое существование на руинах былого величия.

Как ни горько было признать, но его народ за миллионы лет безграничного владычества утратил все достижения собственной цивилизации, им незачем было развиваться, когда в распоряжении любого хараммина всегда находилась изобретательность логриан и рабская покорность орд инсектов.

«Но мы были цивилизацией, имели свои достижения, – размышлял Гоур. – Пусть все происходило очень давно, еще до нашествия предтеч, но…

Но где искать наследие собственного прогресса, если с той далекой поры не сохранилось ни одного пригодного к эксплуатации устройства, созданного руками хараmминов?»

Пережив период отчаянья, он начал искать ответ на мучившие его вопросы. Годы, проведенные в древних библиотеках Сердца Харма, едва не свели его с ума – за истекшие миллионы лет там накопилось столько плевел, относящихся к кичливой, безрассудной, жестокой эпохе Квоты Бессмертных, что среди них только безумец мог бы пытаться отыскать зерна истины, свидетельствующие о великом прошлом цивилизации хараmминов.

Чем больше документов просматривал Гоур, тем отчетливее понимал – безраздельная власть и бесчисленные реинкарнации превратили членов Квоты в самых настоящих скучающих безумцев, уже не управлявших скоплением, а всего лишь забавлявшихся судьбами планетных цивилизаций.

Впрочем, истина эта ничуть не умаляла ненависть Гоура к людям.

Шли годы, его тело постепенно начало стареть, подкравшаяся немощь еще более укрепляла его неистовое желание жить, превращая мщение в навязчивую идею.

* * *

В пустыне нет дорог.

Десять песчаных вездеходов прокладывали путь через барханы, вслед им, отставая, медленно продвигались, выбрасывая из-под ребристых колес центнеры песка, три боевые машины космодесанта.

Файзулло обладал достаточным весом и влиянием среди верхушки кланов, чтобы проводить на Ганио собственные, не согласованные ни с кем операции, тем более если дело касалось безжизненных пространств на удалении почти в тысячу километров от Ганиопорта.

Двое суток колонна, поднимая клубы пыли, пробивалась через пустыню.

Файзулло не хотел привлекать внимания сородичей и потому не воспользовался летательными аппаратами. Шлейфом пыли в пустыне никого не удивишь, а вот приготовление десятка флайботов вызвало бы интерес со стороны других наемников.

– Рашид, долго еще мы будем тащиться по пустыне?

Ганианец, который указал эмиру точку на карте, заметно нервничал. Одно дело – ткнуть пальцем в пространство, и совсем другое – привести конвой к указанному месту. Он уже десять раз успел пожалеть о проявленной инициативе, но упрямо делал вид, что все под контролем.

– Еще немного, господин.

Файзулло кивнул. Он не хуже боевика понимал, что круг для поисков обширен, но в отличие от рядового ганианца надеялся вовсе не на чудо или милость Шииста – Файзулло был хитер, не раз жестоко бит жизнью, для людей случайных он носил маску недалекого, самоуверенного тирана, а на самом деле оставался себе на уме.

Вот и сейчас вместо раздраженности он проявил терпение, больно ткнув стволом штурмовой винтовки в спину техника, сгорбившегося над панелью датчиков сканирующего комплекса:

– Алекс, ты там не уснул?

– Пока нет, – буркнул в ответ тот. – Держим курс к одинокой скале. Единственный ориентир, который я вижу на сканерах. Больше в районе поиска ничего нет.

– Скала? – Файзулло задумался. – Скала – хорошо. Сколько до нее?

– Десять километров.
– Еще что-то видно?
– Далековато. Подъедем ближе, скажу точнее.
Файзулло, вопреки обыкновению, не стал напирать.
Вскоре у горизонта действительно показалась черная тень. Издали казалось, что посреди бескрайних пространств торчит чуть изогнутый, ошлифованный ветрами и песком клык мифического пустынного монстра, которые, если верить преданиям, обитали на Ганио до появления тут людей.
– Странная скала. – Файзулло проявил заинтересованность, соизволив взглянуть на экран сканирующего комплекса, где кибернетическая система головной машины уже смоделировала реальное изображение объекта. – Уходит в пески… Скажи мне, Алекс, там есть что-то еще?
Белобрысый, коротко стриженный наемник кивнул.
– Придется копать. У нас есть эмиттеры суспензорного поля?[15]
– Тебе зачем? – прищурился Файзулло. Всем известно – поставка эмиттеров суспензорной защиты на Ганио запрещена. Получить подобные устройства можно лишь контрабандным путем, и стоят они немалых денег.
– Если начнем раскапывать, песок будет осыпаться, – пояснил Алекс. – Без эмиттеров никак.
– Я пока не вижу, зачем копать. – Файзулло смотрел на тонкие линии расширяющейся книзу иглообразной, чуть изогнутой скалы. Сканеры, настроенные на максимальную чувствительность, показывали, что под песками есть еще как минимум пять подобных образований, размерами поменьше.
Хараммин искал изогнутые камни?
Интересно, где он сейчас? – Файзулло включил спутниковый коммуникатор, дождался, пока на том конце связи ответят, и коротко осведомился:
– Анвар, чем занят наш гость?
– Он не покидал гостиницу. Сидит в номере.
– Ты уверен?
– Я вижу его. Глаз шайтана работает хорошо.
– Продолжай наблюдать. Если что-то изменится, немедленно докладывай.
Свернув коммуникатор, Файзулло вновь взглянул на экран.
В дополнение к уже увиденному сканеры вездехода, по мере приближения к скале, начали передавать подробности: причудливо

обработанные фрагменты скал, оказывается, образовывали только верхнюю часть некоего сооружения, которое поглотили пески пустыни.

Файзулло был озадачен. Он не мог похвастаться, что понимает, чем является скрытая пустыней конструкция, опасна она или нет и какую выгоду можно извлечь из сделанного открытия.

Однако за что он платит деньги разным бездельникам вроде Алекса?

– Объясни, что означают каменные сабли? – требовательно обратился он к технику.

– Файзулло, я не археолог, – посмел огрызнуться тот.

– Если не хочешь, чтобы я отрезал тебе голову, будешь археологом.

Алекс недолго думал над внезапно обозначенной перспективой. Спорить с Файзулло бесполезно. Лишить кого-то головы для него – что глазом моргнуть.

– Мне нужна связь со станцией ГЧ, – ответил он.

– Зачем?

– Если такие конструкции находили раньше, я узнаю, что они собой представляют.

Тем временем вездеходы окружили скалу. Три боевые машины, натужно вскарабкавшись на барханы, застыли, образовав охранение.

«Мы проделали длинный путь, – подумал Файзулло. – Будет неумно отступить, не узнав, что скрыто под песками».

– Ладно. Выходи в сеть и ищи информацию. – Он обернулся. – Рашид, командуй людьми. Отгоните вездеходы на безопасное расстояние, и пусть начинают копать. Скажи Тагиру, пусть готовит эмиттеры суспензорного поля. Он знает, как с ними обращаться.

* * *

Через полчаса у одинокой скалы, возвышающейся всего на пять-шесть метров над уровнем барханов, закипела работа. Вездеходы, специально сконструированные для условий ганианской пустыни, выпустив характерные приспособления, начали выбирать песок, образуя нечто наподобие рва, окружающего скалу. В середине оставалась коническая сыпучая горка, которую ганианцы разгребали вручную, используя обыкновенные лопаты. По мере роста отвалов и углубления воронки ее края укреплялись зеленоватым мерцанием суспензорной защиты, генераторы которой работали от силовых установок вездеходов.

Чтобы убрать песок от основания скалы, расчистив каменную площадку дискообразной формы, по краю которой шел местами разрушенный бортик, потребовались почти сутки.

Пять «кривых скал», различимых на сканерах, также постепенно обнажились из-под песка, и тут стало ясно, что их материал вовсе не природный – саблевидные выступы были изготовлены из какого-то сплава, определить состав которого анализаторы упорно отказывались.

В итоге Файзулло, поднявшись на отвал, увидел глубоко внизу каменную площадку, из центра которой торчала выходившая на поверхность скала, окруженная пятью элементами искусственно созданной конструкции.

«Если хараммин искал именно это (а вокруг в радиусе пятидесяти километров сканеры не фиксировали ничего интересного), то конструкция имеет не только ценность, но и практическое предназначение», – проницательно рассудил Файзулло.

– Алекс, – спросил он, включив коммуникатор, – ты нашел что-то в сети?

– Точного совпадения нет, но поздние порталы инсектов, обнаруженные в Сфере Дайсона, имеют схожую конструкцию, хотя она более груба.

– Ты мне объясни понятными словами, хорошо? – угрожающе оскалился Файзулло. – Что мы нашли?

– Я полагаю, древний портал.

– Ворота в другой мир?

– Да. – Алекс понимал, что бесполезно толковать Файзулло о линиях напряженности гиперсферы, их свойствах, открытых древними расами. Ворота в другой мир – вполне приемлемое и понятное пояснение для ганианца.

– Ты знаешь, как работают эти ворота?

– Общий принцип известен, – ответил Алекс. – Нужно найти контакты и подать на них энергию. Площадка, заключенная между саблевидными конструкциями, превратится в точку входа. Откроется гиперпространственный тоннель, но только в том случае, если сохранилось другое устройство, на планете, куда ведет линия напряженности аномалии.

– Много непонятных слов. Спускайся вниз, ищи контакты. Я хочу узнать, работает портал или нет.

– Я туда не полезу.

– Полезешь. А если еще раз разозлишь меня – первым отправишься в путешествие.

Файзулло отключил коммуникатор и сел, скрестив ноги на вершине отвала.

Ему было интересно.

* * *

Файзулло был недоволен. Техники из числа наемников справились с задачей: древнее устройство заработало, но возникал вопрос – кого туда послать и что делать с чересчур болтливыми, демонстрирующими по поводу и без повода свою независимость и незаменимость наемниками?

Ганианца снедали любопытство и жадность, но воины боялись древнего портала.

Отродья курунга… Они становятся трусливыми, как песчаные кролики, едва дело доходит до явлений, лежащих выше их понимания.

Но не самому же туда лезть?

Впрочем, Файзулло не исключал и такой возможности. Он не боялся сверхъестественных явлений. Но и рисковать своей драгоценной жизнью попусту не хотел. А вдруг древнее устройство открывает врата не на другую планету? Что если оно работает *неправильно?*

С техниками из числа наемников надо разбираться немедленно. Они слишком болтливы. И новые люди мне понадобятся срочно. Те, кто не побоится шагнуть в портал. Им нужна лучшая экипировка, какую он в состоянии достать на Ганио, желательно тяжелые боевые скафандры с покрытием «хамелеон».[16]

Конечно, все придется осуществлять тайно. Кланы не простят ему единоличного использования тех (пока что призрачных) выгод, что сулит захват территорий иной планеты, на которую, может быть, еще ни разу не ступала нога человека.

Файзулло ни на миг не забывал о хараммине. Чем больше ганианец думал, тем отчетливее понимал: голубокожий гуманоид, выплеснувший ему в лицо столько ненависти к роду человеческому, ищет лишь две вещи – утраченное бессмертие и возможность отомстить людям. Понять мотивы хараммина для ганианца не составило труда – он был все же не глуп, хорошо знал, что такое животная ярость и как далеко она может завести целеустремленного воина. Старик тоже не сидит сложа руки, наверняка готовит собственную экспедицию… Проклятье Шииста, столько проблем сразу – у Файзулло раскалывалась голова.

Ганианец не привык к сложным операциям, требующим тщательной проработки и привлечения большого числа ресурсов, как человеческих, так и технических. Но упустить шанс, дарованный свыше, Файзулло попросту не мог.

Он развернул прибор спутниковой связи, набрал известный только ему номер и произнес:

– Гасан, мне нужны два твоих лучших разведчика.

На том конце связи некоторое время молчали, слышалось лишь сопение.

– У меня сейчас мало людей.

– Я заплачу вдвое. Но мне нужны самые подготовленные бойцы. Возможно, они не вернутся.

– Три цены.

– Хорошо, я не стану торговаться. Мои люди заберут бойцов у северного терминала Ганиопорта сегодня вечером. Успеешь?

– За деньги – что угодно, – раздался ответ.

– Значит, договорились. – Файзулло отключил спутниковый коммуникатор, достал обычный, работающий на ультракоротких волнах, и произнес: – Амирбек, готовь вездеход. Поедешь в город. Нужны два тяжелых боевых скафандра. На обратном пути у северного терминала заберешь двух человек и доставишь сюда.

Отдав эти распоряжения, Файзулло почувствовал себя спокойнее и увереннее. Скоро он узнает, что на самом деле скрывается за «пастью шайтана», как его воины успели окрестить древнее устройство, после того как портал с бледной вспышкой проглотил брошенный в центр круга камень.

* * *

Шероховатый материал древней конструкции, похожий своей фактурой на камень, но оказавшийся намного прочнее любой горной породы, образовывал четыре арочных свода, между которыми располагалась круглая монолитная площадка с небольшим бортиком по периметру.

Активировать древнее устройство оказалось намного проще, чем думал Файзулло. По словам техников, люди уже не впервые сталкивались с подобными конструкциями, принадлежащими древней цивилизации инсектов, и основные приемы обращения с так называемыми порталами были известны.

Файзулло, серьезно обеспокоенный соблюдением секретности, собрал в безжизненном уголке пустыни немалые силы и технические средства. Для себя он уже решил проблему возможной утечки информации – все, кто не принадлежал к клану и не был предан ему лично, по окончании операции пополнят печальный список без вести пропавших. Огласка ему не нужна ни сейчас, ни впоследствии, а пески пустыни охотно принимают любые тайны, надежно скрывая их под изменчивыми барханами.

Мысли ганианца прервало появление двух фигур в тяжелых боевых бронескафандрах.

Люди Амира – хорошие разведчики. Жаль, что с ними также придется расстаться, разумеется, если они вернутся.

«Бесстрашные воины», – с уважением подумал Файзулло, наблюдая, как две закованные в броню фигуры вошли в центр круга. Засуетились окружающие древнюю конструкцию техники, затем, без всякого предварительного сигнала, окрестности вдруг озарила бледная вспышка, тугим смерчем взвихрился воздух, поднимая облака песчаной пыли, и… обе фигуры исчезли, будто секунду назад никто не стоял в центре загадочного сооружения.

Файзулло невольно сложил руки в древнем мистическом знаке.

Теперь ему оставалось набраться терпения и ждать, с какими вестями вернутся столь храбро шагнувшие в «пасть шайтана» воины.

* * *

Ждать пришлось двое суток.

Файзулло изнывал от нетерпения и различных предчувствий, срывая несвойственную ему нервозность на подчиненных, в основном на техническом персонале из числа наемников.

Незримое стасис-поле укрывало участок пустыни от сканирования, вдобавок по периметру временного лагеря и раскопок, обнаживших древний портал, работали устройства фантом-генераторов, создающие иллюзию непотревоженных барханов.

Подобные меры предосторожности были направлены против всех: и других кланов, чьи старейшины могли задаться вопросом, зачем Файзулло увел своих лучших людей в глубины безжизненной пустыни, куда не забредали даже кочевые племена, и против кораблей Конфедеративного Содружества, периодически осуществляющих всплытие в границах системы звезды Халиф и проводящих сканирование обоих полушарий Колыбели Раздоров в поисках временных стартовых площадок, перевалочных баз контрабандистов или мест тайной стоянки пиратских кораблей.

К этому списку можно было смело добавить космические суда торговцев, которые везде суют свой нос и охотно торгуют информацией.

Короче, забот и поводов для беспокойства у Файзулло хватало, поэтому он испытал неописуемое облегчение и одновременно приступ настоящего мистического ужаса, когда над песками пустыни вновь вспыхнул бледный свет и в центре круга возникли две фигуры в боевой

броне.

Файзулло так волновался, что лично вышел навстречу воинам, побывавшим в неизвестности.

Нужно сказать, увиденное несколько успокоило ганианца. Оба разведчика явно побывали в бою – на новеньких, ни разу до этого не использованных скафандрах виднелись глубокие борозды, словно следы чудовищных когтей, оставивших в прочнейшем материале керамлитовой брони ясно различимые шрамы, стволы плечевых орудий тридцатого калибра хранили характерные следы интенсивной стрельбы, крепящиеся поверх бронепластин правой руки сборки ракетных тубусов пустовали.

Сколь ни велико было нетерпение Файзулло, ему пришлось ждать, пока прибывшие воины не пройдут процедуру обработки в специально развернутой для этой цели палатке, где с брони скафандров были тщательно удалены все споры микрожизни иного мира, а сами скафандры разобраны и помещены в герметичные контейнеры, после чего воины еще раз прошли процедуру дезинфекции.

Наконец они покинули палатку, представ перед Файзулло.

Оба разведчика выглядели устало, но в их глазах не читалось испуга, что порадовало ганианца.

Для прибывших уже приготовили сытную еду, войдя в палатку, они молча выказали знаки уважения и повиновения, после чего Файзулло милостиво разрешил им сесть.

Не дав разведчикам притронуться к еде, он стал задавать вопросы.

Докладывать начал Гамад. Он и раньше встречался с Файзулло, выполняя для него некоторые особые поручения. Хороший разведчик, сильный, ловкий, знающий толк в боевой экипировке, но дремучий и суеверный в иных вопросах.

– Пасть шайтана безопасна для путешествия через пустоту, – сообщил он. – Мы с Зарибом не успели моргнуть, как очутились под светом иного солнца.

– Там есть такая же постройка? – уточнил Файзулло, у которого даже ладони вспотели от полуосознанных предчувствий. *Свет иного солнца… Всего миг, и его воины окажутся там!..*

– Да, точно такая же. Но к ней уже давно никто не подходил. Нет следов ни людей, ни животных.

– Что удалось разведать? Воздухом иного мира можно дышать?

– Мы не пробовали, – усмехнулся Зариб. – Но другие люди дышат.

– Там есть поселения? – изумился Файзулло.

– Прекрасный город. Такого никто из нас не видел. Нет песков, кругом

только зелень.

– Город большой?

– Огромный. Его защищают с трех сторон море и скалы, с четвертой – две высокие стены.

– Там много людей? Они хорошие воины?

– Людей немного, – ответил Гамад. – И воины из них скверные. Оружие старое, датчиков на стенах нет. Мы прошли незаметно между их постами.

– Вы были в городе?

– Да. Там много машин. Люди ничего не делают. Только развлекаются. Они слабые, мы хотели захватить одного и взять его летающую машину, но он умер после двух ударов Зариба. Машина оказалась скверной. Пришлось ее бросить и выбираться обратно, как и вошли, – через стены. Нас опять никто не заметил.

– Тогда откуда шрамы на броне скафандров?

Гамад поморщился.

– Животные. Там в лесах обитают настоящие дети шайтана. Они изменчивы, как пустынный мираж, сильны, как самцы курунга, один их удар сбивает с ног воина в броне. Напавшие на нас твари видят даже через защиту «хамелеона», от них не укрыться.

– Но вы здесь и, как я вижу, невредимы!

– Да, хвала Шиисту!.. Мы израсходовали все ракеты, наши орудия раскалились от стрельбы. Мы рвали их в клочья, но едва отбились.

Известие о неведомых монстрах заставило Файзулло крепко задуматься.

О как велик был соблазн открывшихся перед ним перспектив!

Мир, о котором не знает никто: ни соперничающие кланы, ни ВКС Конфедерации. Прекрасный город, похожий на райский сад из древних легенд. Мог ли он мечтать о *таких* результатах разведки?

Не беда, что подступы к городу защищают яростные животные. Файзулло знал, кто может справиться с любой самой невероятной и живучей жизненной формой иной планеты.

Главное сейчас, чтобы информация о новом мире не просочилась к его конкурентам и противникам.

Он дважды хлопнул в ладоши.

В палатку внесли напитки.

– Вы оба – достойные воины. Бесстрашные, как пустынные маргалы. Но скажи, Гамад, могу я увидеть своими глазами прекрасный город, о котором ты рассказал, и ужасных тварей, что напали на вас?

– Конечно. Устройства наших скафандров вели постоянную запись.

– Очень хорошо. Вы еще и мудры. Я обязательно посмотрю записи. А сейчас, – он кивнул прислуге, – выпьем за бесстрашных воинов.

Зариб и Гамад приняли из рук Файзулло наполненные вином кубки, осушили их и… повалились замертво.

Яд песчаной гадюки действовал мгновенно, от него не существовало противоядия.

Файзулло с сожалением посмотрел на посиневшие лица разведчиков.

– Алекса ко мне.

Когда техник вошел в палатку, трупы так и лежали среди нетронутых яств.

Увидев мертвых наемников, Алекс побледнел.

– Что тут случилось, Файзулло?!

– Ты задаешь много лишних вопросов, – холодно ответил ганианец. – И становишься слишком непочтительным в общении. Мне нужна вся информация, записанная автоматическими системами их скафандров. – Он небрежно кивнул на мертвые тела. – И поубавь свою спесь, если не хочешь валяться с такой же синей мордой, наемник.

* * *

Просмотр записей потряс ганианца.

Файзулло вдруг ощутил, что теряет почву под ногами, но не от вида метаморфов, напавших на разведчиков, а от панорамы прекрасного города, действительно похожего на райский сад, где обитают мифические гурии.

Животные, чья ярость и сила превосходила любые ожидания, не показались ганианцу неодолимой помехой на пути к внезапно забрезжившей мечте.

Серв-машины. Они без труда пройдут через древний портал. Файзулло не знал такого животного или механизма, с которым бы не справилось полноценное серв-соединение.

Вопрос в другом, где взять запрещенные к эксплуатации виды боевой техники и как сохранить тайну портала?

Он не стал бы ни с кем делиться сделанным открытием даже под угрозой смерти. Файзулло будто сошел с ума, он видел себя полновластным хозяином планеты, правителем прекрасного города, откуда избранные воины смогут, используя портал, тайно появляться на Ганио.

У Файзулло накопилось множество планов, реализации которых мешало лишь одно обстоятельство: укрываться на Ганио после дерзких набегов на Обитаемые Миры – означало навлечь на себя гнев других

кланов, которые не желали открытого столкновения с Конфедеративным Содружеством, но теперь… Теперь все изменится, никто не сможет узнать, куда ускользнул Файзулло.

Пусть перевернут всю Колыбель Раздоров – они не найдут и следа. Пусть обшарят все известные уголки космоса – его не обнаружат. После захвата планеты он взорвет оба древних портала.

Конечно, обрывочные лихорадочные помыслы не охватывали и десятой части настоящих проблем. Файзулло ничего не знал о заблокированной линии напряженности гиперсферы, не думал о тех последствиях, к которым приведет разрушение древних сооружений, сейчас перед его мысленным взором стояла только одна цель – прорваться к райскому городу, сметая по пути любые опасности, и овладеть им.

* * *

Осведомитель Файзулло не солгал – хараммин действительно не покидал гостиничный номер.

Гоур прожил тысячи жизней, и если раньше, являясь Бессмертным из числа Квоты, он в некоторые моменты пренебрегал личной безопасностью, то теперь не мог позволить себе подобную роскошь.

Древний разум, угнездившийся в дряхлом теле, настойчиво твердил: у тебя нет права на ошибку.

Он и не собирался допускать промахи. Любые действия Гоура были спланированы заранее. Он тщательно готовился к акции на Ганио.

Его многолетние поиски в информационных хранилищах Сердца Харма не пропали зря.

Гоур проделал титанический труд – среди бесчисленных наслоений поздних эпох ему удалось отыскать документы, относящиеся к настоящей цивилизации хараммииов, какой она была до появления в пределах шарового скопления О’Хара рас логриан и инсектов, панически спасающихся от нашествия предтеч, разрушивших их колонии и космические поселения.

«Мой народ совершил роковую историческую ошибку», – размышлял Гоур без тени сожаления или горечи. Он констатировал факты, делал выводы, мысленно играл вероятностями, что, впрочем, недолго занимало его. Древний рассудок хараммина не мог сохранить четкие воспоминания о бесчисленных жизнях, но память трансформировалась в опыт, в понятия целесообразности и дозволенности, в привычку действовать определенным образом.

«Если бы мы заимствовали достижения логриан и инсектов, не

порабощая их, продолжая развиваться, как равная и независимая цивилизация, все сложилось бы иначе. Мы же стали властителями, управленцами, вершителями судеб, что привело к исчезновению нашей культуры и науки, – исчезло все, осталась лишь власть, к которой постепенно добавилась невыносимая скука повторяемости ситуаций. Мы ради забавы сталкивали лбами цивилизации и планетные союзы, погибали, возрождались и вновь расставляли фигуры на поле, чтобы делать хоть что-то, утоляя скуку вечного существования…»

В мыслях Гоура не было даже намека на самобичевание.

Единственным стремлением хараммина после разрушения лжелогриса и постыдного бегства от людей являлась жажда мести, помноженная на истовое желание вновь стать бессмертным.

Да, он мог приобрести логр и обрести виртуальное бессмертие среди бесчисленных фантомных вселенных истинного Логриса. Однако (хотя логр он все же приобрел) для Гоура была невыносима мысль, что его вечное существование *там* перечеркнет все планы мести, вынашиваемые относительно людей.

Так же невозможно для него воспользоваться достижениями человечества в области биологической реконструкции. Он знал – цивилизация хараминов в данном вопросе далеко обогнала логриан и инсектов, и проблемы бессмертия просто не могли не волновать его предков.

Когда Гоур вернулся в Сердце Харма, у него были только вопросы. Теперь же он знал часть ответов на них и действовал с двойной осторожностью. Потратив практически всю жизнь на поиски, сейчас он понимал – у него нет права на ошибку. Несколько космических кораблей, на которых он вывез предметы древней культуры хараминов, стали основой баснословного богатства. Власть денег позволила Гоуру снова вершить судьбы смертных, сообразуясь только со своими стремлениями.

Он знал, что за ним наблюдают, но лишь посмеивался над наивностью ганианца.

Все, начиная от количества планетарного топлива в угнанном Таманцевым «Фантоме» и заканчивая взглядом через плечо, позволившим ганианцу увидеть жирный маркер посреди пустыни, являлось деталями тщательно проработанного плана.

Таманцев увел «Фантом» на нужную горизонталь и, сам того не подозревая, подал импульс энергии к устройству древнего портала, на поиски которого у Гоура не хватило бы жизни. Теперь любопытство и жадность Файзулло продолжали начатое.

Пусть копает.

Древние документы, обнаруженные Гоуром в архивах Сердца Харма, подтвердили его догадку – цивилизация предков действительно проводила исследования, направленные на обретение бессмертия, но перед комплексами лабораторий и полигонов, расположенных на засекреченной планете, ставился более широкий круг исследовательских задач.

Планета, к которой не вела ни одна гиперсферная трасса, в далеком прошлом являлась испытательным полигоном и одновременно – неодолимым препятствием на пути к следующему миру, где располагались исследовательские комплексы.

Три миллиона лет назад, когда первая волна миграции предтеч серьезно потрепала колонии инсектов, стало ясно – глобальных миграций не избежать. Семьи насекомоподобных существ рано или поздно покинут гибнущие миры, назревала небывалая в истории древних цивилизаций война за жизненное пространство. Хараммины готовились к ней. Схватка с многочисленными ордами инсектов, являющихся природными телепатами, способными читать мысли противника, грозила обернуться поражением и оккупацией скопления О’Хара.

Союзниками инсектов, несомненно, выступят логриане. Врожденный пацифизм расы ксеноморфов не гарантировал безропотную гибель освоившей огромные пространства космоса цивилизации под ударами неразумной космической силы. Перед лицом смертельной опасности логриане перешагнут через вековые барьеры, минимум, что они могли сделать, – это передать свои уникальные технологии инсектам в обмен на гарантии предоставления им части отвоеванного у хараминов жизненного пространства.

Предки Гоура хорошо понимали – основные сражения развернутся не в космосе, а на поверхности пригодных для жизни планет, куда еще в древности были проложены гиперсферные тоннели, служившие до сих пор целям торговли.

Хараминам предстояло сражаться на два фронта.

Чтобы избежать неравной борьбы, предки Гоура избрали иную тактику: не дожидаясь вторичного появления предтеч, они осуществили серию превентивных ударов по космическим поселениям логриан. Инсекты, потерявшие планетные колонии, но упорно цеплявшиеся за выстроенную ими Сферу Дайсона, не пришли на помощь потенциальным союзникам в будущей борьбе, они еще надеялись отстоять свой искусственно созданный мир, и в результате хараминам удалось уничтожить Логрис, а затем, под угрозой смерти, заставить логриан

покинуть свои миры. Расу ксеноморфов депортировали на планеты скопления О'Хара, где они оказались на положении рабов.

Устранив угрозу технического превосходства потенциального противника, хараммины могли заняться подготовкой к неизбежному вторжению инсектов.

Для борьбы с бесчисленными ордами насекомых не годились обычные средства вооружения. Бойцовские особи инсектов не обладали инстинктом самосохранения, для них воля общественного разума муравейника была сильнее инстинктивного желания выжить.

Гоура мало интересовала, а порой и откровенно раздражала древнейшая история. Годы прозябания в покинутом жителями, наполовину разрушенном Сердце Харма сливались в череду однообразных дней, он искал и не находил ту тень величия собственной цивилизации, что поставила бы хараамминов высоко над иными существами. В древних документах он обнаруживал лишь следы суетливой *возни*: внезапных нападений на станции логриан, адаптацию украденных технологий, планы геноцида относительно расы инсектов…

Гоур не за тем тратил бесценные годы собственной жизни, чтобы вновь и вновь погружаться в прошлое, с каждым разом разочарованно убеждаясь: гордыня последнего хараммина Квоты не находит подтверждения.

И все же он оказался несправедлив в мысленных оценках прошлого.

Тайны истории открывались с трудом, ему приходилось прилагать немало усердия и терпения: древние носители информации порой едва поддавались прочтению, часть данных с них оказывалась безвозвратно утраченой, а те, что сохранились, приходилось просматривать, анализировать, выискивая среди бесконечных планов, отчетов крупицы взлелеянной, призрачной мечты…

Переломным стал день, когда в руки состарившегося, почти впавшего в отчаяние Гоура попал документ, являвшийся поименным списком первого состава Квоты Бессмертных.

Казалось, что важного можно почерпнуть из перечня имен, должностей и титулов?

Решающее значение имела дата составления списка. По летоисчислению хараамминов получалось, что первая Квота Бессмертных была сформирована ДО разрушения Логриса, ДО узурпации технологий переноса сознания на выращенные биологические носители, то есть – бессмертие первой Квоты опиралось на открытия и технологии собственной цивилизации!

Гоур почувствовал в тот день, что к нему возвращается энергия молодости.

Жизнь и борьба вновь обретали смысл. Теперь он точно знал – технология бессмертия, не использующая логрианские схемы переноса сознания, существовала и что немаловажно – ее разработка была доведена до логического завершения, до стадии применения на практике.

Мечта возродить Квоту, собрать остатки цивилизации, рассеянной по многим планетам скопления, дать новым Бессмертным ясную цель, отомстить людям за опустевшее Сердце Харма – теперь подобные задачи становились реально исполнимыми, оставалось сделать последнее усилие, отыскать подробное описание технологии бессмертия и воспроизвести необходимую аппаратуру…

Вновь для Гоура начались долгие, порой мучительные поиски.

В минуты отчаянья он вышагивал по опустевшим залам и переходам Сердца Харма, твердя про себя: *я добьюсь, найду, найду, найду…*

Он старел, тело дряхлело, а в рассудке крепла ненависть, уже превратившаяся в маниакальную идею.

Вновь и вновь обращаясь к документам далекой эпохи, он задавал себе вопрос: почему были прерваны исследования в области вечной жизни, а последующие члены Квоты возрождались в камерах биологической реконструкции?

Первый вариант формулы бессмертия исключал логрианские технологии. Гоур нашел некоторые документы, косвенно свидетельствующие о том, что не было никаких реинкарнаций, первый состав Квоты перестал стареть, но почему данная технология оказалась отвергнутой?

Возможно, Гоур никогда не нашел бы ответа, не обратись он к той самой кажущейся ему ненавистной истории развития древнего мира.

Не сразу, но он все же заметил некоторые временны́е совпадения – вторая миграция предтеч изринула через имеющиеся на многих планетах скопления порталы гиперпространственных тоннелей миллиардные армии инсектов, бегущих из разрушенной Сферы Дайсона. Тогда же Советом Квоты было принято решение об изоляции скопления при помощи разработанных логрианами генераторов Вуали, на территории многих миров шли кровопролитные сражения с ордами вторгшихся туда насекомых, а в Сердце Харма заработала установка лжелогриса.

Переход на принципиально новые технологии произошел одновременно с изоляцией шарового скопления от остального космоса, где продолжалась губительная миграция предтеч.

Долгие размышления привели хараммина к единственному выводу: вся технологическая база, на основе которой членам первой Квоты была дарована вечная жизнь, находилась вне пределов скопления О’Хара!

Вполне логично, учитывая непредсказуемое развитие вторжения инсектов. Лабораторные комплексы были спрятаны, вынесены далеко за пределы вероятного театра боевых действий, но изоляция шарового скопления прервала доступ к внешним мирам, а воспроизвести технологии и оборудование хотя бы тут, в Сердце Харма, по каким-то причинам не представилось возможным, и в ход пошли логрианские разработки.

Внешние миры…

Гоур не раз находил в древних документах упоминание о нескольких звездных системах, соединенных гиперпространственными тоннелями, где осуществлялась разработка и полигонные испытания оружия, предназначенного для эффективной борьбы против орд насекомоподобных существ.

Не там ли, на базе развитой структуры биологических лабораторий, были совершены открытия в области технологии вечной жизни?

Мысль показалась ему здравой, и Гоур начал по крупицам собирать упоминания о таинственных мирах, доступ к которым через аномалию космоса был закрыт, по крайней мере, на уровне тех технологий, что существовали три миллиона лет назад. В документах ясно указывалось – все ведущие к двум звездным системам линии напряженности гиперсферы были запечатаны ложными порталами, запитанными от источников естественной энергии планет, но не имеющими ответных устройств, что создавало своеобразный «обрыв», энергетические потоки гиперсферы искажались, и на их основе уже не представлялось возможным формирование действующего тоннеля. Два мира – лаборатории и полигон – были соединены между собой одним действующим устройством внепространственной транспортировки, ключом же к ним являлся третий мир – пустынный, непригодный для жизни и бесперспективный в плане колонизации. Там, среди мертвых пустынь, располагался портал, ведущий к полигону, где проходили испытания образцы жизненных форм, созданные для борьбы с полчищами инсектов.

Гоур чувствовал – он как никогда близок к осуществлению своей мечты. Он по-прежнему не знал, на каком принципе базировалось бессмертие первой Квоты, какие жизненные формы были созданы его предками для защиты полигона и борьбы с инсектами, но сейчас ему казалось: главное – это отыскать таинственные планеты. Восстановить существовавшие там устройства, воссоздать технологии можно при

помощи современной человеческой техники. Важно только, чтобы люди ни в коем случае не узнали о замысле последнего из Квоты Бессмертных.

Искомая планета, где располагался ключевой портал, по мнению Гоура, должна находиться сразу за Рукавом Пустоты.

Анализ освоенных людьми планет быстро дал несколько соответствий, но существовал еще один критерий, определяющий истинную систему, в пределах которой располагалось древнее устройство транспортировки, – одна из гиперсферных линий напряженности должна иметь искажение или «обрыв».

Всем признакам соответствовала только система Ганио.

Теперь, после обнаружения портала, Гоуру оставалось лишь истратить немалую сумму, чтобы осуществить свой дьявольский план мести и вновь обрести бессмертие.

Глупый и жадный Файзулло стал надежным оружием в его руках.

Глава 8

Планета Рок. Рубеж

Далеко у горизонта сверкали вспышки.

– Похоже на грозу при ясном небе, – пробормотал Лаймел, тяжело облокотившийся о край стены. – Что думаешь, Таманцев? – спросил он.

– Думаю, что сбываются худшие из моих предположений. – Иван не был настроен скрывать или преуменьшать опасность. – Очень похоже на разряды плазмогенераторов.

– Тяжелая боевая техника?

– Да.

– Но ты же сказал, что боевым машинам не пройти через портал!

– Через тот, что мы видели в помещениях «Когтя», машинам действительно не пройти. Но где гарантия, что не существует иных приемников гиперпространственного транспортного тоннеля? Инсекты умели сортировать объекты, перемещающиеся через гиперсферу, по массе. Для крупногабаритных тяжелых грузов почти наверняка существует отдельный портал.

– Значит, нам нужно готовиться к обороне Рубежа?

– Да. Но имей в виду, Лаймел, если нашими врагами окажутся ганианцы, я буду просить у тебя время на переговоры.

– Зачем?

– Они втянуты в смертельную для всех игру. Их психологию изучили, слабости использовали, преследуя только одну цель – натравить на нас и дождаться, пока мы взаимно уничтожим друг друга. Я не хочу быть марионеткой.

– А если переговоры сорвутся?

– Я не пророк, – ответил Таманцев, напряженно всматриваясь в далекие зарницы. – Там, – он жестом указал в сторону вспышек, – действуют как минимум две или три серв-машины. Класс пока определить затруднюсь, но даже если нам будут противостоять легкие «Хоплиты» – они возьмут Рубеж. Вот почему я предпочитаю попытку переговоров.

Лаймел насупился.

– Сомневаешься в воинах?

– Нет. Реально смотрю на положение вещей и расклад сил. Ты не встречался в бою с серв-машинами, я же имел такое «удовольствие». Чтобы сдержать их натиск, необходимы адекватные виды вооружений, а у нас их,

к сожалению, нет.

– Метаморфы.

– Я помню. И знаю, что они будут драться, как никогда ранее. Но подожди, дай мне шанс.

– Хорошо. Шанс на переговоры я тебе дам. Но дадут ли его они?

– Посмотрим…

* * *

Головные дозоры наступающих вышли к Рубежу в сумерках.

Лаймел сумел определить приближение противника лишь по легкому, неестественному для теплого безветренного вечера движению воздуха.

Древние датчики, установленные на Рубеже, работали, но на контрольных мониторах изображение так и не появилось. Лишь детектор, собранный Таманцевым из подручных средств, показал россыпь алых точек, одни крупнее, другие помельче, приближающихся к передовым укреплениям, растянувшись длинной цепью.

– Таманцев, что нам делать?

Иван, наблюдавший за показаниями прибора, спросил:

– Нужную частоту настроили?

– Да.

– Тогда мой выход. – Он взял коммуникатор. – Сориентируй стрелков на тот случай, если моя затея провалится. Три крупные точки – серв-машины, предположительно «Хоплиты». Их уничтожать в первую очередь. Стрелковое оружие не поможет, только ракеты с кумулятивной боевой частью.

– А остальные сигналы?

– Пехота в бронескафандрах. По ним пусть работают автоматические орудия. Неплохо отработать по целям осколочными боеприпасами, пусть даже прямых попаданий не будет, но их датчики подсистем посшибает осколками, да и фантом-генераторы начнут сбоить.

– Понял. – Лаймел заметно нервничал, видно, до последней секунды ему не верилось, что предсказанные Таманцевым события все же произойдут…

…Иван коснулся сенсора коммуникатора, соединенного с мощным, настроенным по его указаниям устройством связи, и негромко произнес:

– Файзулло, останови людей и машины. Надо поговорить.

Он рисковал. Таманцев прекрасно понимал: у него только одна попытка. Угадать, кто на самом деле приближается к Рубежу, было сложно, но опыт подсказывал: соединение нерегулярное, тактику планетарных боев

не изучавшее, иначе шли бы иным построением. Таким образом, разведгруппы Флота Конфедерации отпадали автоматически. Хараммины? Вряд ли они после Семидневной Войны станут рисковать своими драгоценными жизнями. Голубокожие, в лучшем случае, пошлют машины, а те также сформировали бы иное построение для атаки Рубежа.

Следуя логике событий, оставался только ганианец. Черные археологи вообще не сунулись бы к городу. Корпорации Окраины, почувствовав интерес к определенному миру, действовали бы массированно, под прикрытием с орбиты. Как ни крути – небольшой отряд в сотню воинов, сопровождаемый легкими серв-машинами, более всего подпадал под численность, комплектацию и тактику Кланов Ганио.

Сейчас главным оружием Таманцева оставалась логика.

Он рисковал, понимая, что, правильно вычислив противника, выиграет не просто время. Выводы Ивана простирались намного дальше, чем предполагал тот же Лаймел.

…После его слов в эфире некоторое время царила тишина, затем неумолимое движение алых маркеров на дисплее самодельного прибора остановилось.

– Файзулло, ты любишь, когда тебе бьют в спину? – продолжил рискованную игру Таманцев. Он ничего не знал наверняка, его слова основывались лишь на сделанных заранее выводах.

Хараммины не зря выжидали столько лет. Они, по любым раскладам, уже достигли преклонного возраста своих физических тел и ни за что не станут рисковать бренными оболочками рассудка, помнящего вечность миллионолетнего существования. Они не пойдут к цели напролом, они заявятся в бывшую колонию только после того, как обретут уверенность, что Рок зачищен. Зачем им нужен Файзулло и его свирепые воины – понятно. Но после уничтожения городских укреплений им потребуется убрать исполнителя грязной и кровавой акции. Кого они привлекут для окончательной зачистки Рока?

Только машины.

Кибермеханизмы, которые неспособны предать, ослушаться приказа или причинить вред своему хозяину.

Эфир наконец откликнулся.

– Таманцев, курунг хау… Я узнаю твой голос… Ты жив?

У Ивана потеплело на душе.

Файзулло. В сложившейся ситуации он воспринимал его почти как родного.

– Да, это я, джелави, – ответил Иван. – Как видишь, живой.

– Я только слышу, – недовольно ответил ганианец, уже оправившийся от потрясения.

– Но ведь тебе сказали: забудь о нем, правда? Таманцев не вернется, чтобы мстить? Ведь так?

– Какая тебе разница?

– Мне – никакой. А вот тебе нужно подумать, почему хараммины позволили воинам клана раскопать древний портал? Почему не помешали тебе подготовить вторжение?

Тишина.

Конечно, у Файзулло не было ответов на прозвучавшие вопросы. Пытался он сформировать их сейчас или нет – дело третье. На ганианца следовало давить, давить жестко и постоянно, не давая ему опомниться.

– Файзулло, тебя элементарно подставили. Ты ведь знаешь, что такое «двойная зачистка»? Сначала ты берешь штурмом город, несешь потери, теряешь бойцов и машины, а следом приходят другие, но уже затем, чтобы добить остатки твоего отряда. Не думал над таким вариантом, верно? И вообще, на что тебе сдалась потерянная колония? Решил основать свое государство? Ну а ты хоть выставил тыловое охранение?

– Много говоришь, Таманцев, – огрызнулся ганианец.

– Зато по делу. Попробуй, свяжись с ними. Тебе ведь несложно. Начнешь атаку на пять минут позже, не беда.

– Мое охранение на месте.

– А ты узнай, прежде чем так уверенно отвечать.

Таманцев уповал сейчас на многие факторы, относящиеся к области допущений. Машины, предназначенные для «повторной зачистки», на Роке появятся обязательно, вопрос – когда?

Хараммины умеют выжидать.

Но Рок для них – единственная возможность повернуть историю вспять. Хватит ли выдержки у бывших бессмертных из числа Квоты?

Кроме прочего, в процессе вечной жизни они приобрели такие качества, как чрезмерная прямолинейность в оценках. Не зная противника, они будут изучать его долго, тщательно, но, получив исчерпывающую информацию, классифицировав ту или иную силу, они начинают либо опасаться ее, либо пренебрегать ею. В случае с Файзулло вероятно последнее. Точка невозвращения для воинов Ганио пройдена, они уже оказались под стенами Рубежа, а, по мнению хараamминов, на Роке нет силы, способной остановить или хотя бы отсрочить начало штурма.

Среди множества исторических уроков бывшие бессмертные так и не сумели усвоить самый важный, касающийся человечества: несмотря на

кажущуюся разобщенность, на непримиримые, казалось бы, противоречия между отдельными планетными цивилизациями, на продажность или глупость отдельных индивидов, люди способны объединяться перед лицом глобальной угрозы.

Так было в период Семидневной Войны, когда звук человеческого голоса, переданный на открытой радиочастоте, внезапно становился магическим паролем, прямо сообщающим – я свой, мы на одной стороне, а против нас враг, пришедший из глубин космоса, чуждый во всем…

Таманцев рассчитывал получить тот же эффект.

Файзулло воспитан жестокими законами Ганио, его нельзя судить вне этических рамок его собственной планетной цивилизации, и потому Иван пошел на риск зыбких переговоров, вместо того чтобы начать кровавую бойню.

Она грядет, но пусть хараммины ошибутся еще раз, а посланные ими машины встретят не руины Рубежа, а ощерившийся современными датчиками периметр стен.

Давай, Файзулло!

Ты человек. Сначала человек, а уж потом – ганианец.

На частоте связи раздалось хриплое ругательство.

– Охрана портала не отвечает? – Иван постарался, чтобы в его голосе не прозвучала издевка. – Отстрели капсулы с наномашинами. Пусть они осветят для тебя тылы.

Файзулло ничего не ответил, но через некоторое время из-под густых крон деревьев коротко рвануло пламя ракетных запусков.

– Всем внимание! – Иван обернулся, включив элемент глобальной навигационной системы колониального транспорта «Надежда». Наномашины, которые через несколько секунд будут распылены над огромными пространствами материка Рока, автоматически образуют информационную сеть, доступ к которой Таманцев рассчитывал получить. Сыграв на нервах у Файзулло, он, что греха таить, преследовал две цели, ведь от сканеров микромашин не помогут фантом-генераторы, служившие до сей поры идеальной маскировкой ганианским воинам.

В очередном расчете Таманцева вновь скрывался элемент риска – он лишь предположил, что, учитывая санкции Совета Безопасности Миров, Файзулло мог достать не боевые, а только гражданские образчики высокотехнологичной нанопыли. Разница между боевой и «мирной» сетками, образованными нанопылью, заключалась в том, что последняя передавала данные на открытых, доступных для древней навигационной аппаратуры частотах, не шифруя сигнал, предоставляя право пользоваться

собранными сведениями любому, кто в них нуждался.

Когда в сфере голографического монитора начала формироваться трехмерная карта поверхности Рока с явными распределениями сигнатур, Иван понял, что больше убеждать Файзулло не придется – нож уже был воткнут в спину ганианца. Хараммины все же поторопились. Блокируя портал, они были уверены, что штурм Рубежа уже начался, но еще осторожничали, не разворачивая собственную глобальную информационную сеть, чтобы ненароком не сбить с толку ганианских воинов.

Портал был заблокирован. Но прежде через него прошло полноценное серв-соединение, со штатной поддержкой пехотных дройдов, разве что без прикрытия аэрокосмических истребителей и мобильных ремонтно-технических баз.

К чему они, когда «Фалангеры» сломят сопротивление остатков банды Файзулло за считаные минуты?

Портал на Ганио закрыт… Остается еще один в залах «Когтя», но о нем мы знаем. Главное, чтобы не оказалось третьей лазейки, чтобы хараммины не успели ускользнуть, раствориться среди диких, не освоенных людьми пространств, где вполне могли существовать и другие древние строения.

– Ванг Шиист… – Файзулло продолжал ругаться, проклиная демонов своей мифологии и взывая к богам. – Таманцев, сын курунга, откуда ты знал?!

– Я ничего не знал наверняка, Файзулло, поверь слову воина. Я предполагал, ставя себя на место противника. Сначала на твое место, джелави, потом я влез в шкуру хаpамминов и понял: они используют тебя, как использовали меня. Понимаешь? Мне легко дали уйти, совершить побег, тебе позволили раскопать портал и проникнуться идеей создания собственного планетного государства. Все просто. Мы теперь в одной лодке, не находишь?

– Я не знаю, что такое лодка!.. – яростно огрызнулся Файзулло. – Но ты прав, Таманцев. Враг моего врага – мой друг. Я правильно сказал?

– Абсолютно. Я дам тебе больше информации при личной встрече. Сразу предупреждаю об одном – ни в коем случае не снимайте герметизацию скафандров. Иначе ты и твои воины навсегда останетесь тут.

– Почему?

– Воздух планеты только кажется пригодным для дыхания. На самом деле он отравлен, – не стал пускаться в подробные разъяснения Таманцев.

– Твои условия? – Файзулло уже оценил все преимущества Рубежа и

свое безнадежное положение – зажатый между двух огней, он способен лишь погибнуть.

– Под честное слово воина я открою перед тобой ворота укреплений. Но мы будем сражаться плечом к плечу – до победы или смерти.

– Слово воина, джелави. Клянусь Шиистом, я буду защищать тебя, как брата.

– Ему можно верить? – вмешался в разговор Лаймел.

– Вполне, – ответил Иван. – Времени на созыв Совета саттов нет, на препирательства – тоже. Серв-соединение, при поддержке боевых андроидов и штурмовых механизмов, сметет Рубеж.

– А что нам даст союз с ганианцами?

– Три серв-машины и сотню бесстрашных бойцов в современных боевых скафандрах.

– А не получится так, что, открыв ворота, я впущу смерть в собственный дом? – продолжал сомневаться Лаймел.

– Он дал клятву, нарушить которую на его планете равнозначно смерти. Сомневаешься – поставь у ворот эмгланов. Я выдвину Файзулло условие, чтобы тот отключил маскирующие системы.

– Хорошо. Так и сделаем. Но рядом с эмгланами будут дежурить воины с тяжелым вооружением.

– Поступай как знаешь, Лаймел, но решай быстро, мы не в том положении, чтобы медлить.

– Я уже принял решение. – Анжи взглянул на голографический монитор. – Смотри, они начали движение от портала в сторону города.

– Вижу. Ты заготовил взрывные устройства на стенах?

– Да. Они не причинят вреда, но имитируют взрывы.

– Пусть взрывами управляет «Хьюго».

– Твой андроид? – удивился Лаймел.

– Да. Я объяснил ему самое главное – ритмику современного столкновения, он единственный, кто сумеет в правильной последовательности, с соблюдением точных интервалов подрывать твои «хлопушки».

– Хорошо. Я даю разрешение. Хотя не понимаю, зачем тебе лишний шум?

– У машин, что идут от портала, есть сканеры. Если они не будут фиксировать признаки идущего тут боя, то расстреляют Рубеж с дальних позиций тяжелыми ракетами. Единственный способ справиться с «Фалангерами» – подпустить их как можно ближе, стеснить в маневре, лишить возможности применить сверхтяжелое вооружение.

– Ты командуешь. – Лаймел склонил голову. – Сегодня ты – глава сатта воинов.

– Передай остальным – четко следуя моим приказам, многие имеют реальный шанс уцелеть. Но командовать саттом будешь ты.

– Почему?

– Я возьму управление одним из «Хоплитов», – пояснил Таманцев. – Схватка предстоит жестокая, Лаймел. Ты еще не представляешь ее истинных масштабов.

– А с теми, кто преследует ганианцев, договориться нельзя?

– Нет, – ответил Иван. – Против нас выступили машины с модулями искусственного интеллекта «Одиночка». С ними нельзя даже вступить в переговоры. Они жестокие противники, ведут бой до полного уничтожения одной из сторон. Извини, но это реальность. Не вижу смысла ее приукрашивать.

Анжи сдержанно кивнул, хотя на его лице сквозь бледность проступили пунцовые пятна.

– Эмгланы на позиции. Я открываю ворота Рубежа.

* * *

Спустя час серв-соединение, прошедшее через портал вслед за разведгруппами, начало движение к Рубежу.

Сеть наномашин фиксировала порядка двухсот активных сигналов. Вся информация, полученная от микродатчиков, сейчас стекалась на временный командный пункт, оборудованный в глубинах внутрискальных коммуникаций.

Лаймел, Флора, Райбен, Найв и еще несколько едва знакомых Ивану командиров от сатта воинов напряженно прислушивались к спору между Таманцевым и Файзулло, фигура которого, облаченная в боевой скафандр, возвышалась над собравшимися.

– Отродья Курунга… – ругался ганианец. – Их слишком много.

– И только половина сигнатур идентифицируется как боевые дройды. – Таманцев сосредоточенно вглядывался в карты распределения сигнатур.

– Ложные цели, – высказал свое мнение Файзулло. – Пустынные миражи…

– Не думаю. – Иван повернул голографическую модель. – Часть наномашин уже опустилась ниже уровня маскирующих полей. Сигнатуры – не генерация, они принадлежат реальным механизмам. Штурмовые сервы. Производятся корпорацией «Инфосистемз». Высокая подвижность, огневая

мощь, малые габариты, мимикрирующая броня. Весь букет технологий.

– Откуда знаешь? – не поверил Файзулло.

– Имел «удовольствие» встречать в бою. Опасные противники. Так… – Иван обернулся, жестом приглашая всех подойти поближе. – Численный и классификационный состав противника ясен. Два «Фалангера», три «Хоплита», полторы сотни пехотных дройдов и четыре десятка штурмовых сервомеханизмов последнего поколения. Они наиболее опасны. Разработаны специально для проникновения в глубоко эшелонированные бункерные зоны, способны вести бой в ограниченных пространствах, вооружены лазерами и двадцатимиллиметровыми импульсными орудиями, с боеприпасом кумулятивного или разрывного действия. В зависимости от обстановки и типа противника сервомеханизмы будут менять тактику, координируя действия в рамках локальной сети.

– Они представляют наибольшую угрозу? – спросил Лаймел.

– Да. Они и два «Фалангера» – наши основные цели, – ответил Таманцев. – Тактику соединения предсказать нетрудно. Андроиды и «Хоплиты» займут позиции огневого прикрытия, «Фалангеры» предпримут попытку взломать ворота Рубежа, штурмовые сервы тем временем начнут атаку, поднимаясь по стенам, их манипуляторы оснащены присосками, обеспечивающими идеальное сцепление с любой твердой поверхностью.

– Мы ничего не в состоянии противопоставить им?

– Крупнокалиберное вооружение плюс наше основное преимущество.

– Какое? – мрачно переспросил Лаймел. – Три сотни бойцов против двухсот машин? Не вижу тут никаких преимуществ.

– Мы люди. Вырубив «Одиночек» – системы искусственного интеллекта, которыми оснащены серв-машины, с остальными механизмами справимся, хотя говорить, что будет легко, не стану.

– Штурмовые сервы, поднявшись на стены, устроят бойню. Бронескафадр не устоит против очереди двадцатимиллиметровых кумулятивных зарядов, что говорить об обыкновенной экипировке? – мрачно произнес Файзулло.

– А мы не дадим им подняться, – ответил Иван.

– Каким образом?

– Стены Рубежа защищены огнеметами. Их стволы направлены вертикально вниз, чтобы отсекать огнем метаморфов. Когда штурмовые сервы начнут подъем, устроим им ловушку.

Таманцев вновь вернулся взглядом к модели укреплений.

– Главный удар «Фалангеры» нанесут здесь, – Иван указал на трехмерное изображение прохода, с обеих сторон запертого воротами. –

Мы устроим еще одну западню – позволим серв-машинам взломать наружный створ.

– Заминируем проход?

– Да. Но сначала используем внутренние ворота в качестве поражающих элементов направленного взрыва.

– Сенсоры машин обнаружат мины.

– Не смогут. Мы будем минировать проход бескорпусными зарядами. Пластичная взрывчатка плюс поражающие элементы. Разберем несколько зенитных ракет, они начинены шариками.

Ганианец посмотрел на голографическую модель укреплений.

Действительно, позиция удобная. Он успел проанализировать достоинства и недостатки Рубежа, с обеих сторон зажатого отвесными скалами, еще во время движения его отряда от портала. Теперь, когда ситуация внезапно приняла иной оборот и он оказался в роли защитника укреплений, которые всего час назад собирался штурмовать, Файзулло высказал свое сомнение:

– Штурмовые сервы обойдут нас по скалам.

– Не обойдут, – возразил Таманцев. – Этим займутся твои люди. Два отряда пусть установят на скалах сенсорные мины, а сами поднимутся выше и ждут, отключив основные энергосистемы бронескафандров. Если штурмовые сервы пойдут в обход, группы вступают в бой. Скалы послужат естественным укрытием, а сервы окажутся в невыгодном положении. Они зафиксируют минные ловушки, но, расстреливая их, вызовут обвалы и ясно обозначат свои позиции. Короче, не маленький, понимаешь.

– Ты хитрый, Таманцев, клянусь сердцем пустынного маргала…

Иван пропустил фразу ганианца мимо ушей.

– Теперь центральный узел обороны, – обратился он к Лаймелу. – Люди Файзулло надежно закроют фланги, но нам придется выдержать и главный удар.

– Почему ты считаешь, что машины станут атаковать «в лоб»?

– Мы не оставим им выбора. По отвесным скалам серв-машины не пройдут, расходовать ракеты, пробивая бреши в стенах, тоже без крайней необходимости не станут. Ворота – наиболее уязвимое место. Следуя предложенному плану, основную опасность на второй стадии операции будут представлять «Хоплиты». Они оснащены прыжковыми ускорителями, мощности которых достаточно для преодоления высоты стен. Лаймел, сколько у нас автоматических орудий?

– Десять.

– Огневую мощь концентрируем подле ворот, в районе вероятного

прорыва. Орудия молчат, пока не будут уничтожены оба «Фалангера», но как только тяжелые серв-машины получат критические повреждения, расчеты открывают ураганный огонь по «Хоплитам». Цели разобрать заранее, чтобы ни один не вырвался из-под огня. – Иван отметил на голографической схеме предпочтительные точки для установки орудий и продолжил: – Остальной личный состав занимается андроидами пехотной поддержки. Они уязвимы для стрелкового оружия, использующего химический боеприпас и классическую, не шариковую пулю. «АРГ-8» – грозное оружие, особенно когда оно находится в опытных руках. Но предупреждаю, довести до сведения каждого защитника Рубежа, как говорят у нас в десанте – рты не раскрывать, клювами не щелкать. Полторы сотни андроидов – опасный противник, огонь в первые минуты будет шквальным, иного слова не подберу. Понапрасну рисковать не стоит. Тактика простая: выстрел – смена позиции. Не сосредотачиваться на одной цели, фиксировать обстановку. Иначе глазом никто моргнуть не успеет, накроют из тактических ракетных комплексов. Позиции нижнего уровня, оборудованные бойницами, предпочтительнее, но соблюдать те же самые меры предосторожности. Всем понятно?

Командиры, приглашенные Лаймелом, по очереди кивнули.

– Тогда разводите подразделения по позициям, устанавливайте орудия. На все – не более часа.

– Иван. – Флора подошла к нему, требовательно заглянула в глаза – А я… то есть мы, – она оглянулась на эмглана и метаморфа.

– У вас особое задание. Нужно убедить Совет саттов отключить в городе всю энергию.

– Не понимаю, зачем?

– Нам противостоят машины с современными сканирующими комплексами. Город господствует над укреплениями Рубежа, и каждый очаг энергетической активности будет восприниматься машинами как узел обороны, расположенный на господствующих высотах.

– Они начнут обстрел города?

– Обязательно. Если не отключить энергию.

– Я поняла. Мы постараемся убедить Совет.

– Приложи максимум усилий. Иначе первые жертвы появятся не среди защитников Рубежа.

– А где будешь ты?

– Я? – Иван лишь на секунду задержался с ответом. – В рубке серв-машины.

Флора хотела спросить, опасно ли это, но промолчала, вовремя поняв,

что вопрос прозвучит глупо.

– Мы… не прощаемся?

Иван поцеловал ее, затем скупо ответил:

– Иди.

Флора почувствовала, как к горлу подступил спазм.

* * *

Время летело.

Иван едва успел отдать все необходимые для подготовки распоряжения, а сеть снижающихся наномашин уже передавала информацию о том, что силы противника, встречая разрозненное сопротивление со стороны диких обитателей леса, уже вышли на стокилометровый рубеж.

«Приблизительно там мы встретились с Флорой…» – невольно подумал Иван, поднимаясь в рубку «Хоплита».

Пилот-ложемент, тесно окруженный приборными панелями, манил, Таманцев отлично знал, что такое полный нейросенсорный контакт с машиной, он не раз проходил через горнило перерождения рассудка, когда кибернетические и сервомоторные узлы машины начинали восприниматься разумом как части собственного тела.

К счастью, Файзулло не стал экономить на технике, модель «Хоплита» была, конечно, не самая продвинутая, но и реликтом времен Первой Галактической ее не назовешь. Нейросенсорный контакт, по крайней мере, осуществлялся не посредством шунта, обмен данными поддерживался через приемопередающие устройства импланта. Да и вооружение легкой серв-машины не ограничивалось ракетным боезапасом и зенитным орудием – на оружейных пилонах «Хоплита» крепились еще два автоматических орудия, в резерве на дополнительных креплениях располагались лазерные установки.

Жить будем… – Мысли Ивана погружались в омут нейросенсорного контакта по мере включения подсистем.

– Файзулло? – произнес он, проверяя систему связи.

– Я здесь, джелави.

– Ты все сделал, как договаривались?

– Да. Третий из «Хоплитов» находится в укрытии. По твоему сигналу он задействует аварийный передатчик гиперсферных частот. Но энергии после отправки сообщения у него уже не останется.

– Знаю.

– Почему ты не хочешь отправить сообщение сейчас? Пусть силы

флота выдвигаются.

– Нет. Пойми, Файзулло, отстоять город и Рубеж – малая часть дела. Нашим главным противником являются не сервомеханизмы, а хараммины из разгромленной Квоты Бессмертных. Если машины зафиксируют сигнал на гиперсферных частотах, Бессмертные снова ускользнут, они разгадают ловушку и не пройдут через портал.

– Портал блокирован, – мрачно напомнил Файзулло, считая, что шансов вернуться на Ганио у него больше нет.

– Существует еще как минимум два древних устройства, – ответил Иван. – Одно мы нашли, о третьем только догадываемся.

– Это хорошо, – воспрял духом ганианец. – Я вырву их лживые сердца и вернусь на родину. Ты ведь не станешь мне мешать, джелави?

– Не стану, – заверил Иван. – Хотя я бы замолвил за тебя словечко перед командованием флота.

– Не нужно.

– Как скажешь. Все. Тестовая проверка окончена. Перехожу в боевой режим.

– Включаю режим ведомого, – спокойно отозвался Файзулло.

Иван посмотрел вокруг, внимая новым чувствам, открывшимся в результате прямого контакта нервной системы с кибернетическими комплексами.

Противник уже находился в пятидесяти километрах.

Огни города по-прежнему вызывающее сияли в подкравшихся, стремительно сгущающихся сумерках.

– Выдвигаемся на позиции, – коротко произнес Таманцев.

* * *

– Флора, разве Иван не сказал, чтобы мы шли в город?

Шодан обернулась, пригвоздив эмглана гневным взглядом.

– А связь на что? – спросила она. – Или ты хочешь сбежать с Рубежа?

– Было бы неплохо, – проворчал эмглан и тут же добавил: – Не смотри на меня так! Я слышу все, что ты сейчас думаешь!..

– Можешь уходить. Я никого насильно не удерживаю!

– А сама остаешься?!

– Да, остаюсь. – Флора уже набрала номер и поддерживать диалог с Найвом явно не собиралась.

Райбен вырастил необычный с точки зрения человеческой анатомии «глаз» и что-то пытался рассмотреть вдали.

Коммуникатор Флоры, включенный на громкую связь, ответил

голосом Келгана:

– Слушаю.

– Узнал?

– Шодан? Вернулась в город?

– Да. Но звоню по иному поводу. Ты должен меня выслушать.

– С чего это вдруг я стану тебя выслушивать?

– А ты попробуй. Не пожалеешь, клянусь.

– Ну что с тобой делать. Выкладывай.

Последующие несколько минут Флора подробно излагала Келгану, почему тот должен отдать немедленное распоряжение об отключении в городе всех энергоцепей.

Он слушал ее, не перебивая, лишь пару раз задал уточняющие вопросы, а когда Шодан закончила, некоторое время молчал – в коммуникаторе слышалось лишь его неровное дыхание.

– Значит, вы привели и пропустили через Рубеж чужаков? – наконец произнес он. В голосе Келгана звучало плохо скрытое раздражение.

– Ты что, не слушал меня? Не мы привели чужаков! Они вторглись на планету!

– Мне ясно одно – вы все сошли с ума. Либо еще хуже – стали предателями своего народа.

– Келган, неужели так трудно понять – если не выключить энергоснабжение, машины ударят по городу! – Шодан едва сдерживала подкатившую к горлу ярость. – Погибнут сотни ни в чем не повинных людей!

– И их смерти останутся на вашей совести! – резко ответил Келган. – Вы все, включая Лаймела, предатели!

– Келган, хотя бы раз уйми свои амбиции, вообрази, если не можешь понять, что я говорю *правду*!

– Я не верю тебе, Шодан. Вы впустили чужаков на Рубеж, а теперь ты звонишь мне и требуешь отключить энергию, остановить сервов? Чтобы убивать нас, беззащитных, в полной тьме?

– Ты сошел с ума! Очнись же наконец!

– Нет, это ты очнись. – Голос Келгана неузнаваемо изменился. – Ты предала нас. И за предательство вы ответите. Все.

Флора хотела что-то возразить, но коммуникатор издал сигнал отбоя связи и отключился.

– Проклятье…

Она едва не разбила неповинный прибор о стену.

– Не горячись, – произнес Найв. – Я отключу энергию.

– Ты? – Шодан удивленно посмотрела на эмглана.

– В прошлом, очень далеком прошлом, все мы были обыкновенными людьми. И у каждого имелась своя профессия. Тебе не понять, Флора. Родившиеся на Роке не знают иной жизни, не помнят другой реальности.

– У нас мало времени, Найв.

– Я знаю. – Он грустно улыбнулся, будто вспомнил что-то теплое, значимое для него, спрятанное глубоко в тайниках души. – Уж не думал, что стану заниматься этим вновь…

– Чем? Ты можешь не говорить загадками?

– Когда-то я был главным инженером энергосистем колониального транспорта «Надежда», – ответил эмглан. – Удивлена?

Флора не нашлась, что сказать.

– Правильно. И не говори ничего. Эмглана трудно остановить, ведь я могу прочесть мысли тех, кто попытается мне помешать.

– Помощь нужна? – не оборачиваясь, спросил Райбен.

– Нет. Я отправлюсь в город один.

– Как скажешь, – пожал плечами Райбен. – Думаю, для нас с Флорой здесь найдется немало дел.

– Ты точно сможешь, Найв?

– Смогу. – Эмглан ответил в несвойственной ему твердой манере. – В отличие от Келгана, я прекрасно представляю степень угрозы для жителей. Каждый из нас по-своему любит и ненавидит город.

– Слишком много слов, – опять, не оборачиваясь, вставил реплику Райбен. – Поторопись. Они уже близко.

* * *

В то время как на стенах Рубежа шли последние приготовления к отражению атаки, Келган, ответив на звонок Флоры, вызвал к себе Ричарда.

Коротко пересказав ему суть разговора (в своем понимании, разумеется), он спросил:

– Ты хорошо помнишь Путь Обреченных?

– Подобное не забывается, – ответил Ричард.

– Нас охраняли вооруженные андроиды. Они отбивали атаки новоявленных метаморфов.

– Да. И что?

– Подобные машины сохранились?

– В избытке. Любой сервомеханизм серии «Хьюго» изначально снабжен боевыми программными модулями.[17]

– Отлично. – Глаза Келгана блеснули не то яростью, не то

начинающимся безумием. – Вот мой приказ: я разрешаю вскрыть городской арсенал, пусть каждый сервомеханизм, способный взять в руки оружие, получит его.

– И?

– Мы долго попустительствовали сатту воинов, разрешая разному сброду укрываться на Рубеже, вести свою жизнь, не подчиненную общим законам города. Теперь они нас предали. Чужаки с иного мира беспрепятственно прошли на территорию укреплений. Они делают вид, что хотят защитить нас от какой-то мифической силы, но мне ясно – они лгут. Их цель – завладеть городом, занять наши дома, обрести новые способности, а вместе с ними и право на вечную жизнь. В их мирах, – Келган сделал неопределенный жест рукой, указывая куда-то в район потолка, – в их мирах люди старятся и умирают, они же мечтают обрести вечность.

– Нас действительно предали?

– Абсурдное требование Шодан не убеждает тебя? Они хотят отключения энергосистем и остановки всех сервов! Ответь – зачем?

Ричард нахмурился.

– Похоже, ты прав… Хотя от Флоры я такого не ожидал.

– Она ослепла от любви к инопланетнику!

Ричард обернулся, посмотрел в окно. Он хотел выиграть немного времени на осмысление сказанного Келганом, но увидел далекие частые вспышки, хорошо различимые с высоты городских уровней.

– К ним движется подкрепление. Как видишь, в лесах, на подступах к Рубежу, уничтожается все живое.

Яд вливался в разум Ричарда, отравляя мысли.

Он хотел бы найти слова, возразить против предлагаемых крайних мер, но не нашел, чем опровергнуть утверждения главы сатта избранных.

– Я сформирую отряд и пошлю его к Рубежу. Только с одним условием, Келган, – андроиды не станут никого убивать. Они займут укрепления и возьмут под стражу пришельцев и их пособников, включая Лаймела.

– Ты не понял меня, Ричард.

– Напротив, я понял тебя слишком хорошо. Андроиды не откроют огонь по людям, если те не сделают это первыми.

Келган с трудом подавил растущую ярость и ответил:

– Так будет справедливо. Иди, формируй отряд. И поторопись, если тебе дорого хоть что-то в собственном городе.

Когда за Ричардом закрылась дверь, он взял коммуникатор, набрал

номер и произнес:

– Это Келган. Слушай меня внимательно. Скоро к Рубежу начнет выдвигаться большая группа андроидов. Ты должен пробраться к укреплениям, подняться на стены и произвести хотя бы один выстрел по машинам. Ты хорошо меня понял? Вот и молодец. Сделаешь, как я сказал, все твои грехи будут забыты, останутся в прошлом. Действуй без промедления, времени у тебя очень мало.

* * *

Два «Хоплита», находясь на постоянной связи и обмениваясь данными телеметрии, поднимались по пологим пандусам к верхним укреплениям Рубежа, откуда открывались стопроцентные сектора обстрела подступов.

– Файзулло, ты боишься смерти?

Вопрос Таманцева хоть и прозвучал неожиданно, но не застал ганианца врасплох.

– Умирать не хочется никому, джелави. Но смерти я не боюсь.

– Веришь, что она не окончательна?

– Верю. У каждого народа своя вера, вы поклоняетесь Логрису, моя же судьба в руках Шииста.

– Мы не поклоняемся Логрису.

– Но ты носишь на груди кристалл. Значит, веришь, что твоя душа не умрет, а возродится в фантомных вселенных.

– Ты много знаешь о Логрисе.

– Не так уж и много. Но к чему ты начал разговор?

– Если поймешь, что не выжить, – открывай гермошлем, Файзулло. Вдохни воздух Рока.

– И кем я стану?

– Все в руках твоего всевышнего.

– Спасибо, джелави. Я подумаю.

* * *

Ночь действительно озарялась вспышками разрывов.

Путь Обреченных вновь и вновь оправдывал свое зловещее название – несколько человекоподобных сервомеханизмов, уничтоженных внезапно атаковавшими из зарослей дикими метаморфами, остались лежать на тлеющем, обагренном кровью животных, вспаханном ступоходами мху, из-под которого обнажилось древнее покрытие дороги.

Однако самые яростные и опасные обитатели Рока были бессильны

против армии машин, неумолимо приближавшихся к Рубежу, за которым в глухой ночи царили уровни ярко освещенного уличной иллюминацией города.

Кибернетические системы обрабатывали данные, считывая множество сигнатур. Город в видении кибермеханизмов представлялся огромным, хорошо укрепленным районом господствующих высот, однако обилие «узлов обороны» противника нисколько не впечатляло, «Одиночкам», равно как и иным боевым системам, было абсолютно безразлично, сколько рубежей обороны придется прорывать, сколько жизней оборвется в яростном техногенном аду, их даже не заботил процент собственных потерь, поскольку он изначально был запрограммирован равным ста процентам.

Конечно, такое восприятие реальности не означало, что машины станут тупо лезть под огонь, у каждого сервомеханизма в системе присутствовал программный эквивалент инстинкта самосохранения, к тому же мгновенная реакция, способность фиксировать обстановку в целом, просчитывая свои действия на некоторое время вперед, превращало их в чрезвычайно трудные мишени.

По мнению существ, отправивших две сотни кибермеханизмов на штурм города, поселение людей было обречено.

В восприятии машин Рубеж не выглядел главным препятствием на пути к цели. Две стены, вырезанные из участка горного хребта, зажатые с двух сторон отвесными скалами, – лишь передовое укрепление на фоне обилия сигнатур, зафиксированных в пределах городских уровней. Системы распознавания целей определили присутствие тысяч человекоподобных машин, любая из которых могла расцениваться как вероятный противник, – андроиды по определению во все времена являлись «изделиями двойного предназначения», особенно древние модели, разработанные для защиты колонистов в условиях неизученных планет.

В тридцати километрах от города лавина сервоприводного металла остановилась.

Вперед выдвигались разведывательные группы, андроиды в сопровождении штурмовых сервов под прикрытием фантом-генераторов начали движение к стенам Рубежа, в то время как шестидесятитонные «Фалангеры» заняли позиции для ракетного залпа.

Оправдывались самые худшие предположения Таманцева относительно тактики, которой станет придерживаться серв-соединение.

– Всем в укрытия! – скомандовал он на частоте общей связи. – Флора,

ты где?

– Я в безопасности, – пришел уклончивый ответ.

– Почему до сих пор работают энергосистемы города?

– Келган отверг все мои доводы.

– Проклятье…

– Не все потеряно, Иван. Найв взялся выключить энергоснабжение.

– Боюсь, через пару минут будет поздно. Связь с ним есть?

– Нет. Он уже на подземных уровнях, его коммуникатор недоступен.

– Хорошо бы он успел. «Фалангеры» готовят залп, и нацелен он явно не на Рубеж. Мы не можем помешать им – тридцать километров далековато для оперативных ракет «Хоплитов»!

– Иван, уже ничего нельзя изменить. Найв либо успеет, либо нет.

Рок…

Похоже, древнее название планеты начинало оправдывать себя.

* * *

Келган стоял у панорамного окна и мрачно смотрел на раскинувшийся под его ногами город. Скрестив руки на груди, избранный ждал дальнейшего развития событий. Ричард только что доложил ему, что отряд андроидов сформирован и начал выдвигаться к Рубежу.

В качестве наблюдательного пункта Келган избрал наивысшую точку города – Дворец Правосудия.

Огромное здание занимало всю площадь самой верхней террасы, здесь никогда не выключалось освещение, сотни сервомеханизмов обслуживали комплекс, где раз в месяц по традиции заседал Совет саттов. Кроме технических сервов, в зданиях дворца постоянно находилось множество андроидов, исполнявших роль прислуги во время официальных приемов и торжеств.

«Фалангеры», встав на позиции, выдвинули дополнительные гидравлические упоры. Глубоко вдавившись в податливую почву, они обеспечивали дополнительную устойчивость машин при массированном ракетном запуске.

Системы «Одиночек» получали данные от «Хоплитов», оснащенных специализированными сканирующими комплексами, и от передовых разведывательных групп, находящихся уже в десятке километров от укреплений Рубежа.

Целевые мониторы выделили две приоритетные точки для немедленного удара.

Обе цели характеризовались плотными скоплениями сигнатур

человекоподобных машин.

В немой тишине притихшего леса с ревом разрядились тяжелые ракетные установки «Фалангеров», и машины, не дожидаясь результатов залпа, вновь начали преображаться, выпрямляя ступоходы, убирая системы дополнительной устойчивости.

Они возобновили движение к Рубежу одновременно с тем, как на территории города взъярился неистовый огонь разрывов, будто в двух местах началось внезапное извержение вулканов.

Часть ракет оказалась нацеленной на отряд вооруженных андроидов, выдвигавшихся к Рубежу со стороны города. Удар титанической мощи обрушился на средний уровень мегаполиса, взрывы ложились плотно, выбивая тридцатиметровые воронки в камне, окрестные строения сминало, будто картонные игрушки, облако дыма и пыли накрыло несколько квадратных километров. Из клубящегося вихря, в котором продолжали сверкать вспышки, выбрасывало тонны каменных обломков, выбитые с корнем горящие деревья, фрагменты зданий, разваливающихся уже в воздухе. Казалось, ничто и никто не в состоянии уцелеть среди буйства ракетных попаданий, однако основная цель залпа – отряд андроидов, введенных Ричардом в боевой режим, практически не пострадала, – сервомеханизмы зафиксировали запуски, успели просчитать траектории и бросились врассыпную, каждый выискивая подходящее укрытие.

Теперь, в облаке дыма и пыли, около полусотни человекоподобных машин вновь начали собираться вместе.

Келган стоял у окна, когда первый ракетный удар обрушился на город.

Он не успел ни испугаться, ни ужаснуться открывшемуся на миг зрелищу, даже звон лопнувшего под ударом воздушной волны стекла не успел почувствовать глава сатта избранных, потому что вторая волна выпущенных «Фалангерами» ракет через доли секунд поразила Дворец Правосудия, где сканирующие системы «Хоплитов» зафиксировали самое плотное в городе скопление машин и энергопотребляющих систем.

На миг показалось, что здание уцелеет, оно словно подернулось легкой дымкой, а потом вдруг в клокочущем вихре разрывов фасад начал рассыпаться на фрагменты, этажи проваливались, растущее в форме гриба с многократно перекрученной, будто канат, ножкой облако поглотило верхнюю террасу мегаполиса, поднимаясь выше горных пиков.

Когда город потрясли первые ракетные попадания, эмглан уже находился близко к цели.

Он двигался внутри городских уровней, придерживаясь технических коммуникаций, но даже тут его настигла волна мгновенной агонии.

Пытаясь отдышаться, Найв прислонился к стене.

Вспышки секундных человеческих эмоций били наотмашь, от них не спасало ничто. Такова доля эмглана – воспринимать самые яркие, самые болезненные всплески мыслей других людей.

Полузадохнувшийся от хлещущих ментальных ударов Найв с надрывом подумал: *а ведь счастье и любовь – равные по силе эмоции…*

Что греха таить – во время опасной экспедиции к «Когтю» он вдруг начал ощущать некое возрождение, как будто его душа, долго блуждавшая в потемках никчемных человеческих помыслов, вдруг вышла на свет, к теплым ласковым водам ментального источника жизни. Мысли Ивана и Флоры, которые он ловил украдкой, внезапно осветили жизненный путь, возвращая память о настоящих и сильных чувствах, способных укреплять волю, возвращать веру, смахивая, будто плесень, вековой налет цинизма…

Хватит…

Размечтался…

Найв со стоном выпрямился, нужно идти дальше, вопреки боли, наперекор отзвукам агонии отлетающих в вечность бессмертных душ.

Даже для Келгана Найв не желал подобной участи, эмгланы – особые существа, их восприятие мира резко отличается от восприятия Теней или Избранных.

Найв понял главное – не только окружающая реальность и превратности злой, а порой и беспощадной судьбы властны над миром. Иван и Флора доказали ему, что судьбу, да и саму реальность можно изменить, если твои чувства неподдельны, а душа не замкнулась в коконе конформизма и страха.

Мысли пролетали обрывочными ощущениями восприятия разорванной данности.

Мир, Рок, город уже никогда не станут прежними.

К ним пришло главное Изменение…

Заставив повиноваться собственное тело, эмглан выпрямился, продолжая путь. Пошатываясь, он брел тускло освещенными тоннелями, понимая, что в таком темпе ему не успеть, порой технические коммуникации становились узки для человека, и приходилось искать обходные пути, а резкие, но пока отдаленные толчки гнали его вперед и вперед на пределе моральных и физических сил, с одной мыслью – я не хочу, не смогу перенести еще одну волну массовой агонии…

Когда силы были на исходе, а цель все еще оставалась недосягаемой, он увидел старого серва, модели «Хьюго-БД12».

Память прошлого, освободившаяся от налета вековых воспоминаний,

жгла изнутри, как будто он снова шел Дорогой Отчаянья…

– Подойди… – сипло произнес эмглан, без сил опускаясь на холодный каменный пол тоннеля.

Серв повиновался, услышав звук человеческой речи и распознав приказ.

«Главный инженер колониального транспорта „Надежда“.

Как давно я им был. В иной, оборвавшейся жизни…

Оказывается, память не умирает, не исчезает, и в минуты предельного напряжения жизненных сил прошлое вдруг возвращается, ярко, вспышечно…»

Найв вновь ощутил себя прежним – обычным человеком, осмелившимся ступить на борт колониального транспорта, чтобы бросить вызов судьбе, узнать, есть ли по ту сторону бездны космического пространства мир, где он снова сможет дышать и жить…

Андроид подошел вплотную, склонился над обессилевшим эмгланом, и знакомые, привычные слова с истершимся, утерянным для понимания смыслом вновь обрели его:

– Могу я помочь, сэр?

Конечно, можешь… Для того ты и создан…

Пальцы Найва подцепили кожух, откинули его, обнажая панель ручного программатора.

Память уже не ускользала во тьму веков, он цепко поймал нужное ощущение, и воспоминания возвращались, изменяя его мысли, изгоняя противную дрожь.

Он помнил. Помнил, как и что нужно делать, чтобы заработала самая эффективная для выживания на иных мирах связка человек – машина.

Пальцы сновали по сенсорной клавиатуре, прикасаясь к текстоглифам.

Третий уровень программной свободы.

Отмена всех предыдущих задач.

Приоритет управления – голосовые команды.

Высший уровень внешней угрозы.

Андроида как будто подменили. Казалось, что он, как и Найв, воспрял из бездны никчемного существования.

– Прошу образец речи для распознавания команд, – синтезированный голос машины, как показалось эмглану, прозвучал глухо.

Он произнес несколько фраз, затем закрыл защитный кожух и приказал:

– Помоги мне двигаться. Цель – проникновение в залы управления

реактором. Задача – отключение питания городских уровней. Любое сопротивление расценивать как угрозу для жизни всех людей колонии.

Андроид взял эмглана на руки, резко развернулся и быстро зашагал в сторону расположенных в толще горных пород залов управления питающего город реактора.

Проходя через помещения подземных заводов, он одной рукой взял с остановившегося после взрыва конвейера недавно собранную штурмовую винтовку, в следующем цеху он отыскал боезапас к ней и, ловко зарядив оружие двумя типами магазинов,[18] вопросительно произнес:

– Тип боеприпаса для использования?

– Парализующий, – ответил Найв.

Больше всего на свете он не хотел продолжения танца взбесившейся смерти, хотя в глубине души понимал – там, на Рубеже, все только начинается.

* * *

События на подступах к Рубежу действительно только начинались.

Надменное упрямство Келгана отсрочило начало атаки, машины задержались, пока «Фалангеры» производили ракетный запуск.

Таманцев не строил иллюзий: если не отключить энергию, то тяжелые серв-машины, перезарядив в процессе марша ракетные установки, произведут очередной залп по мегаполису.

– Лаймел.

– Слушаю.

– Связи с Найвом нет. Эмгланы способны как-то помочь?

– Сейчас узнаю.

Минута напряженной тишины.

Все приготовления уже завершились, томительное ожидание защитников Рубежа затягивалось, играя на нервах, но Таманцев стойко выдерживал поступающие к нему запросы, на все поползновения относительно атаки отвечая: нет.

Только стены Рубежа и технические средства, разработанные для борьбы с дикими метаморфами, способны помочь им отстоять город. Большинство защитников так до конца и не понимали, что за сила движется по направлению к городу. Лишь воины Ганио ждали начала атаки, ясно представляя, с чем им придется столкнуться.

– Иван, эмгланы не могут связаться с Найвом. Он глубоко под землей. Единственное, что можно сказать с уверенностью, – он жив и движется к цели.

– Хорошо, я понял, будем ждать.

Опять в эфире воцарилась тишина.

Сумерки давно сменил вязкий мрак. Освещение Рубежа было отключено, оно заработает только после начала атаки – не все воины имели в своем распоряжении приборы ночного видения, и подсветка в момент боя просто необходима.

А город сиял, освещенный заревом пожаров и яркой иллюминацией уровней.

Облака дыма и пыли постепенно сносило ветром, открывая панораму разрушений.

Дистанция до передовых отрядов противника – пятнадцать километров.

Тьма подступает к стенам Рубежа, скрывает расчищенные от растительности сектора обстрела, дремлют в ожидании своего часа минные поля, рассчитанные на поражение диких метаморфов, не светятся даже запалы огнеметов, всему свой срок, но ожидание действительно становится невыносимым даже для Таманцева.

Десять километров.

Либо «Фалангеры» сейчас остановятся для залпа, либо…

Они остановились. А огни города продолжали сиять, и активные энергосистемы мегаполиса притягивали внимание противника, как магнит.

– Файзулло… Наш выход.

– Ты хорошо подумал, джелави?

– Думать нечего. «Фалангеры» встают на позиции.

– Я готов, – ответил ганианец, не пытаясь оспаривать приказ, хотя Таманцев только что позвал его на верную гибель.

По большому счету, Файзулло не было дела до того, сколько жителей мегаполиса встретят свою смерть этой ночью, но он поклялся Ивану быть рядом, защищать его, как брата, и для воина Ганио больше не существовало причин отказаться.

– Выходим тихо. Фантом-генераторы на полную мощность. Двигаемся по проходу в минных полях. На мелочь внимания не обращать. Я атакую «Фалангеров», ты прикрываешь меня от «Хоплитов».

– Понял.

– Лаймел, открой технические ворота.

– Иван, дистанция невелика. Почему ты не откроешь огонь с укреплений?

– Отставить разговоры! – внезапно рявкнул Таманцев. – Открывай ворота и будь готов поддержать наш отход огнем. Главная цель –

«Хоплиты».

Ответа не последовало, но ворота, к которым вышли две легкие серв-машины, дрогнув, начали открываться. За ними по флангу располагался узкий проход в минном поле.

– Лаймел, как только мы вернемся, пошлешь сервомеханизмы закрыть минами все подступы.

– Сделаю.

Машина Таманцева первой ступила на узкую тропу, не рассчитанную на продвижение техники.

Он отключил связь, оставив работать лишь боевую лазерную систему, чтобы поддерживать обмен данными с машиной Файзулло, по крайней мере, пока позволяет дистанция и обстановка.

Два «Хоплита» двигались бесшумно, как призраки. Работа фантом-генераторов гасила не только энергетические сигнатуры, специальные устройства глушили звуки сервомоторов, не выпуская их за границы незримой полусферы.

Так будет до момента первого выстрела.

Иван вел машину уверенно, прямой нейросенсорный контакт являлся для него привычным интерфейсом управления, на современных истребителях устанавливались такие же системы.

Файзулло не отставал. Он управлял «Хоплитом» чуть более скованно, чем Таманцев, но все покажет бой. Иван знал, как часто рефлексы опытного воина позволяют кибернетической системе не просто реализовать заложенный в машине технический потенциал, но и многократно увеличить его за счет нестандартного мышления пилота, непредсказуемости его действий и реакций.

«Досадно… Будь у нас хотя бы пара аэрокосмических истребителей, баланс сил изменился бы радикально», – промелькнула в рассудке Ивана мысль, и тут же пришла другая: а что если попробовать обмануть противника?

Лазерная связь между двумя машинами пока работала исправно, и Таманцев, осмыслив внезапное наитие, передал Файзулло четкие указания в виде программного модуля для кибернетической системы его «Хоплита».

Ганианец ответил коротким лазерным уколом, подтверждая получение инструкций.

Дистанция сокращалась. Они уже разминулись с передовыми группами дройдов и приближались к позиции тяжелых серв-машин, вторично изготавливающихся для залпа по городу.

Пять километров… Четыре… Три…

Пора.

Таманцев и Файзулло, выйдя от Рубежа по левому флангу, перед кромкой леса совершили маневр, продвигаясь к просеке, чтобы повреждение деревьев не демаскировало их.

Теперь, углубившись на три километра по Пути Обреченных, они оказались правее позиции тяжелых машин противника.

Осуществив короткое включение в сеть опустившихся почти до самой земли наномашин, Иван мгновенно уточнил данные для систем наведения и, уже не скрываясь, скомандовал:

– Начали!

Два «Хоплита» будто материализовались из воздуха, озарив пространство яростными факелами ракетного залпа; одновременно, реализуя замысел Таманцева, обе машины отстрелили фантом-генераторы. Универсальные маскирующие устройства, способные не только скрывать, но и имитировать различные сигнатуры, взмыли на километровую высоту, тут же сформировав четкие, ясно различимые сигналы, классифицирующиеся как два аэрокосмических истребителя, идущих в режиме атмосферного полета.

Они имитировали атаку с воздуха на позиции «Фалангеров», и тут вступал в силу главный расчет Таманцева: «Хоплиты» противника немедленно отреагировали на новую угрозу, ведь их главной боевой задачей являлось прикрытие группы тяжелых серв-машин, а истребители в сложившейся оперативной обстановке являлись целями приоритетными.

Залпы оперативных ракет прошили воздух, поражая фантомные цели, «Хоплиты» не только обозначили себя, но и подарили драгоценные секунды на перезарядку дымящихся пусковых тубусов – через тридцать секунд машины Таманцева и Файзулло вновь были готовы сойтись с противником во всеоружии, а выпущенные первым залпом ракеты точно накрыли позицию «Фалангеров», не позволяя тем произвести убийственный запуск, нацеленный на мегаполис.

– Отходим!

* * *

Никто из современных обитателей Рока не имел четкого представления о том, что такое настоящий техногенный бой. Он мог продлиться всего несколько секунд, а мог растянуться на минуты и даже часы – все зависело от количества машин, участвующих в схватке, и от мастерства управляющих ими пилотов.

В данном случае противостояние должно было продлиться не более

минуты. Баланс сил не предполагал благополучного исхода схватки для двух «Хоплитов», которые по каноническим раскладам идеально выполнили предназначение машин-смертников, заставив «Фалангеры» под массированным огнем экстренно сбросить тяжелые пусковые установки, и все… Фактор дерзкой внезапности исчерпывал себя, далее в ход вступала уже иная арифметика – живучесть серв-машины, противопоставленная количеству противников и плотности организованного ими огня.

Планируя атаку, Иван учел множество факторов. Он прекрасно знал машинную логику, разбирался в нюансах поведения «Одиночек» и во взаимодействии различных боевых групп. Он держал в уме разницу между высотами двух сетей, образованных наномашинами: первые успели опуститься почти до самой земли, сводя своими показаниями на нет работу фантом-генераторов противника, вторая же сеть парила еще достаточно высоко, именно ее показаниями пользовались машины противника.

Рассчитывая сигнатуры лжеистребителей, он не допустил ни одной ошибки, АКИ перед заходом на цель обязательно сбрасывали фантом-генераторы, и правильность расчетов полностью оправдала себя – пять «Хоплитов» впустую разрядили свои ракетные установки, «Фалангеры», остающиеся на стационарной позиции, не могли достать огнем две дерзкие, вклинившиеся в боевые порядки серв-машины, зато штурмовые сервы и полторы сотни андроидов проявили себя в полной мере.

Окрестности озарились множеством вспышек, казалось, что лес взорвался движением, сотни снарядных трасс тянулись к стремительно отступавшим по Дороге Отчаянья «Хоплитам», вслед автоматическим орудиям с шипением ударили лазерные разряды, деревья, подрубленные у корней, валились стеной, частично защищая серв-машины от шквального ответного удара… но все равно казалось – им не выжить, не спастись…

– Ходу, Файзулло! – Иван резко развернулся, прошивая кажущееся пустым пространство огнем подвесных орудий.

Яростно засверкали вспышки разрывов, там, где только что валились подрубленные лазерами деревья, внезапно проявился контур вражеского «Хоплита», которому очереди, выпущенные Таманцевым, снесли венчавшую рубку зенитную установку.

– Атакуй, джелави, прикрою!

Снаряды тридцатого калибра барабанили по броне, как горох.

Начался смертельный стремительный *танец*.

Приближающиеся к Рубежу машины в первые секунды схватки оказались на невыгодных позициях – «Фалангеры», сбросив установки запуска тяжелых ракет (во избежание детонации боеприпасов), не имели

возможности немедленно вступить в бой, ударные группы сервомеханизмов были рассеяны по пространству лесного массива, их огонь, где частично, а где и полностью, блокировали деревья, лишь «Хоплиты» из группы прикрытия сумели правильно разобраться в происходящем, устремившись в атаку.

Пять на два.

Смертельный расклад.

Фантом-генераторы уже не скрывали вражеские машины: массированный огонь сервов демаскировал их. Таманцев маневрировал, стараясь держать противника на линии огня, прикрываясь атакующими «Хоплитами» от шквала снарядов, хлеставшего из потрепанного, местами охваченного пожаром лесного массива.

Несколько секунд ему удавался маневр, заставивший замолчать большинство штурмовых сервов, которые спешно меняли позиции в поисках точек, где им не придется «стрелять в спину» собственным «Хоплитам».

Мгновения боя меняли свойства времени, предлагая разуму субъективное восприятие темпорального потока. С одной стороны, быстродействие системы человек – машина выражалось в астрономических цифрах, с другой – рассудок пилотов начинал страдать от избирательности, не в силах обработать всю поступающую от датчиков информацию, многие пилоты в такие моменты терялись, впадая в состояние информационного шока, опытные же бойцы позволяли сознанию прихотливо выхватывать незначительные детали, концентрируя волю на главной задаче текущего момента.

Пять машин противника, ломая деревья, стремительно атаковали, их пусковые тубусы после залпа еще находились в процессе перезарядки, Таманцев вел плотный огонь по вырвавшемуся вперед «Хоплиту», когда машина Файзулло, двигавшаяся чуть сзади и справа, озарилась частыми одиночными запусками. Постоянно доворачивая рубку, ганианец пустил реактивные снаряды плотным веером, метрах в четырех от земли на уровне поворотных платформ противника.

Он бил почти вслепую, скорее по наитию, чем по показаниям целевого монитора, прикрывая Ивана, он сдерживал «Хоплиты» противника и, нужно сказать, делал все грамотно, спокойно, уверенно.

«А ты не так прост, Файзулло, как могло показаться», – успел подумать Таманцев, когда яростные огненные всплески попаданий высветили из тьмы контуры вражеских машин.

Кумулятивные реактивные снаряды прожигали броню, выбивали

подсистемы. Таманцев, которому залп ганианца «подсветил» цели, выпустил ракеты двумя массированными залпами и тут же отработал реверсом двигателей.

– Не зарывайся, Файзулло. Отходим, держим строй. Прыжковые двигатели на разогрев!

Два «Хоплита» отступали по Дороге Отчаянья, огрызаясь короткими очередями из подвесных орудий. Их стремительная, внезапная атака не уничтожила ни одной крупной цели, но нанесла множество повреждений – две легкие серв-машины, попавшие под прицельные ракетные залпы Таманцева, застыли на границе объятого огнем лесного массива, три других вынужденно сбросили темп преследования, остановившись, они произвели залповые запуски, но Иван предвидел такое развитие ситуации, и два «Хоплита», находившиеся уже в полукилометре от стен Рубежа, одновременно включили прыжковые ускорители. Взмывая вверх и назад, в ореоле ослепительного пламени, словно мифические огненные драконы, они пронеслись над древними стенами, отплевываясь частыми хлопками сброса ложных целей, а затем, опираясь на огненные столбы, начали филигранно опускаться в тесный промежуток между первой и второй линиями укреплений.

Только когда ступоходы «Хоплита» визгливо царапнули камень, а динамический удар при касании тверди заставил застонать амортизационные системы пилот-ложемента, Иван понял – он жив.

– Файзулло? – хрипло выдохнул он в коммуникатор.

– Порядок, джелави… – таким же надорванным голосом ответил ганианец.

– Где учился водить серв-машину?.. – Таманцев, несмотря на навалившуюся свинцовую усталость, продолжал анализировать их дерзкую вылазку, приходя к неизбежному выводу: оба действовали как единое целое, понимая друг друга без слов, и в результате сумели не только нанести ощутимый удар по врагу, но и отступить, не подставившись под массированный ответный огонь.

– Истинный воин должен уметь многое, – пришел по связи лаконичный ответ.

«Как прихотлива судьба…» – невольно подумалось Таманцеву. Впервые увидев Файзулло, он сумел рассмотреть лишь хитрого ганианского отморозка, но вот он рядом, теперь уже друг, боевой товарищ, с которым вместе только что вырвались из едва не захлопнувшейся ловушки огненного ада.

Истинный воин.

Вот парадокс цивилизации Ганио – скрывающаяся под налетом кажущейся дикости глубинная черта характера обитателей Колыбели Раздоров, пусть не все, но часть из них, сохранившая традиции предков, в критических ситуациях способна подняться выше мелких помыслов, отвергнуть сиюсекундную выгоду, когда затронута честь *воина*.

Мысли, промелькнувшие в рассудке Таманцева, нарушил голос в коммуникаторе.

Вызывал Лаймел:

– Иван, машины вышли из леса. Они начинают атаку!

* * *

Флора, затаив дыхание, следила за вылазкой Ивана и Файзулло.

Никто из живущих на Роке не полагал, что в мире существуют силы, по сравнению с которыми атака метаморфов покажется незначительным происшествием, не более.

Лес по обе стороны от Дороги Отчаянья (ее еще называли «Путь Обреченных») полнился неведомым доселе противником, беспощадным, бездушным. Ни тени, ни эмгланы не чувствовали ее приближения, привычное мироощущение внезапно отказало, и только зрение да слух воспринимали страшную, неведомую разуму динамику скоротечного боя.

Он длился семь с половиной минут.

Семь минут все содрогалось, как при землетрясении, хотелось зажмуриться, но страх перед картинами тотального уничтожения, когда целые гектары леса охватывал огонь, вырванные с корнем деревья взлетали в воздух, будто щепки, падали, объятые пламенем, валились, подрубленные лазерными лучами, открывая страшные, исковерканные, безжизненные пространства новоявленных просек, а из глубин кипящего котла схватки били волны агонии обитателей леса…

Хотелось зажмуриться, сказать: это не со мной, такое не может происходить, но глаза Флоры оставались открытыми, ее взгляд, леденея, следил за хлесткими снарядными трассами, что били по двум серв-машинам, которые, вместо того чтобы отступать к Рубежу, вдруг вознамерились атаковать.

Никто из защитников укреплений не был готов к подавляющему разум зрелищу всеобщего разрушения, разве что ганианские воины взирали на разворачивающиеся события с напряженным, нетерпеливым ожиданием.

Новые, неведомые ранее чувства терзали душу Флоры. Их глубина не шла ни в какое сравнение с чем-либо испытанным ранее. Именно в роковые секунды, когда казалось, что Иван и Файзулло намеренно ринулись

навстречу неминуемой гибели, в ее душе смешивались боль, страх, любовь… и чувство, затопившее рассудок, не имело названия, – душа и сознание перерождались, как расплавленный металл в горниле…

Многие на Рубеже, да и в городе, испытывали нечто похожее, но у Флоры все было острее, ведь там, среди огненных смерчей, оказался любимый человек.

Здесь познавалась цена настоящего страха, тут, среди прохладного камня укреплений, зарождалась любовь, любовь, по сравнению с которой все прошлые страсти, обиды, порывы и чаяния принимали форму бледных теней…

Она едва не закричала, когда две серв-машины, объятые факелами огня из реактивных ускорителей, словно две огненные птицы, изящно и грозно взмыли в воздух, возвращая жизнь и надежду вместе со стремительным, полным устрашающей грации прыжком назад, под защиту стен Рубежа.

Сердце остановилось, потом глухо стукнуло вновь, огонь реактивных ускорителей, обдав жаром стены укреплений, иссяк, открыв взглядам две серв-машины, покрытые сотнями шрамов от попаданий хлеставших по ним снарядных трасс.

Они спасли город от повторного всесокрушающего удара и вернулись… живыми.

– Флора?

– Иван?

– Я в порядке. Что Найв?

Флора обернулась.

Уровни города, еще минуту назад ярко освещенные, поглощала чернильная тьма.

Освещение улиц и кварталов гасло посекционно – вершину мегаполиса окутывал мрак, а нижние уровни еще светились бесчисленными огнями уличного освещения.

– У него получилось!.. – выдохнула Флора. – Питание отключается!..

– Отлично. – Голос Ивана вдруг стал теплым, но требовательным: – Милая, прошу об одном – береги себя.

Он не сказал – уйди прочь, спрячься, понимая, что Шодан не покинет Рубеж.

– Начинается атака.

Сообщение, вклинившееся в их диалог, означало, что все самое опасное – впереди.

Теперь и Флора понимала это.

– Я буду осторожна. Обещаю.

* * *

Когда обесточились городские уровни и включились аварийные источники энергоснабжения Рубежа, для приближавшихся машин все встало на свои места. Ближайшая тактическая задача сузилась, приобрела конкретные рамки, теперь только цепь укреплений, зажатая в теснине между отвесными скалами, преграждала им путь.

Противнику потребовалось несколько минут, чтобы перегруппироваться. Нападающие действовали практически безнаказанно, огневые средства Рубежа, рассчитанные на противостояние с отдельными метаморфами, были слабы против лавины сервомеханизмов, а более мощные вооружения, сконцентрированные подле центральных ворот, молчали, не выдавая себя по приказу Таманцева.

Он понимал всю сложность складывающегося положения. Серв-машины, получившие различные повреждения, сейчас занимали позиции для обстрела укреплений с безопасной дистанции, вперед выдвигались группы андроидов и штурмовых сервов.

– Иван, – раздался в коммуникаторе голос Файзулло, – нужно выманить серв-машины к стенам. Тогда мои воины смогут использовать ручные ракетные комплексы.

– Выманим, – ответил Таманцев. – Еще не время. Пусть захлебнется атака сервов.

– Выдержат ли стены? – высказал сомнение ганианец. – Орудия «Фалангеров» и ракеты «Хоплитов» разнесут все в щебень.

– А мы не дадим им возможности вести планомерный огонь. Будем постоянно тревожить. Ракетный боезапас уже подвезли. Сейчас подойдет тягач.

Речь шла о ракетах, снятых с резервного «Хоплита».

– Перезарядимся, и что?

– Будем действовать с разных точек, постоянно меняя позиции. Я предупредил людей Лаймела, ты предупреди своих, чтобы в радиусе ста метров от точки залпа не было ни одного человека. Неоправданные потери нам не нужны.

– Всем спуститься на нижние уровни к бойницам?

– Да. Наверху действуем мы с тобой.

– Понял тебя, джелави. Хороший план. Не дадим им стоять на позициях.

* * *

За десять минут, потребовавшихся сервомеханизмам Рубежа на перезагрузку артпогребов двух «Хоплитов», произошло множество событий.

Противник начал разведку боем.

Группы машин под прикрытием плотного огня начали движение к стенам Рубежа, но путь им преградили минные поля, конструкция зарядов, заключенных в пластиковую оболочку, оснащенных обыкновенными, уже давно не применяемыми взрывателями нажимного действия, ввела наступающих в заблуждение, сканеры не сумели обнаружить мины, ведь в их схемах не использовались источники питания и энергетические цепи, первые взрывы вырвали султаны земли и дыма в километре от передовых укреплений, покалечив шрапнельной начинкой несколько штурмовых сервов.

– Всем в укрытие! – скомандовал Таманцев, внимательно наблюдавший за действиями машин.

Его предупреждение спасло многие жизни. Некоторые воины не могли пересилить желание взглянуть, что же теперь предпримут сервы, лишь ганианцы, знакомые с тактикой серв-соединений, обособленными группами выжидали своего часа под надежной защитой мощных укреплений.

Ровный участок местности перед стенами рубежа внезапно вздыбился сотнями дымных султанов. Оранжевые вспышки сверкали по всей площади минных полей, выбрасывая в воздух тонны земли, сотрясая укрепления, множественные ударные волны и шквал осколков хлестали по стенам, металл с визгом рикошетил о камень, где-то не выдерживали, лопаясь, древние вставки из бронестекла.

Ночь сначала превратилась в день, а затем все затянуло непроглядное облако дыма и пыли.

– Что происходит? – прорвался сквозь помехи несущей частоты голос Лаймела.

– Удар по площади. «Хоплиты» подрывают минные поля специальными зарядами. Сейчас возобновится атака. Готовь огнеметы.

– У меня все готово.

– Удачи, Лаймел. Я занимаюсь тяжелыми машинами противника, ты же принимаешь удар сервов помельче.

Все вышло, как предсказал Таманцев. Из сгустившегося мрака вслед за последними запоздалыми разрывами внезапно проступили контуры

стремительно атакующих сервомеханизмов. Штурмовые машины издали напоминали растение перекати-поле, свернутые манипуляторы образовывали ажурный каркас, они стремительно катились по вспаханной разрывами земле, попрыгивая на рытвинах. Со стен по приближающимся машинам ударили очереди из «АРГ-8», но штурмовые сервы никак не отреагировали на плотный огонь – пули уходили в рикошет от бронированных сферических корпусов, высекали искры из свернутых манипуляторов, не причиняя особого вреда механизмам.

Лишь два из них остались на подступах, пораженные удачными выстрелами крупнокалиберного оружия, остальные благополучно «докатились» до стен и тут же начали видоизменяться, расправляя манипуляторы. Теперь они были похожи на металлических пауков.

Не теряя ни секунды, сервы под прикрытием ураганного огня андроидов стали стремительно карабкаться по отвесным стенам.

Лаймел, с замиранием сердца наблюдавший за развитием атаки машин, скомандовал:

– Огнеметы!

Внешние стены укреплений Рубежа озарило яростное пламя. Рассчитанные на борьбу с метаморфами установки располагались по всему периметру стен, они изрыгали непрерывные струи пламени, направленные вертикально вниз, при этом каждая форсунка совершала ритмичные повороты на сорок пять градусов, охватывая площадь стен конусом огня.

Штурмовые сервы, попавшие под удар, внезапно потеряли сцепление с гладкой поверхностью, продукты горения раскаляли внешний слой камня, образовывали на нем пленку сажи и горящей жидкости, механизмы, облитые огнем, превратились в факелы, большинство из них падало в неглубокий ров, где воспламенилась заранее поданная через отверстия в основании стен горючая жидкость.

Ловушка оказалась эффективной: несколько сервов взорвалось от температуры, другие попадали со стен, и лишь десятку металлических пауков удалось вскарабкаться на самый верх. Не теряя ни секунды, они открыли ураганный огонь из коротких тридцатимиллиметровых импульсных орудий, расположенных по периметру полуметрового сферического корпуса – любая цель, находящаяся в зоне эффективного сканирования, была обречена, рассчитанные на стремительный рывок и подавление очагов обороны машины не заботились о расходе боеприпасов. Тактико-технические характеристики отводили им всего пять минут активного боестолкновения, после чего в зоне сканирования, как правило, уже не оставалось способных к сопротивлению противников.

Лаймел, руководивший обороной внешних стен, внезапно ощутил горячее, близкое дыхание смерти: ни один из бойцов не мог поднять головы, сервы били по любому движению, их сканеры точно определяли расположение укрытий и амбразур, бронебойные и разрывные снаряды превращали камень в дымящееся крошево, тела защитников – в окровавленные ошметья…

Выручили ганианцы.

Фигуры в боевой броне с началом атаки скрылись в укреплениях второй внутренней стены, Лаймел тогда с досадой подумал, что чужаки прячутся, не желая жертвовать собой ради жителей иной планеты, но он ошибся.

На противоположной стене появились бронированные фигуры, они занимали позиции и тут же открывали снайперский огонь по прорвавшимся на гребень передовых укреплений машинам.

Скорость боестолкновения не укладывалась в рассудке жителей Рока.

Им казалось, миновала вечность, а на самом деле несколько штурмовых сервов бесновались лишь минуту, но за шестьдесят секунд они превратили в щебень большинство укрытий, сумели подорвать две емкости с горючим веществом для огнеметов, и прежде, чем снайперские выстрелы ганианцев смели их со стен, в центре Рубежа к хмурым, затянутым дымом небесам ударили два грибовидных, клубящихся огненных гейзера, осветивших окрестности на много километров…

Лаймел, не веря, что остался жив, с досадой перезарядил «АРГ-8».

Древнее оружие практически не наносило урона штурмовым сервам, их броня выдерживала попадания, а сферическое строение корпуса отправляло большинство пуль в визгливый рикошет.

Земля под стенами Рубежа полыхала.

Сколько механизмов удалось уничтожить?

Штук пятнадцать, не больше… Что же делать? Как отбить следующую атаку? – лихорадочно думал Лаймел, пробираясь между разбитыми укреплениями.

От его взгляда не укрылось, что на противоположной стене ганианцы оттаскивали в укрытие три или четыре тела своих сородичей. Даже боевая броня не выдерживала той огневой мощи, что несли в себе механические исчадия.

Он был близок к отчаянью, разум находился в состоянии шока, вокруг ярился огонь, слышались стоны, проклятья, с шелестом и визгом проносились очереди, выпущенные из импульсного оружия, – боевые андроиды, засевшие на границе леса, продолжали вести огонь прикрытия,

давая возможность уцелевшим штурмовым сервам откатиться от стен.

Интуитивно Лаймел понимал: от полного уничтожения защитников Рубежа сейчас спасает огонь, дающий засветку на сканеры боевых машин.

– Лаймел, ты жив? – раздался в коммуникаторе голос Таманцева.

– Жив… – хрипло ответил глава сатта воинов.

– Отводи людей на вторую стену.

– Зачем? Атака отбита…

– Делай, что говорю!

Гневный окрик Таманцева подействовал ободряюще. Лаймел чувствовал, как дрожат руки, ноги, ставшие ватными в момент ураганного обстрела, плохо слушались, но реальность возвращалась, он выжил и должен собрать уцелевших бойцов.

Он бежал от укрытия к укрытию, отыскивая живых, помогая раненым и контуженым, постепенно к нему присоединилось еще несколько командиров – среди всеобщей неразберихи начал намечаться некоторый порядок, бойцы перебегали к внутренним укреплениям, скрывались в тоннелях, проложенных в толще стен, и как оказалось – вовремя.

Получив неожиданный отпор, понеся серьезные потери в группе штурмовых сервов (только три десятка машин с различными повреждениями сумели вернуться от стен Рубежа), руководившие операцией модули «Одиночек» пришли к согласованному решению – сервам обходить укрепления по флангам, занимая господствующие позиции среди скал, в то время как тяжелые машины начинают обстрел Рубежа с целью уничтожения огнеметных установок и подрыва питающих их емкостей.

Таманцев продолжал следить за перемещениями машин. Оба «Хоплита» завершили процесс перезарядки и сейчас стояли в полной готовности к действию, занимая позиции в полукилометре друг от друга.

– Файзулло, предупреди своих – штурмовые сервы пошли в обход по флангам. Две группы по пятнадцать единиц.

– Вижу, джелави. Их встретят.

– Мы с тобой ждем. – Ивану также мешала засветка от стены беснующегося огня.

Долгого ожидания не вышло.

«Фалангеры» обозначили себя массированным ракетным залпом.

Гребень первой стены Рубежа вздыбился титаническими разрывами, ракеты били по площади, их ударов не выдерживал древний материал стен, огромные глыбы камня выбрасывало на километровую высоту, по укреплениям с оглушительным треском начали змеиться трещины…

Казалось, еще минута – и Рубеж падет.

* * *

Когда наверху, выплескивая пламя, начали рваться емкости с горючим, Иван понял – пора.

«Фалангеры» засветили свою позицию, а беснующийся над передовыми укреплениями огонь скрывал двух «Хоплитов» от обнаружения лучше всяких фантом-генераторов.

– Начали!

Он повел серв-машину к огромной бреши в основании стены.

Затаившись за обломками, его «Хоплит» согнул ступоходы, оружейные пилоны, расположенные по бортам рубки, с ноющим звуком сервоприводов развернулись на независимых подвесках.

Ракеты с кумулятивной боевой частью, рассчитанные на поражение тяжело бронированной техники, отсвечивали в пусковых тубусах. Огни приборных панелей неровно освещали бледное, напряженное лицо Ивана. На что он рассчитывал, если лобовую броню «Фалангера» не прожечь одним попаданием?

– Наводи.

Машина Файзулло, заняв позицию, включила сканирующие комплексы.

Направленное излучение, тут же зафиксированное системами «Фалангеров», заставило их прекратить огонь – внезапный источник угрозы обнаружил себя менее чем в километре, на убийственной дистанции прямой наводки. Мгновенная реакция «Одиночек» не обманула надежд Таманцева – «Хоплиты» противника рванулись вперед, по направлению к Файзулло, прикрывая своих тяжелых собратьев, которые выпрямили ступоходы и начали разворачиваться для смены позиции.

Миг торжества человеческого разума над искусственным интеллектом серв-машин.

Ничем не проявлявший себя «Хоплит» Ивана, получая данные от сканеров машины Файзулло, произвел четыре одиночных ракетных запуска.

Один из «Фалангеров» мгновенно превратился в неподвижный факел, секунда – и его рубку разнесло в клочья – взорвался боекомплект в артпогребах, не выдержав температуры, созданной кумулятивной струей, которая прожгла тонкий слой брони в одном из хорошо известных пилотам уязвимых мест в тыльной части развернувшейся для смены позиции серв-машины.

«Одиночки» не ожидали атаки с направления, откуда не фиксировалось никакой активности, рядом со взорвавшимся «Фалангером» застыл еще один, и только третий успел уклониться от направленного в него запуска.

Иван реверсом двигателей подал машину назад, включая сканирующие комплексы и одновременно отстреливая последние оставшиеся в запасе ложные цели.

Внезапная атака и гибель двух ведущих на миг ввергла кибернетические системы вражеских «Хоплитов» в ступор – излучение, демаскировавшее машину противника, иссякло, зато в другой части разрушенных укреплений ясно обозначила себя еще одна цель.

Они развернулись.

Файзулло не упустил предоставленного Иваном шанса. Пока уцелевший «Фалангер» вел огонь из орудий по машине Таманцева, он двумя точными ракетными залпами ударил по «Хоплитам».

Еще два факела неистового пламени взъярились на пустоши перед укреплениями Рубежа, но на этом фактор внезапности, помноженный на точный расчет, утратил свою силу. «Одиночки» мгновенно просчитали допущенные ошибки, четко распределив цели: три «Хоплита» ринулись к бреши, через которую стрелял Файзулло, а «Фалангер», цепко ухвативший сканерами машину Таманцева, двинулся на него, не прекращая вести огонь из орудий.

Защитники Рубежа ничем не могли помочь двум пилотам.

Схватка титанов заставила прекратить огонь даже дройдов пехотной поддержки, лишь штурмовые сервы продолжали фланговый маневр, карабкаясь по скалам навстречу затаившимся там ганианцам.

Судьба населения Рока решалась здесь и сейчас: уцелей в бою хотя бы одна серв-машина противника, и ничто не спасет город и его жителей от полного уничтожения.

Файзулло, несмотря на явное неравенство сил, спокойно выжидал, отступив от бреши в глубь каменных завалов.

Иван маневрировал, позиция «Фалангера» оказалась удачной, а стены – потрескавшимися, утратившими прочность, снаряды стопятидесятимиллиметровых орудий прошивали их, порождая грохот обвалов. Таманцев едва удержал равновесие, когда два попадания снесли с правого пилона сборку ракетных тубусов.

Огрызаясь в ответ, он смещался, постоянно удерживая шестидесятитонного исполина в прицеле, отвечая короткими очередями на пятитактовые залпы, хотя пробить лобовую броню «Фалангера» – надежда

утопическая, но Таманцев ставил перед собой иную задачу – не дать «Одиночке» отвлечься, постоянно раздражать кибернетическую систему своей активностью, постепенно смещаясь к узкому проходу центральных ворот Рубежа.

Чтобы совершить задуманный маневр, нужно было иметь поистине железные нервы, одно прямое попадание тактовой очереди «Фалангера» могло нанести легкой серв-машине критические повреждения, при которых у пилота остается единственный выход – катапультироваться.

Он слышал, как Файзулло ведет бой с тремя «Хоплитами», в эфире раздавалось его сбившееся дыхание, перемежающееся хриплыми фразами на ганианском.

Иван в очередной раз хлестнул по противнику двумя очередями и стремительно ушел из-под ответного удара, скрывшись в тоннеле за внутренними воротами.

«Фалангер», проломившийся сквозь брешь в стене, прибавил хода, внутренние ворота, автоматика которых каким-то чудом уцелела во время обстрела, начали закрываться.

Иван, оказавшись в каменном мешке, вызвал Лаймела:

– Открывай внешние ворота. И дай связь с любым из ганианских бойцов.

За кормой «Хоплита» Таманцева начали медленно, с надрывным скрежетом открываться массивные створы.

– На связи Хабиб.

– Джелави, нужно уничтожить «Фалангер». У меня иссяк боезапас. Осталось три ракеты в левой установке. Я остановлю его залпом на входе. Там заложена взрывчатка. Подорви ее из ручного ракетного комплекса.

– Ты погибнешь!

– Делай как приказано!

Флоре казалось, что она не выдержит.

Все меркло перед глазами, с губ рвался крик, но…

Она не могла остановить Ивана.

Не могла…

…«Фалангер» вошел в тесное пространство между заклинившими на половине хода внутренними створами тоннеля.

Загнанный в ловушку «Хоплит» огрызнулся тремя ракетами, – одна попала в толстый лобовой скат брони, две другие повредили правое подвесное орудие, но изменить чудовищное неравенство в огневой мощи не могло даже чудо: тяжелая серв-машина ударила пятитактовой очередью с левого оружейного пилона, и…

Иван ощущал лишь боль. Полный нейросенсорный контакт позволил ему удержать «Хоплита» на ступоходах, не дав тому опрокинуться от сокрушительных, рвущих металл попаданий, но повреждения машины воспринимались разумом как раны собственного тела, перенапряжение короткой схватки выжало из пилота все до капли, и теперь ему оставалось лишь умереть…

«Фалангер» в ловушке… Я сделал все, что мог…

Мысль, промелькнувшая в истерзанном разуме, не принесла облегчения.

Образ Флоры внезапно начал заполнять все сущее, перекрывая поле зрения. Бредил он или видел ее в действительности – не суть важно. Иван, уже не искавший спасения, в горячке боя почувствовал ее боль, растерянность, дикую, ни с чем не сравнимую горечь, когда сердце отсчитывает последние удары…

Я умру, и она погибнет…

Таманцев не имел возможности катапультироваться, мутный от перенапряжения взгляд поймал общую картину происходящего: на гребне стены Рубежа короткой вспышкой полыхнул одиночный ракетный запуск, а ворота за спиной его машины приоткрылись лишь на четверть.

Боекомплекта нет, топливо в прыжковых ускорителях израсходовано. Взрываться от температуры нечему. Сейчас, в последние, роковые секунды, его подсознание вдруг вырвалось на свободу, отдавая молниеносные, едва ли осознанные рассудком приказы сервосистемам «Хоплита».

Медленной падучей звездой приближалась ракета.

Время опять утрачивало объективные свойства, обессиленный схваткой разум ловил осколки восприятия: его «Хоплит» совершал немыслимый маневр, часто перебирая ступоходами, он, словно в судорогах, поворачивался боком к расширяющейся щели между створами ворот и одновременно валился вбок, подставляя под удар днище мощной плиты поворотной платформы, рассчитанной на высокие температуры и критические нагрузки, именно там крепились реактивные прыжковые ускорители.

В следующую секунду под ступоходами «Фалангера» грянул взрыв.

Ракета, выпущенная ганианцем, детонировала заряд, установленный еще до начала боя.

Узкий тоннель мгновенно превратился в ревущую трубу. Тугая ударная волна рванула по нему, опережая пламя. Она подхватила «Хоплит», будто былинку, вбила в щель между полуоткрытыми воротами, раздался потонувший в грохоте взрыва скрежет рвущегося, сминающегося металла,

и искалеченную до неузнаваемости серв-машину с оторванными оружейными пилонами и сломанными ступоходами отшвырнуло от выдавленных наружу, падающих многотонных ворот, ударив об истерзанную землю где-то посреди перепаханного разрывами минного поля.

Ивана спас пилот-ложемент. Его не сорвало с креплений, и Таманцев, испытав удар перегрузки, как будто при катапультировании, на миг потерял сознание, но тут же пришел в себя.

Я жив…

Флора, я жив…

Сознание тянулось к ней, кричало, но слышала ли она мнемонический крик израненной, балансирующей на грани реальности души?

Иван непослушными, почти негнущимися пальцами отстегнул страховочные ремни. «Нужно выбираться из рубки, неизвестно, успела ли автоматика погасить реактор», – метались в рассудке обрывочные мысли, побуждающие к действию.

Он не строил иллюзий, понимая, что искалеченная серв-машина лежит сейчас где-то между позициями, на открытом простреливаемом пространстве пустоши.

* * *

Файзулло принял бой сразу с тремя противниками.

В утверждении, что многим ганианцам неведом страх смерти, истины нет. Инстинкт самосохранения заложен в каждом из нас, важно, как он проявляет себя в критические секунды жизни.

Файзулло относился к тому малому числу людей, которые не только встают после удара, вновь и вновь бросаясь на противника, но и испытывают при этом дикий, необузданный *драйв*.

Скверное качество для пилота серв-машины, но таков был ганианец, со всеми пороками, воспитанными образом жизни Колыбели Раздоров, со своим сокровенным понятием чести, почему-то не идущим вразрез со многими поступками, совершенными в недавнем прошлом.

Недостаток хладнокровия, присущего профессиональным пилотам, он с лихвой компенсировал темпераментом и рефлекторными навыками, выработанными в сотнях кровавых схваток.

Для кибернетического мозга серв-машины исключительно важен образ мышления пилота, его цели, порывы, рефлексы, система распознавания мысленных образов и команд считывала с передатчиков импланта все, даже не осознанные рассудком мысли, и сотни подсистем тут

же откликались действием в рамках своих возможностей. Машина подчинялась воле пилота, впитывала его порывы, принимала к исполнению решения, но большинство операций производилось автоматически.

Файзулло повел «Хоплит» в атаку.

Он не мог позволить врагу навязать позиционный бой среди превращенных в руины передовых укреплений Рубежа, боекомплект таял, ресурс прочности брони в некоторых местах корпуса приближался к критической отметке, каждое попадание истончало покрытие рубки. Снаряды, словно пираньи, выгрызали фрагменты керамлитового сплава, но отступать или катапультироваться ганианец не собирался. По его поведению невозможно было понять, знает ли он вообще, где расположен аварийный сенсор отстрела пилот-ложемента?

Его рефлекторная ярость заставляла сервоприводы машины работать на износ, выдавая максимальную производительность.

«Хоплит» несся среди руин – сорок пять тонн, обезумевших от ярости: ступоходы давили в щебень мелкие обломки камня, борта рубки высекали искры, задевая крупные глыбы, автоматические орудия с резким визгом приводов независимых подвесок удерживали сразу две цели, поливая противника шквалом снарядов, зенитная установка, расположенная над рубкой, прочно поймала третьего, с катастрофической скоростью расходуя боекомплект.

Файзулло что-то кричал, полностью поглощенный ощущениями боя.

Две серв-машины противника в буквальном смысле отшатнулись, пропуская между собой бесноватый «Хоплит»: шквал снарядов, бьющих с короткой дистанции, крошил керамлит, сбивал прицел, калечил сервомоторы, обнажившиеся из-под сорванных сегментов бронепокрытия… «Одиночкам» не удавалось просчитать логику действий противника, и они при численном и огневом превосходстве теряли инициативу…

Натужно выли боевые эскалаторы «Хоплита», черпая боекомплект из пустеющих артпогребов, правое орудие вдруг смолкло, вхолостую ударив механизмом перезарядки, в левом, по показаниям датчиков, оставалось пять снарядов, зенитное орудие, развернувшись на сто восемьдесят градусов, выплюнуло последнюю обойму и замолчало.

Проклятье Шииста.

Разворот!

Система «Хоплита» пыталась протестовать – слишком велика скорость для задуманного маневра, но Файзулло, понимая, что промедление смерти подобно, а единственным действенным оружием

остались ракетные установки и жестко закрепленные курсовые лазеры, внезапно отклонил рубку, цепляя правым орудием за огромную каменную глыбу.

Высекая фонтаны искр, «Хоплит» по инерции развернулся, подсистемы стабилизации едва удержали равновесие, а противник, только оправившийся от яростной атаки, вдруг, вопреки всякой логике, вновь оказался лицом к лицу с бесноватой серв-машиной.

Ярость ганианца, помноженная на гибельный азарт боя, могла совершить многое, но не все.

Он успел дать ракетный залп по оказавшимся в невыгодной позиции машинам противника, однако «Одиночки» учились быстро, схватывая тактические приемы буквально на лету, два «Хоплита» не сумели уклониться, получив еще одну порцию критических повреждений, но третий, приняв нестандартные правила, резко присел, пропуская над рубкой доставшиеся на его долю ракеты, а затем, так же резко поднявшись, залпом разрядил все виды бортового вооружения в машину Файзулло.

«Хоплит» ганианца начал опрокидываться.

Файзулло уже ничего не мог предпринять – перебитые в нескольких местах активаторы ступоходов не в силах были поднять многотонную машину, рубка, пробитая в трех или четырех местах, утратила функциональность, по бронепокрытию змеились трещины, внутри все искрило, истекая сизым дымком.

Одна за другой отключались приборные панели, кибернетическая система не реагировала на мысленные команды, лишь аварийная подсистема пожаротушения плевалась струями углекислоты, сбивая голубоватые язычки пламени.

Он в исступлении выкрикивал команды своим воинам, не зная, слышат ли они его.

Но если и не слышат, должны же сами соображать?

Из-за общего сбоя автоматики Файзулло не видел развития событий.

Две яростные атаки фактически уничтожили двух противников – «Хоплиты» со сбитыми сегментами брони, один лишившийся орудий, другой – с искореженными ракетными установками, едва двигались, третий, по которому до последней секунды работало зенитное орудие, казался пегим от сотен попаданий, однако он сохранил не только способность нормально перемещаться, но и все вооружение.

Сейчас «Одиночка», оценив обстановку, осторожно вела машину к поверженному противнику, опрокинувшемуся в узкий проход между второй стеной Рубежа и многотонной каменной глыбой.

За границами минного поля из леса показалась цепь поднявшихся в атаку боевых дройдов.

Чудовищной силы взрыв грянул внезапно.

«Фалангер», преследуя машину Таманцева, только вошел в узкий проход тоннеля, когда одиночный ракетный запуск подорвал заранее установленный заряд.

Последнего из уцелевших «Хоплитов» противника, собиравшегося добить машину Файзулло, опрокинуло ударной волной, огромная глыба камня врезалась в ступоход, ломая правые активаторы, «Фалангер», попавший в ловушку, также опрокинулся и вспыхнул. Секундой позже внутри тяжелой серв-машины начали рваться снаряды, несколько ракет ушли в самопроизвольный запуск, наискось перечеркнув сумеречные небеса огненными факелами реактивных двигателей. Взрывы на этом не закончились – еще один «Хоплит» разнесло на части внутренним взрывом, а по оставшейся серв-машине с укреплений внутренней стены Рубежа вдруг заработали тактические ракетные комплексы – ганианские воины в бронескафандрах дождались наконец своего мига, добивая две машины противника, которые, несмотря на множественные повреждения, представляли немалую опасность: перейдя на резервные подсистемы, оба «Хоплита» могли продолжить бой, хотя бы в качестве стационарных огневых точек.

Такого шанса им не представилось – шквал тактических ракет дожег броню, окончательно превратив грозные машины в неподвижные искореженные груды металла.

Лаймел, пошатываясь, подошел к гребню внутренней стены и взглянул вниз.

Произошедшие на глазах события не укладывались в рассудке.

Две с половиной минуты…

Ровно столько длилась схватка серв-машин, окончательно превратившая внешнюю стену Рубежа в бесформенное нагромождение уродливых каменных глыб.

Укрепления, простоявшие миллионы лет, были разрушены. Таманцев и Файзулло погибли, закрыв собой обитателей города, изнывающих сейчас от ужаса в своих лишенных энергии особняках.

Радость победы не приходила. На зубах скрипела каменная пыль, в душе царили чернота и горечь.

По флангам тем временем засверкали вспышки взрывов сенсорных мин, взъярилась, перекатываясь неравномерными звуками, перестрелка: ганианцы вступили в бой со штурмовыми сервами, а на границе леса в

отсветах пламени, все еще бушевавшего на обломках передовых укреплений, появились фигуры резво перебегающих от воронки к воронке пехотных дройдов.

Чья-то рука легла на плечо Лаймела, он повернулся и увидел, что за спиной стоят Флора и Райбен.

– В чем дело? – хрипло спросил он.

– Лаймел, нужно атаковать, – голос Флоры стыл ледяными нотками.

– Ты в своем уме? Там больше сотни машин.

– Лаймел, мы должны атаковать.

– Да чего ради, объясни?! Мы и в укреплениях продержимся недолго, а атака – чистое самоубийство!

– Иван жив. Он ранен и замурован в обломках машины.

– Ты уверена?

– Я чувствую его.

Слова Флоры полоснули, как ножом по сердцу. Ивана надо выручать, но… сколько же еще воинов погибнет при контратаке?

– Не терзай себя, – голос Райбена прозвучал сухо. – Поддержите нас огнем. Крупнокалиберные установки ведь уцелели, верно?

– Да. Иван правильно указал, где их следует расположить.

– Вот и хорошо, – слова Райбена таили в себе нотки зловещей мягкости. – Я поговорил с воинами. В атаку пойдут метаморфы. У нас больше шансов в схватке. Поддержите огнем, прижмите их на подступах к… – он запнулся, – к руинам, а дальше мы все сделаем сами.

– Сколько воинов пойдет?

– Тридцать два метаморфа. Они согласились добровольно. Я ни на кого не давил.

– А воины Ганио?

– Они идут выручать своего командира, хотя неизвестно, жив ли он. Потом, как сказал их старший, они разделятся на группы и ударят в тыл штурмовым сервам. Так что с андроидами нам в любом случае придется справляться самим.

– Хорошо, Райбен. Времени на споры нет. – Лаймел вдруг почувствовал, что еще не все потеряно, не потому, что он лично оставался среди укреплений, решимость метаморфов словно открыла второе дыхание, влила частицу уверенности и силы.

«Мы защищаем свой дом, свою жизнь…»

Он отдал в коммуникатор несколько четких приказов и повернулся.

– Я пойду с вами.

– Это ни к чему.

– Флора, я не спрашиваю, можно ли мне пойти. Я *иду* с вами.

* * *

Полночь…

Притихший, дрожащий, истекающий горестными мыслями город.

Полыхающий лес, истерзанная разрывами пустошь, руины передовых укреплений Рубежа, освещенные заревом лесного пожара и очагами все еще горящей жидкости, пролившейся из взорванных емкостей, питавших огнеметы…

Тьма прячется между каменными глыбами.

Флора, вместе с Райбеном и Лаймелом пробиравшаяся через завалы, вдруг остановилась.

Тьма и огонь. Горячее пульсирующее тепло за спиной и холод смертельной неизвестности впереди.

Картина, выхваченная взглядом, и внутренние ощущения внезапно соткали пространство души. Не конкретной, а абстрактной. Не принадлежащей никому, обобщенной, но понятной каждому: в нас так же ведут борьбу свет и тьма, горячими кострами пламенеют порывы и страсти, далекими маяками сияют цели… Но часто ли поднимается над контрастным пейзажем наших душ немеркнущее, теплое сияние настоящей любви, исчезает ли тьма, или путь от костра к костру, от желания к желанию так и лежит для многих через тьму, холод дрожи?

Всего лишь миг, сбившийся шаг, взгляд, скользнувший по окрестностям, а сколько сконцентрировалось в нем не надуманного, а выстраданного, понятого наконец.

Удары далекого сердца.

Пульс, ощущаемый на расстоянии. Холодная ярость Шодан трансформировалась, она более не хотела отрешенных чувств, лед вечности сначала подтаял, затем дал трещины и вдруг рассыпался хрустальным крошевом, льдинки превратились в обжигающие слезы – горячую росу…

Как не вовремя настигают мысли!

– Приготовились!.. – Голос Лаймела вырвал ее из секундного оцепенения.

Вот он – обугленный переломанный контур опрокинувшегося, пропахавшего глубокую борозду в податливой почве «Хоплита», внутри которого тлеет искра жизни.

До него метров двести.

Сумеречное пространство вдруг осветили включившиеся на

уцелевших укреплениях Рубежа прожектора, мгновенно выхватив из оранжевого сумрака фигуры человекоподобных машин, растянувших цепью. Огонь выгнал их из леса, они поднялись в последнюю атаку, рассчитывая выполнить программы, зачистить разрушенный Рубеж и двигаться дальше, в город.

Лаймел тихо произнес в коммуникатор:

– Автоматическим орудиям – беглый огонь!

Последний козырь, брошенный на зеленое сукно судьбы.

Дальше – их жизни. Флора на миг ощутила ужас, она видела приближающиеся фигуры, но не ощущала их – бездушные, *не живые,* они казались воплощением самого худшего из кошмаров.

Ночь – притихшая, обессиленная, распластанная, вдруг взорвалась вновь, а казалось, что уже нет у нее сил, чтобы снова вспыхнуть яростью смертельной схватки.

Короткие, но частые очереди автоматических орудий, доставленных на планету вместе с другим оборудованием колониального транспорта и веками остававшихся почти не у дел, заговорили, будто отыгрываясь за столетия тишины: зримые трассы снарядов вмиг располосовали черноту, взломали хрупкую, звенящую напряженную тишь, и началось – обдало жаром, рядом коротко рявкнул автомат Лаймела, а фигура Райбена вдруг потеряла очертания, начиная стремительную метаморфозу.

Флора рванулась вперед вслед за метаморфом. Она бежала по перепаханному воронками полю, а смерть вихрилась вокруг, то выскакивая султанчиками близких разрывов, осыпая землей, то проносилась мимо жалящими росчерками, обдавая упругим жаром лицо, то, совсем озверев, рвала оранжевыми сполохами и без того истерзанную землю.

До определенного момента Флора воспринимала происходящее вокруг не совсем адекватно, ее разум тонул в новых ощущениях, ведь она никогда не знала *войны*, редкие происшествия в городе не несли и тысячной доли того напряжения, что спрессовали в себе несколько последних часов жизни.

Цепь андроидов вдруг резко приблизилась, словно ее швырнули навстречу горстке атакующих людей и метаморфов, человекоподобные машины оказались совсем не похожи на те, что обслуживали город: более крупные, закованные в броню и тем не менее гибкие, быстрые, беспощадные…

Шодан вовремя увидела противника, на миг отключившись от внутреннего восприятия мнемонической ауры Ивана, слабо теплящейся внутри изувеченного корпуса серв-машины: ее оглушила очередь,

выпущенная Лаймелом, в следующий миг метрах в десяти от них из глубокой воронки выскочил андроид, на его покатых плечах, впившись креплениями в бронированные кожухи, располагались два импульсных автомата, в руках сервомеханизм не держал оружия, два лазера были вмонтированы непосредственно в механические конечности, он бежал, согнув руки в локтях, из его ладоней вырывались короткие, почти неуловимые глазом росчерки когерентного излучения, а закрепленные на плечах автоматы как будто жили собственной жизнью, поворачиваясь из стороны в сторону, они посылали во мрак длинные, хлесткие очереди…

Лаймел что-то закричал, сжимая сенсорный бугорок гашетки, пули с визгом ударили в броню дройда, высекая искры, сервомеханизм резко остановился, словно налетел на невидимую преграду, подался назад, поворачивая голову в сторону противника, пули лишь оставляли выщербины на прочном грудном кожухе боевой машины, и Флора вдруг поняла: еще секунда, и он убьет их… обоих.

– Ложись! – дико закричала она, сама падая навзничь, два лазерных разряда прошипели над головой, а Шодан, перекатившись на спину, вскинула «АРГ-8», вбив короткую очередь в локтевое сочленение сервосустава.

Правая рука дройда повисла, как плеть, рядом заговорил автомат Лаймела, и машина пошатнулась, когда пули с металлическим звуком хлестнули по плечевым кожухам, ломая приводы автоматического вооружения.

За долю секунды Флора успела сместить прицел и перебить колено человекоподобной машины.

Дройд начал падать, лазерный разряд из левой ладони ушел в небеса.

На миг мир погрузился в ватную тишину, только гулко молотило сердце.

Вдвоем, стреляя в упор, они едва сумели свалить один механизм… Ей стало страшно. Страшно до тошноты, Флора оглянулась, скользнула взглядом по перекошенному лицу Лаймела, и вдруг ей открылась жуткая в своей ирреальности картина.

По всему полю, стоя или опрокинувшись, полыхали десятка два человекоподобных машин, подбитых огнем автоматических орудий Рубежа, прожектора погасли, разбитые ответным огнем дройдов, смолкли и автоматические орудия, не то уничтоженные, не то меняющие боекомплект, и в жуткой, стылой тишине, нарушаемой лишь треском пламени да заунывными звуками сервомоторов, в атаку ринулись метаморфы.

Три десятка существ, утративших человеческий облик, неслись на

врага с такой скоростью, что их движения превращались в мутные росчерки, андроиды попытались ответить массированным огнем, но их реакции не хватило, чтобы сопроводить цели, движущиеся с фантастической для живых существ стремительностью, еще миг – и сама реальность Рока обрушилась на машины, пробивая бронированные корпуса, отрывая механические конечности, металл и плоть смешались в неописуемой схватке, технические жидкости и кровь хлестали на землю, раздалось несколько взрывов, затем андроиды, не участвовавшие в схватке, приняли неожиданное решение – они почти мгновенно поняли, что противостоять в рукопашном столкновении местным жизненным формам не по силам ни одному механизму, и открыли огонь по своим собратьям, хладнокровно взрывая их вместе с метаморфами.

Флора почувствовала, как стынет сердце, она стреляла, но что можно поделать, имея в руках лишь устаревшее оружие, причиняющее мало вреда современным боевым машинам?

Агония плескалась вокруг упругими волнами ментальной боли. Расстреляв боезапас штурмовой винтовки, она отшвырнула ее в сторону и вдруг, уже не контролируя свой порыв, выхватив два автоматических пистолета, рванулась к ближайшей машине.

Тень…

Она, как и другие существа ее сатта, умела в нужный миг мобилизовать все силы организма, Шодан сейчас двигалась так же стремительно, как метаморфы, оттолкнувшись от земли, она ударила ногами в плечи андроида, а сама мягко и пружинисто, будто кошка, приземлилась рядом с опрокинутой ударом машиной и четырьмя выстрелами перебила конечности сервомеханизма.

Лаймел быстро усвоил наглядный урок, преподанный Шодан, мимо пронеслась Тень, и еще один серв рухнул на землю.

Обернувшись, Флора увидела, как от Рубежа на помощь гибнущим метаморфам несутся воины. Не только Тени – все, кто остался в живых, поднялись в атаку под прикрытием огня вновь заговоривших автоматических орудий.

Жизнь и смерть на зыбкой границе данности меняли смысл, перетекали друг в друга. Исчезла отрешенность, и, как всегда, лишь трусы оставались такими же, как были, а те, кто ринулся навстречу своему страху, уже никогда не станут прежними.

Здесь происходило последнее возможное для жителей Рока изменение – плавились души, сливаясь в едином порыве.

…Флора не помнила, как очутилась рядом с покореженным корпусом

серв-машины, она пришла в себя после нескольких забиравших все жизненные силы рывков, чувствуя, что дрожит от перенапряжения, а по щекам катятся слезы, в онемевших пальцах – два разряженных пистолета, в ушах – гулкий ритм ударов собственного сердца и голос, проникающий через все ментальные и физические преграды прямо в рассудок:

Щодан, ты только что спасла мне жизнь. Держись, я иду к тебе…

Райбен.

Она огляделась.

Схватка кипела по всему полю, орудия смолкли, но в районе уцелевших укреплений Рубежа трескучими раскатами метались звуки автоматического огня.

Из багряного сумрака действительно вынырнул Райбен.

– Я помогу тебе. Ты не сможешь сама открыть люк.

– Лаймел… Я не чувствую его…

– Он умирает, – скорбно произнес метаморф. – Сегодня будет горький рассвет. Давай открывать люк. Я не хочу, чтобы Иван погиб, истекая кровью.

* * *

Звуки вспыхнувшей на Рубеже перестрелки не почудились Шодан.

Опустевшие укрепления молчали, когда воины ринулись на выручку погибающим метаморфам.

Автоматические орудия прекратили огонь, на целевых мониторах мелькали запрещающие надписи – цели, опознанные как противник, сливались с защитниками Рубежа, и автоматика остановила запрограммированное действие.

Небольшая группа ганианских воинов вскрывала обшивку «Хоплита», пытаясь вызволить своего командира.

Им удалось вытащить бессознательное тело Файзулло, медики начали оказывать ему первую помощь, когда со стороны города появилась группа вооруженных андроидов древней модели.

Поначалу ганианцы не обратили на них должного внимания, посчитав, что это подкрепление, присланное для обороны Рубежа.

Заблуждение длилось недолго, ровно до тех пор, пока с одного из укреплений по андроидам не был произведен одиночный выстрел.

Группа машин моментально рассыпалась, занимая укрытия, и ответила шквальным автоматическим огнем; на вершине укрепления кто-то болезненно вскрикнул, вниз с десятиметровой высоты сорвалось человеческое тело, а древние машины, вооруженные штурмовыми

винтовками, мгновенно перенесли огонь на ганианцев.

Несколько человек повалилось навзничь, от массированного огня не спасли даже бронескафандры, машины, работающие в составе локальной сети, пробивали броню, сосредотачивая огневую мощь всей группы на нескольких целях.

В ответ раздались проклятия, воины Ганио тут же рассыпались по укрытиям, лишь несколько человек остались подле Файзулло, прикрывая командира своими телами, впрочем, вспыхнувший бой длился недолго, разъяренные ганианцы пустили в ход неприкосновенный запас тяжелого вооружения – шквал тактических ракет, выпущенных из штатных ОРК,[19] разметал андроидов, обрушив часть стены, еще отделявшей город от диких пространств планеты.

Не понимая, что происходит, ганианцы, потерявшие пятерых бойцов, добили все механизмы, оказавшиеся в радиусе эффективного сканирования, затем командир, взявший на себя обязанности Файзулло, вызвал фланговые группы.

Ответил лишь один человек.

Штурмовые сервы не прошли, но схватка с ними стоила жизни еще двум группам воинов Ганио.

Их осталось всего двадцать, включая Файзулло.

Они не знали, что им теперь делать, и лишь с нескрываемой надеждой посматривали на индикационные огни автоматической медицинской системы, надеясь, что их командир ранен не смертельно.

Они не понимали, что Файзулло выживет в любом случае, но уже никогда не вернется на Ганио – его бронескафандр был пробит в нескольких местах, забрало гермошлема разбито, и он вот уже час сипло вдыхал воздух Рока.

* * *

Чудовищная по своему напряжению и неравенству сил схватка завершилась около трех часов ночи, когда был обнаружен и уничтожен последний андроид.

Иван сидел, тяжело прислонившись к обугленной броне искореженного «Хоплита». Несколько сломанных ребер, пара рваных ран, кровотечение из которых удалось остановить только совместными усилиями Флоры и еще двух незнакомых Таманцеву бойцов из сатта Теней, – все это, как и физическая боль, казалось сейчас незначительным на фоне явной, но страшной по количеству жертв и разрушений победы.

Флора сидела рядом, такая же обессиленная, едва живая, но он

чувствовал, что кроме естественной горечи многих утрат ее душу наполняет тепло, то тепло, которого он ждал, но не ощущал в недавнем прошлом.

С трудом подняв руку, он коснулся ее щеки, вытирая дорожки от слез.

– Все отболит, родная… – тихо произнес он.

– Я знаю… – Она всхлипнула, прижавшись к нему. – Никто из нас не думал, что такое может произойти.

– Могло быть хуже. Намного хуже, – ответил Иван. – Мы еще не закончили.

Флора взглянула на него.

– Почему?

– Мы отбили атаку *исполнителей*. – Таманцев, стараясь не застонать, встал, опираясь о броню. – Теперь нам предстоит встретиться лицом к лицу с истинными виновниками случившегося.

– Меня возьмете? – раздался из темноты голос Райбена. – Есть пара неприятных вопросов к заказчикам.

– Твое право, – согласился Иван. – Ты сможешь поговорить с Ораном, чтобы он предоставил нам свою летающую машину? Мы должны действовать быстро.

– Не проблема, – сумрачно ответил метаморф.

Эпилог

Командующему объединенного космического флота Совета Безопасности Миров адмиралу Звягину.

Входящее сообщение.

Код тревоги: красный.

Совершенно секретно.

Источник данных: Аварийный канал гиперсферных частот, инициированный в системе звезды ХМ-3712 по универсальному галактическому каталогу.

Отправитель: галакткапитан Таманцев И.А.

Текст сообщения:

Довожу до сведения командования флотом, что мной в результате «слепого рывка» была вторично открыта колония эпохи Великого Исхода. Идентифицирован колониальный транспорт «Надежда». В ходе исследования колонизированного мира обнаружены постройки цивилизации хfamминов, в частности лаборатории, продолжавшие линию исследований, известную по записям разведки планеты Рай.

В колонии обнаружены воздействующие на человека генетические модификаторы, по предварительным выводам, разработанные цивилизацией харамминов в целях создания генетически модифицированных бойцов своей расы для борьбы с вторжением инсектов в пределы скопления О’Хара.

Активная разведка выявила стационарные порталы гиперпространственных тоннелей, связывающих колонию с планетой Ганио.

В ходе оперативного расследования установлено вмешательство третьей силы, пытавшейся осуществить геноцид цивилизации Рока и получить полный контроль над пространством планеты путем высадки через портал групп боевых сервомеханизмов, в том числе класса «Одиночка».

Цель подобной акции – овладение практическими результатами древних разработок, которые можно применять против существ человеческой расы в качестве генномодифицирующего биологического оружия. Последствия применения в семидесяти случаях из ста ведут к изменениям человеческого организма, несовместимым с психологией человека, что приводит к появлению агрессивных, лишенных рассудка,

трудноуничтожимых жизненных форм.

В данный момент угроза распространения и передачи в третьи руки штаммов генетических модификаторов пересечена, порталы, ведущие на Ганио, блокированы. Предполагаю появление на планете остаточной группы из числа Квоты Бессмертных.<W0>

Встреча подготовлена.

Планетная цивилизация Рока остро нуждается в немедленной помощи.

Силам флота необходимо осуществить блокаду системы. При высадке на планету следует соблюдать максимальные меры биологической защиты.

Во избежание столкновений с неразумными жизненными формами планеты рекомендую провести предварительную координацию мест высадки десантных и исследовательских групп с применением известного мне кода связи специальных подразделений космического десанта.

13 августа 3870 года.

Система ХМ-3712. Галакткапитан Таманцев

Штаб объединенной группировки военно-космических сил Совета Безопасности Миров

– Что думаешь по поводу сообщения, Хенрик? – Адмирал Звягин расхаживал по кабинету, ожидая ответа своего заместителя.

– Анализ полученной информации на девяносто процентов соответствует ориентировкам, связанным с поиском существ, проводивших эксперименты на планете Рай.

– Насколько я помню, координаты Рая так и не были получены нами.

– Да. Существует единственная документальная запись, полученная на Аллоре, в момент кратковременного пребывания там частного разведывательного корабля «Звездный пес». Мы располагаем данными, неопровержимо свидетельствующими об экспериментах одной из древних космических рас, повлекших за собой полное уничтожение фауны планеты и создание неких сверхсуществ, способных к мгновенным метаморфозам. Кто и в каких целях осуществлял данные эксперименты, нами не установлено.

– Что по Таманцеву?

– Он был пленен ганианцами во время отражения атаки на транспортный конвой. Никаких сведений о его дальнейшей судьбе выяснить не удалось.

– С оперативниками на Ганио связались?

– Да. Они подтверждают, что анонимным покупателем на черном рынке планеты была приобретена партия сервомеханизмов, в том числе полное серв-соединение и порядка пятидесяти штурмовых механизмов производства корпорации «Инфосистемз». Дальнейшая судьба закупленных боевых единиц не выяснена, достоверно известно, что планету они не покидали, но исчезли из поля зрения наших агентов.

– Значит, и тут все сходится?

– Да, сообщение Таманцева не противоречит многим разрозненным фактам, складывающимся теперь в общую картину.

– Как ты оцениваешь степень угрозы?

– Если верить материалам, известным по Раю, то распространение подобного генетического модификатора в биосфере любой из обитаемых планет автоматически ведет к уничтожению планетной цивилизации, катастрофе глобального масштаба. Здесь выводы Таманцева нужно проверять, но угрозу оцениваю как реальную, тем более если против нас действуют остатки Квоты, «накопавшие» сведения о древних исследованиях своей расы. Подобный ответный удар вполне в духе Бессмертных.

– Сумеет ли Таманцев остановить их? Оперативная группа сил флота осуществит прыжок на координаты Рока только через два часа.

– Капитан Таманцев четыре года командовал специальным подразделением космического десанта. В его подсознание имплантированы все необходимые данные, информация активируется только при действительной встрече с тем или иным явлением из разряда засекреченных. Думаю, он в состоянии просчитать ситуацию и достойно встретить представителей Квоты.

– Хорошо, Хенрик, вылетай немедленно. Примешь на себя командование операцией. Я объявляю тревогу.

Система Рок.

Перед вылетом оперативной группы к комплексу древних сооружений «Когтя»

Завершив передачу данных, Таманцев выбрался из рубки резервного «Хоплита».

У выдвижного трапа его ждала Флора.

– Я только что разговаривала с Райбеном. Он сейчас заберет Найва и летит к нам.

Иван ласково коснулся ее щеки, заглянул в глаза, поймал огонек

тревоги и спросил:

– Что тебя тревожит? Все уже позади.

– Не все… Иван, ты уверен, что хараммины придут? Разве машины не должны были подать им знак?

– Они придут, – уверенно ответил Таманцев. – Но ты что-то не договариваешь?

– Да… Не знаю, имеет ли для тебя значение, но Николай Лорген погиб.

– Тот самый, кого подставляли, когда пытались убрать нас?

– Да.

– И как это случилось? Ракетное попадание? Я не видел его среди защитников Рубежа.

– Он погиб тут. Я наладила связь с его отцом, и он признался, что по приказу Келгана подготовил группу андроидов, которая… должна была ударить нам в спину.

– Проклятье… – Иван присел на опаленную глыбу камня. Беспокоили сломанные ребра, каждый вдох приходил с болью. – И какова была роль Николая?

– Ричард не до конца разделял взгляды Келгана. Он запрограммировал машины так, чтобы те отвечали ударом на удар, но не атаковали первыми. Ник и произвел роковой выстрел. Я не знаю, почему он согласился это сделать.

– Его застрелили?

Флора кивнула.

– А Келган? О нем есть данные?

– Вероятно, погиб. Сейчас сервы разбирают завалы, но надежды найти выживших под обломками Дворца Правосудия нет.

…Близился рассвет. Тьма сгущалась, энергопитание на городские уровни еще не подали, а пожары уже затухали, рдея тусклыми пятнами раскаленного камня, металла или угольями сгоревших деревьев.

Из сумрака вынырнула фигура в боевой броне.

– Господин, Файзулло зовет тебя.

– Он пришел в сознание?

– Только что. Очень слабый, – на ломаном интеранглийском пояснил ганианец. – Зовет быстро.

– Иду. – Иван встал, опираясь на руку Флоры, но не отпустил ее, молча предлагая пройтись вместе.

* * *

Файзулло лежал в палатке полевого медицинского модуля, развернутого прямо среди руин Рубежа.

Его сознание находилось на зыбкой грани между бредом и явью, но Таманцева он узнал.

Они встретились взглядами.

В глазах Файзулло таился ужас.

– Джелави… Иван… – сипло произнес он, слабым жестом указывая на свою гермоэкипировку, которую почему-то не убрали из стерильного помещения. – Видишь, как получилось…

Таманцев оглянулся, заметил разбитое забрало гермошлема и понял истоки ужаса, таящегося во взгляде ганианца.

– Я теперь такой же, как вы? Кем я стану?..

– Никто не знает. – Иван не смог солгать.

– Я не хочу… Боюсь стать… зверем…

Таманцев посмотрел на Флору, дождался ее легкого кивка и ответил:

– Мы тебе поможем. Ты сохранишь рассудок.

– Моим раненым бойцам тоже?

– Всем.

Файзулло нашел в себе силы улыбнуться, но у него вышла лишь натянутая, болезненная гримаса:

– Будет еще один сатт… – едва слышно прошептал он. – Сатт Ганио…

На улице раздался шум мотора.

– За нами. – Флора тронула Ивана за руку. Он еще секунду смотрел на потерявшего сознание ганианца, затем вышел из палатки мобильного медицинского модуля.

– Раненых много? – спросил он у стоявшего на посту ганианца.

– Двадцать человек, господин.

Иван ничего не сказал ему, лишь покачал головой в ответ собственным мыслям.

Заметив севшую неподалеку машину, похожую на старые образцы флайботов, он повернулся к Флоре:

– Летим, время не ждет.

Рок. Комплекс «Когтя»

Наземные дороги, ведущие к комплексу «Когтя», разрушило беспощадное время, но обнаруженные еще во время первой вылазки посадочные площадки позволяли быстро добраться до древних сооружений по воздуху.

Конструкция машины, созданной Ораном, не отличалась оригинальностью и удобством, но главное – местный аналог современных

флайботов действительно сумел подняться в воздух и даже набрать километровую высоту.

– Говорить с харамминами буду я, – предупредил Таманцев. – Найв переведет мои слова, считывая мысли.

– Не проще ли наоборот? – спросил эмглан.

– Ты уверен, что сумеешь передать образы, отражающие мою мысль и понятные харамминам?

– Нет, не уверен.

– В таком случае делаем, как я сказал. Конечно, до совершенства в знании языка мне далеко, но донести основные мысли словарного запаса хватит.

Полет занял около часа.

Наконец посадочные опоры «Ротмарха» коснулись камня, аппарат ощутимо тряхнуло, так что у сидевших в салоне лязгнули зубы.

– Выходим. В темпе. – Иван ощущал непонятный дискомфорт, сравнимый с подсознательным чувством тревоги, но определить источник беспокойства не удавалось.

Время от времени он посматривал на два скрепленных вместе прибора – коммуникатор ближней межпланетной связи, взятый из «Хоплита», и нехитрый приемник, принимающий сигналы от устройств, оставленных им у портала.

Спуск по крутой каменной лестнице не отнял много времени.

В зале, где располагался портал, было пусто и тихо.

– Рассредоточиваемся. Ищем укрытия. Оружие держать наготове. Хараммины могут заявиться не одни. Флора, ты контролируешь выход из зала, Найв, страхуешь меня, Райбен, ты перекрываешь направление портала, как только они завершат переход и направятся к выходу. Я буду действовать по обстановке.

* * *

Через полчаса томительного ожидания древнее устройство озарилось призрачным светом.

С дискообразного возвышения сошел всего один хараммин в сопровождении двух боевых сервов.

Иван ждал, не проявляя себя, хотя существовал огромный риск, что кибернетические механизмы обнаружат наличие посторонних.

Неужели всего один?

Прошла минута, но повторной вспышки перехода не последовало.

Хараммин, похоже, находился в состоянии шока – он медлено

поворачивался, расширенными глазами рассматривая стены древнего помещения.

Иван понял – тянуть дальше бессмысленно.

Он подал условный сигнал, и несколько одиночных выстрелов нейтрализовали сервов.

Хараммин резко обернулся, увидел людей, его лицо на миг исказилось ненавистью и пониманием, затем его руки рванулись к замкам гермошлема, но стремительный прыжок метаморфа не позволил ему завершить движение и вдохнуть воздух Рока.

– Извини, но ты не заслужил даже такого выбора, – раздался хриплый голос Райбена.

Похоже, его реплика в переводе не нуждалась.

Щупальца метаморфа прочнее любых оков удерживали руки хараммина прижатыми к туловищу.

* * *

Через десять минут, выйдя под открытое небо, они увидели у горизонта светлеющую полоску зари.

Над Роком вставало солнце, и, опережая восход, в ясных безоблачных небесах к посадочным площадкам «Когтя» снижались объятые пламенем планетарных двигателей десантные модули Флота Конфедерации Солнц.

Райбен продолжал удерживать хараммина в своих отнюдь не нежных объятиях. Найв, отойдя в сторону, косился на последнего из Квоты Бессмертных с выражением брезгливого ужаса, очевидно, воспринимая его мысли.

Иван обнял Флору с нежностью и почувствовал, как их души наконец сливаются воедино, озаренные пламенем любви, зарождающимися красками восхода и яростным жаром снижающихся десантных модулей.

Оба знали, что запомнят этот миг навсегда…

notes

1

Космический Халифат образовался в результате захвата шести резервных баз Земного Альянса на планетах скопления Ширана. Завладев базирующейся там техникой, потомки колонистов – выходцев с Ближнего Востока Земли предприняли попытку захвата ряда планет. Подробнее об этих событиях в романе «Последний Рубеж».

2

*Текстоглиф*ы – специальные символы на клавиатурах (сенсорных, виртуальных), отличающие те «кнопки», что отвечают за запуск часто используемых командных последовательностей.

3

Маркированные линии гиперсферы ведут к заранее известным системам. Немаркированные – уводят к неисследованным звездам.

4

Речь идет о существах с планеты Рай. Подробнее смотри роман «Потерянный Рай».

5

БСК – боевой сканирующий комплекс.

6

Автомат движения встраивается в каждый скафандр, оснащенный сервоусилителями мускулатуры. Может самостоятельно поддерживать равновесие и совершать тактовые наборы движений, соответствующие шагу. Автомат способен самообучаться, подстраиваясь под индивидуальные особенности ходьбы человека.

7

Цокольный этаж мегаполиса. Сразу после посадки колониального транспорта на планету начинает свою работу планетопреобразующая и строительная техника. На месте посадки (стерилизованной от исконных форм жизни колонизируемой планеты) начинается строительство Цоколя – многокилометрового основания будущего города. Внутри Цоколя располагаются системы жизнеобеспечения, реактор, очистные сооружения, цеха по производству необходимых для дальнейшего строительства машин и материалов.

Пробуждение людей начинается после завершения работ по возведению Цоколя.

Известен целый ряд планет, где при успешно возведенном Цоколе пробуждение колонистов так и не состоялось. Есть примеры частичного выполнения запланированных работ с тем же трагичным исходом.

8

*Мимикри*я – свойство некоторых животных и растений маскироваться под окружающий фон.

9

*Сигнатур*а – в данном контексте этот термин обозначает характерное распределение энергий, фиксируемое сканерами. Карты сигнатур позволяют без визуального контакта определить, какие именно устройства (известные людям) работают под покрывалом атмосферы.

10

Говоря о ловушке вечности, Таманцев подразумевает известные человечеству проблемы, связанные с вечным существованиям сознания в границах созданных логрианами фантомных вселенных.

11

Говоря о четырех расах, Таманцев подразумевает и дельфонов.

12

*Логри*с – единение миллиардов логров, нейросетевой искусственный сверхразум, созданный расой логриан. Каждый отдельный логр хранит сознание одного существа, формируя для него адаптивную виртуальную вселенную. Основной принцип, заложенный логрианами в свое детище, – необратимость физической смерти. Данный принцип был нарушен харамминами, поработившими логриан, разрушившими истинный Логрис и узурпировавшими его технологии. В результате появилась Квота Бессмертных – несколько десятков тысяч избранных существ, чей разум при помощи копии Логриса перемещался в клонированные тела.

13

Семидневная война началась с неожиданной атаки харамминов и подчиненных им инсектов, направленной на уничтожение центрального узла межзвездной сети Интерстар, базирующейся на мощностях станций гиперсферной частоты в системе Элио. Конечной целью нападения являлось уничтожение межзвездной системы связи, разобщение человечества, информационная изоляция планет.

14

*Кибсте*к – персональный кибернетический модуль, оснащенный системой голографического проецирования. Как правило, имеет форму браслета, используется в качестве личного компьютера.

15

Суспензорное поле. В отличие от иных видов энергетической защиты, электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля стали древние разработки, предполагавшие установку на космических кораблях специальных электромагнитных улавливателей, предназначенных для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использовался в качестве активного вещества для силовых установок.

После открытия феномена гиперсферы данная технология утратила свою актуальность – изменился сам принцип перемещения космических кораблей. Однако спустя века о ней вспомнили в связи с разработкой аварийных защитных систем, в частности, речь шла о средствах борьбы с декомпрессией отсеков. В итоге было запатентовано и воплощено на практике несколько систем, использующих один и тот же принцип: газ или иная взвесь вещества (широко известна практика использования пыли на безвоздушных мирах), попадая в зону действия магнитного поля, излучаемого эмиттером, уплотняется до такой степени, что между отдельными молекулами (либо частицами вещества) возникают насильственные взаимосвязи. В результате получается пленка, способная выдержать давление в несколько атмосфер. Первые устройства суспензорной защиты появились на космических кораблях к финалу Галактической войны. Позже, с развитием нанотехнологий, появились различные модификации суспензорной защиты, использующие два типа эмиттеров, основной и вспомогательный, которые благодаря своим микроскопическим размерам внедряются непосредственно в структуру защитного поля, позволяя гибко настраивать его режимы и пространственную конфигурацию (например, это необходимо для формирования локальных проходов в защитном поле).

16

*Хамелео*н – маскирующий мимикрирующий состав. Используется для покрытия бронепластин.

17

Системы «Хьюго-БД12» обладают тремя степенями программной свободы. Машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, позволяющим ему действовать на трех разных уровнях свободы.

Первый являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла вызывать угрозу для окружающих.

Второй уровень программных оболочек включался автоматически, в случае, если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы.

Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные шаги, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельную реконструкцию зоны посадки.

Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком путем ручного ввода команд со встроенного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а также жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации дройда серии «Хьюго-БД12» мог хранить от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов, уборки помещений и заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожают жизни его хозяина.

18

Колонисты усовершенствовали конструкцию штурмовой винтовки «АРГ-8», изменив ее сообразно условиям планеты. Два типа боеприпаса – парализующий и боевой (классический) снаряжаются в разные обоймы, которые могут заменяться простым вращением рукоятки оружия.

19

ОРК – орудийно-ракетный комплекс. Штатное вооружение, входящее в комплект бронескафандра. Три пусковых ракетных тубуса крепятся на правой руке от запястья к локтевому суставу, два (или одно в облегченном варианте) безоткатных орудия закреплены на плечевых бронепластинах, система боевого скафандра также оснащена устройствами компенсации нагрузок при выстреле.